

Алексей Котов

*Чудо ты мое,
зеленоглазое*

18+

Алексей Николаевич Котов
Чудо ты мое, зеленоглазое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24729393

SelfPub; 2024

Аннотация

В общем-то, житейская история, трагическая и невероятная, фантастическая и даже страшная, излагая которую автор сделал все возможное для того, чтобы она получилась доброй и смешной.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	37
Глава четвертая	55
Глава пятая	64
Глава шестая	72
Глава седьмая	92
Глава восьмая	98
Глава девятая	110
Глава десятая	131
Глава одиннадцатая	147
Глава двенадцатая	168
Глава тринадцатая	189
Глава четырнадцатая	202
Глава пятнадцатая	227
Глава шестнадцатая	242
Глава семнадцатая	265
Глава восемнадцатая	286
Глава девятнадцатая	313
Глава двадцатая	329
Глава двадцать первая	345
Глава двадцать вторая	363
Заключение	389

Алексей Котов

Чудо ты мое, зеленоглазое

«Кошачье сердце» Алексея Котова

С Алексеем Котовым литературный журнал «Парус» впервые познакомился, когда в редакцию поступили несколько небольших рассказов, в основе каждого из которых лежал не просто увлекательный сюжет, построенный на парадоксе или даже анекдоте – за ними всегда стояло нечто большее, чем забавная история – произведения обращали человека лицом к самому себе и показывали выход из какого-нибудь сложного жизненного лабиринта. Рассказы («Неведомая земля», «Ласточка», «Сволочь», «Кошка», «Дорога из Тимаково», «Радость моя...», «Точка на карте», «Чёртова кожа», «Сашка БогаНет» и др.) были опубликованы и вызвали читательский интерес. С тех пор Алексей Котов – постоянный «житель» нашей рубрики «Человек на земле».

Это прозаик «со стажем», пишущий упорно, вдохновенно и, в отличие от многих своих современников-беллетристов, поднимающий серьёзные вопросы, так или иначе возникающие на жизненном пути перед каждым человеком: зачем я живу? что для меня имеет ценность в этой жизни? куда я

иду? что такое любовь, вера, жизнь и смерть? почему с нами происходят те или иные события? способны ли мы простить или даже полюбить своего врага? можем ли различить добро и зло?

Не исключением стала и представленная читателю повесть, в которой соседствуют, сверкая изломами, самые разные, порой неожиданные грани человеческого бытия.

Ну, например, кто же не любит кошек!.. Эти пушистые симпатяги прочно вошли в нашу жизнь, кто-то даже утверждает, что мохнатые любимцы способны исцелять от недугов и, вообще, являются носителями невероятных умений – способностями видеть недоступное человеческому глазу, чувствовать различные энергетические поля, предсказывать будущее... Известны многочисленные случаи спасения кошками своих хозяев, а есть коты, которые умеют делать массаж, коты-артисты (как в театре Куклачёва) и т.д.

«Ах, как много на свете кошек, Нам с тобой их не счесть никогда», – утверждал лирический герой Сергея Есенина. Его слова вполне могли бы стать эпиграфом к повести Алексея Котова «Чудо моё зеленоглазое», которая с не меньшим успехом вдогонку известному булгаковскому произведению могла бы называться «Кошачье сердце» и в которой читатель насчитает достаточно большое количество чёрных кошек – для кого-то плохой приметы, а для кого-то – талисмана удачи. Однако повесть, в первую очередь, о человеке.

Это почти детективно-мистическая история – о любви, о

живом, необыкновенно чувствительном человеческом сердце, о предприимчивости, творческом подходе к жизни и о подлинной цене всех вещей. Это и впечатляющая картина наших сегодняшних реалий, где нищают старики, здравствуют бандиты, распадаются семейные отношения, процветают пороки, а человек всё больше и больше сиротеет, оказываясь один на один с жизнью без всякой поддержки и уверенности в себе. «Жизнь – невыразима!» – восклицает главный герой повести. И действительно, сама жизнь есть чудо – тайна, которую каждый персонаж повести разгадывает в меру своих сил.

Мотив чуда – очень древний русский мотив, органично входящий и в былины, и в предания, и в сказки. Чудо – как нечто, преодолевающее законы физической реальности, как гавань человеческой надежды, символ спасения. Вспомним, что и тысячелетняя вера наших предков во многом основывалась на чуде. Не будь его, не были бы возможны ни исцеления, ни спасения, ни чудесные преображения, известные православному христианству. Повесть «Чудо моё зеленоглазое» наполнена тайнами, граничащими с чудесами – неожиданные изгибы сюжета заставляют читателя испытывать напряжённое волнение, строить догадки, размышлять над собственной жизнью и, возможно, тоже ожидать чудес.

Не случайно чудесные свойства в повести приписываются именно кошкам. Тема «зверя», число которого пытается «счесть» герой, обыгрывается в произведении в разных ва-

риациях: и посредством реальных зверей – «братьев наших меньших», и через разгадку числа 666 – «формулы уничтожения, числа предателя», и, конечно, через поиск «зверя» в своей собственной душе. Именно душу – свою и близких ему людей – стремится спасти главный герой «Чуда...»

В повести отчётливо звучит мотив исцеления – проходя испытания, как библейский Иов, люди излечивают свои недуги – физические и духовные. Будем верить, что в ходе чтения нечто подобное произойдёт и с нашими читателями, поэтому нам остаётся от всей души пожелать автору вдохновения и новых книг, а тем, кто обратится к этому тексту, захватывающего и, одновременно, вдумчивого чтения.

Ирина Калус,

доктор филологических наук, гл. редактор электронного журнала любителей русской словесности «Парус» (Москва).

В общем-то, житейская история, трагическая и невероятная, фантастическая и даже страшная, излагая которую автор сделал все возможное для того, чтобы она получилась доброй и смешной.

1993 – 2010 год

Глава первая

Нельзя сказать, что Николая Петровича не любили соседи, просто старик сам по себе слыл человеком не то чтобы нелюдимым, а, как говаривали некоторые, не свойским что ли?.. Улыбался Петрович редко, говорил мало и часто хмурился, словно вынашивал одному ему понятную, невеселую мысль. Когда-то давно старик сильно обгорел, но последствия ожога на его лице не были отталкивающими, скорее даже наоборот, они делали Петровича похожим на доброго пирата из детской сказки. И все-таки, разговаривая с людьми, старик не то что бы прятал лицо, а как-то немного тянул шею в сторону, будто видел там, в стороне, что-то более интересное и спешил прервать общение даже если оно было интересно собеседнику.

Никто и никогда не слышал от Николая Петровича дурного слова или жалобы. Те, кто заходили к нему занять денег до получки или еще по какой другой житейской нужде, всегда видели старика за работой: старик держал кроликов и, как посмеивались некоторые, черных кошек. Почему у него приживались только черные, и исключительно зеленоглазые кошки, не знал даже и сам Петрович. Они приходили неведомо откуда, жили своей жизнью, предпочитая не общаться с местной мяукающей братией, и приносили такое же чер-

ное и зеленоглазое потомство, как и они сами. Взять котенка у Петровича мечтала едва ли не вся городская окраина. Выпрошенный у старика черный котенок приносил в дом если не удачу, то существенное облегчение от житейских неурядиц. Кто-то утверждал, что смог бросить пить только после того, как обзавелся-таки котенком «от Петровича», другому вдруг крупно везло с работой, а в семье третьих наглухо стихали скандалы.

Впрочем, был один уникальный случай, который, может быть, и стал первоисточником людского суеверия. Однажды, лет двадцать тому назад, кошка, взятая у Петровича, спасла целую семью. А произошло вот что: во время сильного, ночного бурана в печную трубу дома свалилась и задохнулась ворона. В комнаты хлынул угарный газ. Быть бы большой беде, если бы кошка не разбудила полу задохнувшегося хозяина. Еле живой, с до крови расцарапанным лицом человек ничего не мог понять, пока страшно возбужденная, взъерошенная кошка не бросилась к двери, словно показывая путь к спасению. Соседи видели, как той жуткой ночью кошка спешила домой. Она бежала так, как будто знала, что вот-вот должна случиться страшная беда и ее не смогла остановить даже оконная рама с двойным стеклом. Короче говоря, слухи были самыми разными, но все сходились в одном – котята зеленоглазых кошек Петровича приносили людям только добро.

Старик недоверчиво улыбался, слушая подобные рассказы.

ни. Он категорически отказывался брать деньги за котят или тратить время на то, что бы вникнуть в правила живой очереди, установленной желающими приобрести у него котенка. Мало того, и старик и те три-четыре кошки, постоянно жившие у него дома, казалось бы, почти не обращали внимания друг на друга. Только иногда, осенними ненастными вечерами или в полнолуние, кошки вдруг безбоязненно прыгали к старику на колени, ласкались, а потом, когда тот усypал, долго, словно ожидая чего-то, не отходили от его постели, настороженно всматриваясь в окружающую темноту огромными зелеными глазами.

Петрович был вдовцом. Ко времени гибели жены ему не исполнилось и сорока лет. Обстоятельства страшной смерти жены Петровича знали немногие, но они так упорно молчали, что всем остальным, не знавшим ничего об этой трагедии, поневоле приходила в голову мысль о чем-то не совсем обычном. В наследство от жены у Петровича осталась дочка Светлана. Старик был искренне привязан к ней. Светка с мужем и тремя детьми жила неподалеку, на соседней улице. Наверное, жизнь Петровича была бы значительно веселее, если бы не пьяница-зять. Взаимная неприязнь старика и его зятя темнела изо дня в день, как подпорченное яблоко.

В тот день Петрович все-таки решился зайти к Светланке. Поговорить с дочерью откровенно, напрямую, он решил уже давно. Но разговора не получилось и на этот раз. Старик не знал с чего начать.

На кухне мягко тикали настенные часы. Петрович на секунду задержал у рта ложку и взглянул на них. Стрелки показывали без четверти шесть.

– Ну, пожалуй, мне пора, дочка, – старик отодвинул пустую чашку и, не торопясь встать, сдержанно улыбнулся: – Как-то не хорошо получается... Сам я наелся, а дома у меня некормленная ушастая скотинка скучает.

– Да ты ешь, папа, ешь! – Светлана, пышнотелая, с улыбчивыми глазами женщина, потянулась к кастрюле. – Прямо беда, не умею я понемногу готовить. Вот и Сережка поэтому на меня ругается.

Большой, полный до краев, половник опрокинулся в тарелку Петровича.

– Да уж... – старик проследил глазами движение полной женской руки. – Может и в этот раз многовато будет?

Света засмеялась:

– А ты что, родной дочки, что ли, стесняешься? Ешь!..

Петрович искоса взглянул на дочь и, не к месту, сказал:

– Губа вон у тебя...

– Что, губа? – насторожилась дочь.

– Битая...

Светка прикоснулась пальцами к уголку рта. Улыбка женщины стала гаснуть.

– Это ничего... – тихо сказала она. – Скоро пройдет.

– Опять Сережка дрался?

– Пьяный он был... Сам себя не помнил.

– А бил-то за что? За то, что ты ему, стервецу, слишком много наготовила?

У Петровича кольнуло сердце. Он невольно подумал о том, что, пожалуй, уже совсем скоро это такое родное лицо станет совсем другим: измученным, болезненным, с потухшими глазами и без мягкой лукавинки доставшейся Светке в наследство от матери.

– А дети где?

– Миша и Коля в школе, секция там у них какая-то. А Машеньку Марья Васильевна к себе пока забрала. Пусть побудет немного с бабушкой.

– И то верно. Нечего девчонке смотреть, как пьяный отец над матерью изгаляется.

– Да Сережка, он ничего... – губы Светки снова тронула робкая улыбка. – Вот только если бы не пил...

– Водкой дерьмо не прикроешь. От водки оно только жиже становится, – старик тоскливо оглянулся по сторонам. – Слышь, Светк, может быть нам с тобой уехать куда-нибудь, а?..

– Куда? И кто и где нас с тобой ждет?

– Да ты погоди, – Петрович подался вперед и, навалившись грудью на стол, приблизил свое лицо к потупленному лицу дочери. – Ты думаешь, я не вижу как ты мучаешься? Не по-человечески все у вас как-то получается с Сережкой, понимаешь?.. Не по-людски. Вчера лег я спать, а сна нет, хоть убей. И все мысли в голову лезут. Не хорошие мысли, Свет-

ка, злые и проку-то от них, если разобраться, никакого нет. Такого, как твой Сергей, только могила исправит. А три дня назад Витька, брат твой двоюродный, из деревни мне письмо прислал. Пишет, живут, мол, они там хорошо: огород у них полгектара, хозяйство...

– Детей, папа, на огороде у Витьки не вырастишь.

– Но в деревне все ж таки легче нам с тобой будет.

– Везде, пап, хорошо, где нас нет, – вздохнула Светка. –

А еще лучше там, где нас с тобой не будет никогда.

В коридоре хлопнула входная дверь. Молодая женщина скользнула по лицу отца изменившимся, испуганным взглядом.

– Ты, папа, иди лучше домой, а?.. Поздно уже.

Петрович выпрямился, не хотя, отстраняясь от дочери.

– Не глухой, слышу. Пришел твой благоверный.

– Папа, я тебя прошу, уходи, пожалуйста!

– Не гони, сам уйду, – опираясь на спинку стула, старик встал. – И за что нам с тобой такое наказание, дочка? За грехи мои, что ли?..

В коридоре загремело опрокинутое ведро. Старик шагнул к двери, и уже протянул было к ней руку, как вдруг та запахнулась сама и с тупым звуком ударилась об угол шкафа.

Петрович попятился. На пороге стоял пьяный Сергей.

– Всем привет! – зять осмотрел кухню. Споткнувшись взглядом на накрытом столе, он удивленно приподнял бровь. – Ужинаем, значит?.. И ужинаем, как я погляжу, без

хозяйина?

Светка подошла к мужу.

– Да вот, папа к нам зашел, – женские руки суетливо поправили воротничок мужской рубашки. Голос Светы подрагивал от напряжения. – Поговорили мы с ним немного. А есть он не хотел, это я сама его усадила...

– Ты думаешь, мне куска хлеба жалко? – Сергей криво усмехнулся. – Только врешь ты... Наверное, опять, тары-бары развели: мол, такой-сякой зять, хрен с него взять? – Сергея сильно шатнуло. Он выругался и оперся спиной на дверь. – Ведь так, дед?

– Может и так, зятек, – тихо ответил старик.

– Да что ты, папа?! – Светка обернулась к отцу и сердито сверкнула глазами. – О Витьке мы говорили, о том, что огород у него в деревне хороший.

– Что ж, огород у Витьки действительно не плохой. Раз как-то удосужился я на него взглянуть, – Сергей чиркнул спичкой и прикурил измятую сигарету. Зять по прежнему стоял в проходе, загораживая старику выход. – А вот сам Витька все ж таки бо-о-ольшая сволочь!.. Ведь так, дедок, или нет?

– Сережа, пойдем спать, а? – Светка обняла мужа за плечи и искательно заглянула ему в глаза. – Ну, пойдем!.. Ты на ногах уже еле стоишь.

– Погодь, – Сергей убрал с плеч руки жены. – Ладно, черт с ним, с Витькой этим... Я тебя лучше, Петрович, вот что

спрошу: ты до каких пор ты, старая, горелая калоша, будешь приползать в мой дом и воду мутить, а? Я ведь тебе что недавно говорил?.. Что бы ты в мой дом по стуку заходил, вот так, – Сергей несколько раз беззвучно стукнул по стене полусогнутым пальцем. – А ты, значит, опять за старое, да?

– Я, зятек, к дочке, а не к тебе пришел... – глухо отозвался Петрович, слова прозвучали отдаленно и тихо, словно были сказаны другим человеком.

Что произошло дальше Петрович, плохо запомнил. До сих пор расслабленно вихляющий непослушным телом зять, вдруг бросился вперед. Грубые, сильные руки рванули старика с места, развернули и, больно сдавив пальцами шею, вытолкали в коридор. Светка испуганно вскрикнула.

Коридор был длинным и темным. Впереди смутным белым пятном маячила распахнутая дверь. Прежде чем дотащить до нее старика Сергей, несколько раз валился на стены, увлекая Петровича за собой. У выхода зять с силой толкнул старика вперед. Тот ударился коленом о лавку и охнул. Лавка упала на бок, но споткнулся об нее не Петрович, а Сергей. Он тяжело повис у старика на плечах и ткнул кулаком в спину. Петровича швырнуло к стене. Сергей лежал на полу и пытался встать. Он тяжело оперся на лежавшую на боку лавочку. Та опрокинулась снова, на этот раз вверх ножками, и Сергей, нырнув вниз головой, ткнулся оскаленным лицом об одну из ножек. С разбитых губ закапала кровь.

– Убью, морда твоя пиратская! – Сергей вытер губы. – Все

равно убью!..

Старик посмотрел на дочь. Та стояла позади мужа и тихо, по-бабьи голосила. С трудом, опираясь рукой на стену, Петрович вышел из дома и с силой захлопнул за собой дверь...

Глава вторая

Застать у себя дома гостей Петрович не ожидал. В кухне, за столом, сидел его племянник Витька и сосед Петровича Лешка. Гости над чем-то весело смеялись, а на столе, уставленном тарелками со случайной закуской, горделиво поблескивала бутылка водки.

– И тут, значит, гуляют, – старик повесил на гвоздь фуражку и шагнул к столу.

Витька весело подмигнул старику.

– А чего, спрашивается, нам горевать-то? Здорово, дядь Коль.

– Здорово, коль не шутишь, – Петрович сел. – Ну, по какому поводу сабантуй?

– А без гуляем. Пьем по причине душевной грусти, – Витька развел руками, давая понять, что его грусть штука довольно большая и вредная и справиться с ней без спиртного занятие неблагодарное. – А ты, дядь Коль, все по старинке живешь. Дверь и та нараспашку.

Смущенно улыбаясь, Лешка встал.

– Ну, мне пора... До свидания, дядь Коль.

– Да сиди уж, коли пришел, – махнул рукой старик. – Ты-то ладно...

– Не-е-е, я лучше пойду. Бывайте, мужики, – возле двери

Лешка оглянулся. – Дядь Коль, ты Витьку не ругай. Ему и без тебя от жены досталось.

С минуту после ухода Лешка за столом царила тишина. Племянник сделал вид, что не замечает пристального взгляда старика. Уткнувшись взглядом в тарелку, он сосредоточенно жевал соленый огурец.

Витька уродился на свет божий таким, что говорить о нем без вздоха сожаления и улыбки, было просто невозможно. Хотя, с другой стороны, пустым человеком Витька, конечно, не был. Любая работа, будь то крестьянский, монотонный труд или что-то более сложное, требующее размышления и определенной сноровки, давалась Витьке легко и без особых усилий. Племянник мог запросто, в одиночку, поставить новую крышу без единого гвоздя или отремонтировать и запустить выдавший виды автомобильный двигатель. Правда, того, чего Витька делать не хотел, ему лучше было не поручать. Кое-как привязанная им по просьбе жены веревка вдруг неожиданно рушилась в грязь вместе со свежевystи-
ранным бельем, а вымытая им тарелка настолько вызывающе пахла селедкой, словно рыбу только что смахнули с тарелки. Что же касается того заборчика возле хлева, который Витька уже трижды ремонтировал и опять-таки по настоянию своей упрямой супруги, то живущие за ним шесть упитанных кабанчиков вполне искренне продолжали считать заборчик не более чем декорацией на заднем плане дворового пастбища.

Подобная легковесность дорого обходилась Витьке. Ста-

вить новые крыши и ремонтировать «вечные» «Москвичи» и «Запорожцы» соседи звали почему-то не Витьку, а других. Те, другие, справлялись с работой, которую Витька мог сделать значительно быстрее и дешевле, значительно хуже него. Но дело в том, что именно те, другие, умели солидно молчать за работой, а распивая за ужином деревенский самогон, так же солидно и обстоятельно, беседовать с хозяином о житейских вещах. А переделать себя Витька не мог. Дожив до тридцати пяти лет, он так и не научился с чувством глубокого самоуважения произносить пошлейшую фразу «Металл, он ведь ласку любит!» или делать три часа то, что можно сделать хорошо только за двадцать минут. Что же касается степенных разговоров, искусству которых любой мастер должен обучиться раньше, чем своему основному мастерству, то здесь Витька был не только первоклассником, но еще и абсолютным двоечником. Деревенская аудитория либо боготворила его, либо презрительно сплевывала и со словами «Ну, опять завелся, философ», уходила прочь. Вся беда Витьки заключалась в том, что он привык царить в разговоре. Именно царить!.. Он никогда не снисходил до того, что бы опровергать доводы собеседника, а попросту сметал их, не оставляя оппоненту взамен ничего, кроме горького ощущения собственной глупости. Апофеозом публичных, и часто не совсем трезвых, Витькиных выступлений, как правило, было чтение стихов собственного сочинения. Стихи у Витьки были странными, непонятными и никто из слушателей,

спустя пару минут, не смог бы пересказать и двух строчек из Витькиных сочинений. Но, признаться, и самого Витьку мало волновали слова. Значительно больше его притягивала к себе та волшебная аура, которую создают слова, те чувства, которые они рождают в других людях и тот смысл, который бессильны передать любые слова, сказанные не из сердца. Люди, видевшие Витьку впервые и убежденные, что все талантливые люди живут в Москве, от удивления открывали рты: веселое и трагическое, философское и почти анекдотическое, неожиданное и привычное, но как бы увиденное иначе, один черт знает с какой стороны, короче говоря все, все несопоставимое и противоречивое уже по природе своей, все это звучало в Витькиных стихах вместе, не вызывая при этом у слушателя ни малейшего сомнения в душевном здоровье автора. Иногда, собственный дар удивлял и самого Витьку. Однажды ночью, сидя над тетрадкой, он написал четыре страшные строчки, которые потом еще долго не давали ему покоя:

Молюсь... Зубами рву колени,
Но есть ли истина в пыли у ног?..
Лед распирает сердце, а не вера
И грудь мне рвет осатаневший бог.

Витька испугался. Он трижды зачеркнул строки и, отшвырнув от себя ручку, долго ходил по комнате. «Мо-

люсь...» Дело в том, что Витька не умел молиться. А еще он никогда не искал истину «в пыли у ног», и уж тем более не чувствовал льда в своем сердце. К вере, не смотря на чисто социалистическое воспитание, у Витьки было самое теплое отношение, например, проходя мимо церкви, он мог запросто перекреститься. И все-таки жуткое четверостишие казалось ему настолько до боли искренними, что Витька вдруг почувствовал себя отвратительным и холодным человеком.

В тот вечер он так и не вернулся к тетрадке. Ночью, уже лежа в постели, Витька долго рассматривал заснеженную вишню за окном. На ее темных, не живых ветвях белел снег.

«Как я, наверное», – вдруг решил Витька. Он улыбнулся, и ему стало легче. Весна была не за горами...

Не смотря на склонность к поэзии, судьба сжалилась над Витькой и наградила его красавицей-женой с крепким, практичным, характером. Работящая и прижимистая Лена была из тех женщин, которые рано или поздно обзаводятся богатым хозяйством, позволяющим безбедно переживать политические и экономические эксперименты, которые любят проводить все без исключения кремлевские мечтатели. Лена умела все: полоть, стирать, ругать, ждать, выращивать и продавать, оставаясь при этом абсолютно спокойной и насмешливо-рассудительной. Например, торгуя на рынке не только собственным поросенком, но и еще прикупленной парочкой у нерасторопных соседей, она спокойно пересчитывала чужую, лишнюю копейку и так же спокойно опускала ее в свой

карман. Склонные к ведению крепкого хозяйства деревенские мужички не могли смотреть на Лену без вздоха: эх, мол, досталась же такая двужилъная красавица деревенскому дурачку!

Да может оно и верно?.. Со временем совместная жизнь Лены с Витькой превратилась для нее в ласковую пытку. Несколько раз, наслушавшись от соседей об очередных любовных похождениях мужа, Лена порывалась уйти от него, забрав с собой двух, до противности похожих на Витьку, детей. Нерадивый муж, нужно отдать ему должное, никогда не пытался удержать жену. Но всегда, когда через пару часов Лена возвращалась, что бы забрать забытую ей впопыхах незначительную вещь, она заставляла постылого мужа с грудастой соседкой. Они сидели на кухне и пили чай. Удивительно то, что Лена никогда не ловила мужа и соседок в другой, скажем так, более амурной ситуации. В том, что молодые женщины приходят к мужу сами, едва увидев ее на улице с торопливо увязанными в узлы вещами, Лена не сомневалась, но именно этот обидный факт не давал ей уйти снова. Оставить мужа наедине с раскрасневшейся от чая соседкой, было выше человеческих, а тем более женских, сил. Примирение всегда было бурным, а со стороны Лены дело частенько доходило до кулаков. Затем страдающая женщина уже в который раз откладывала свой развод, а Витька вел себя настолько тихо, что по ночам Лена вздрагивала от малейшего шороха...

Иногда Витька оставлял в покое свою красавицу-жену и приезжал погостить в город к Петровичу. Старик, конечно, ворчал на племянника, но, говоря откровенно, всегда был рад ему.

– Ну, так ты чего приперся-то? – наконец нарушил молчание Петрович. – В деревне, что ли, дел нет?

– Да так, дядь Коль... Дай, думаю, погощу малость.

Тяжелые и сильные руки Витьки лежащие на столе вдруг засуетились и принялись скатывать из хлебных крошек маленький, упругий шарик.

– Понятно. Просто так, значит, приехал? – переспросил Петрович.

– Ага, просто так.

Старик немного подумал и на всякий случай переставил бутылку водки на край стола – подальше от гостя.

– А по твоему блудливому виду такого не скажешь, – усмехнулся он. – Может, случилось что?

Витька вздохнул. Он покосился на бутылку, потом на Петровича и пришел к неутешительному выводу, что добратся до «злодейки с наклейкой» ему, пожалуй, будет нелегко.

– Дядь Коль, да я же...

– Мутный ты человек, Витька, ох, и мутный! – оборвал племянника Петрович. – Короче говоря, кайся. То есть, либо говори правду, либо уходи. Понял?

– Понял, – Витька грустно усмехнулся. – Только ведь не поверишь ты, дядь Коль...

– Это, смотря насколько складно, ты брехать будешь.

**История, придуманная Витькой только
затем, чтобы развеселить старика и
добраться до вождеденной бутылки водки.**

– Ладно, слушай, – Витька в очередной раз покосился на бутылку, скорбно пожевал губами и начал: – Сегодня утром, дядь Коль, я Ленку в город проводил – сестра у нее заболела. Посадил я свою женушку в электричку и ручкой ей на прощание помахал: скатертью, мол, дорожка. Кстати, еще тогда мне в голову мысль пришла: что это, мол, Ленка на меня из окошка так странно посмотрела? Словно сказать хотела что-то нехорошее да вовремя сдержалась. Ну и вот, значит... Вернулся я домой, и что-то скучно мне стало: детей теща к себе забрала, жена уехала, совсем один я остался, как старый волк летом. А что, думаю, может выпить водки, что ли?.. Тут соседка Надька, как на грех, в дом – шась. Соль ей, видите ли, потребовалась. Ну, то да се, разговорились мы с ней. Налил я и Надьке полстакана. Отчего же не налить, спрашивается, если разговор душевный пошел? Вдвоем и пить-то веселее.

Петрович хмыкнул:

– Особенно на пару с бабой.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Витька и потер широкой ладонью могучую шею. – Выпили мы с Надькой, значит... Потом я думаю, а не истопить ли, мол, баньку? Не сидеть же мужику немывтым, если жена в город уехала. Тут Надька посуду мыть напросилась, а я во двор пошел...

– Париться, случаем, не вдвоем решили? – улыбнулся старик.

Витька пропустил замечание Петровича мимо ушей.

– Короче говоря, дядь Коля, топлю я баньку... Дыму в ней собралось, как в коптильне. Толкнул я дверь и, что за черт, чувствую, заперто!.. Вдруг слышу, вроде как поросенка где-то резать собираются. Визг такой, знаешь, характерный откуда-то прорезался – на одной ноте. Я – к окошку, а как глянул в него, так сначала остоленел, а когда опомнился и выпрямился, то чуть раму башкой не выломал. Мама родная, да это же, оказывается, не поросенок кричит, а Надька!..

Гляжу я в окошко дальше. Выбегает на порожки соседка, а следом за ней Ленка с помойным ведром в руках. Окатила моя жена Надьку из ведра да так, что та через полтораметровый заборчик с первой же попытки перепрыгнула – только ее и видели. Расправилась Ленка с подругой и потом, конечно, к бане, по мою душу, направилась. Наступила, стало быть, моя очередь.

Присел я на корточки, закурил, сижу, жду... Вдруг слышу, хворост зашуршал. К чему это, думаю, Ленка баню хворостом обкладывает? Минута прошла, Ленка меня замогиль-

ным голосом спрашивает: «Жить, сволочь, хочешь?» – «Желательно, – отвечаю, – если ты, конечно, не против». Ленка паузу выдержала, хорошую такую паузу, как в трагическом спектакле, а потом говорит: «Мы с тобой, муженек, сейчас так решим. У меня коробок спичек и каждая спичка – твоя любовница. Ну, а загорится хворост или нет, это уж какое тебе кобелиное счастье выпадет». Здесь мне что-то, дядь Коль, не по себе стало. Просунул я голову в окошко и кричу: «А ну, положи спички, дура! Иначе я из бани выйду и с тобой по другому поговорю.» Ленка мне говорит: «Ага, выйдешь, конечно, если сможешь. А теперь давай-ка, Витечка, всех твоих баб припомним. Дочку Семеновны не забыл еще?» Чиркнула Ленка спичкой и – в хворост ее. Здесь уж я от крика и мата как дед старей от кашля зашелся. «Да я же, – кричу, – эту дочку только разок, да и то в шутку, по груди погладил!» – «Может и Маню-продавщицу забыл? – спрашивает Ленка. – Так я тебе сейчас ее напомним». И снова зажженную спичку – в хворост. Не займется, мол, хворост – твое счастье. «Да какую Маню?! – ору я, – я ей только в заборе пару палочек заменил!» – «Знаю я, – говорит Ленка, – что это за палки такие и как их меняют. А заезжую, рыжую, ты, надеюсь, тоже не запамятовал?» И опять спичку – в хворост. Тут, дядь Коль, признаться, я путаться немного начал. Деревня-то наша совсем не глухомань какая-то и мало ли всяких заезжих у нас за последнее время перебывало? Короче говоря, перечисляет Ленка все мои грешки и одну горящую

спичку за другой швыряет. А тут еще я ей кое-что подсказываю... Ну, не деревенский же я летописец, в конце концов, что бы помнить где, когда и с кем меня Ленка видела и как того человека в юбке звали.

В общем, доигралась Ленка – полыхнул хворост и не как-нибудь, а сразу в нескольких местах. Выдержала Ленка еще одну паузу, и такую, что на добрый клочок седых волос потянет, но дверь все-таки открыла. А я, хочешь, верь – хочешь нет, дядь Коль, не могу голову из окошка вытащить. Ну, хоть убей!.. Окошко-то у меня в бане в две ладошки величиной и я, можно сказать, от всяких душевных переживаний смог в него протиснуться, а как Ленка дверь открыла, так я, от тех же самых переживаний, в окошке и застрял. Дергаюсь туда – сюда, а вытащить голову не могу. Ленка, конечно, сначала решила, что я притворяюсь. «Что, – спрашивает, – башка от переизбытка совести разбухла? Вылезай, подлец, я еще с тобой разговор не кончила». А баня-то знай себе дымит да потрескивает. Тушить ее нечем, я еще воды не натаскал да и к тому же свой колодец на ремонт разобрал. Из моего колодца теперь, без моей мужской сноровки, разве что только кружкой черпать можно.

Через пару минут, когда дошло, наконец, до Ленки, что не притворяюсь я, и она тоже перепугалась не на шутку. «Витенька – шепчет, – я же не нарочно! Это я тебя, козла, проучить хотела». Проучить!.. Ну, дядь Коль, тут уж я все Ленке сказал, все что о ней думал, включая историю своей без-

временно загубленной жизни. И до того мне, дядь Коль, себя жалко стало, что, ей-богу, даже слезы у меня по щекам потекли. Ведь нет же и не может быть глупее смерти, чем такая вот, в бане!.. Ленка тоже не выдержала, заплакала. Обхватила она мою голову руками и кричит: «Витенька, прости ты меня дуру такую!» Порыдала Ленка немного, а потом возьми да и повисни на моей голове – ноги от горя, понимаешь, у нее подкосились. Мол, эх-ма, да не ходил бы ты, Витек, на тот свет!.. Теперь представь себе, дядь Коль: голова-то у меня снаружи, сам я в бане, а шея моя в окошке, как в хомуте. Вот мне горло и перехватило. Одним словом, захрипел я... Ну, думаю, сначала придушит меня жена, а гореть я ужедохлым буду...

Петрович рассмеялся.

– Как же ты выбрался, бедолага?

– Люди добрые помогли, – Витька покосился на бутылку, но после небольшого размышления пришел к выводу, что тянуться за ней еще рановато. – Баня уже наполовину полыхала, когда народ сбежался. Порядка на деревенском пожаре, сам понимаешь, не больше чем возле пивного ларька в день получки. Первым делом решили мужики от меня Ленку оттащить. Баба, мол, и есть баба нечего ей у добровольцев-пожарников под ногами путаться. Тем более, что свое черное дело она уже сделала. А Ленка вцепилась мне в волосы и не отпускает. «Моя вина, – кричит, – значит, вместе гореть и будем!» Я, признаться, ее слова уже как сквозь сон

слышал. Концы отдавал... – Витька сделал небольшую паузу и безразлично спросил. – Дядь Коль, там еще водка кажется, осталась?

– Осталась. Пей, черт с тобой! Дальше-то что было?

Витька, не спеша, по-хозяйски, налил себе полстакана и выпил.

– В общем, дядь Коль, целых пять мужиков Ленку от меня оторвать не могли. Но с другой стороны ведь что получается: сначала меня жена придушить хотела, потом мужики вместе с Ленкой мне голову отрывали, ну а под конец стали мне эту голову откручивать...

Петрович засмеялся.

– Это как же так?

– Как и положено, дядь Коль, с матюками. Оторвать-то Ленку мужики от меня не смогли, вот и стали они ей руки выкручивать. Тут уж я совсем белого света неувидел. «Мужики, – кричу, – не надо откручивать, больно. Лучше так отрывайте!..» Правда, горло мне немного отпустило, отдышался... Вдруг, гляжу, а наш колхозный бухгалтер Иван Захарыч не столько Ленку от меня оттащить пытается, сколько руками за ее выпуклые места хватается. Не выдержал я и говорю ему: «Отойди от жены, гад, нечего чужое добро пересчитывать. Там лишнего ничего нету!» А Иван Захарыч вместо того, чтобы покраснеть и в сторонку отойти, пальцем у своего виска покрутил и говорит: «Ты, Витька, совсем не случайно в этой бане оказался. Тут, можно сказать, самое твое

место и есть». Вот такие дела... И к тому же, дядь Коль, что может быть веселее деревенского пожара? Подходит ко мне дед Антон по прозвищу «де Бидон», – ему сто лет в субботу, а он все про грешки своей молодости забыть не может – подходит, значит, физиономию ладошкой от жара прикрыл и елеинным голоском говорит: «Тебе, Витька, твой мужской инструмент, как я погляжу, уже не надобен. Может быть, обменяемся напоследок? Тебе, – говорит, – с моим долго в чистилище держать не будут. Сразу в рай попадешь». И смех и грех! «Дед, – отвечаю, – мне бы только отсюда выбраться. Я тогда тебя в рай мимо всякого чистилища отправлю». А баня-то тем временем все жарче разгорается. Люди суетятся, тушат тем, что под руку попадется, но пока тушили да суетились, канистру с бензином опрокинули. Тут уж полыхнуло так, что те мужики, что в баню зашли, через крышу наружу выбирались. Поняли, наконец, они, что так дело и до худого дойти может. Схватили они Ленку кто за что горазд и давай тащить. Хоть по частям, мол, но вытащим! Считай, что всем миром тянули. Рванули раз, рванули другой, вдруг слышу я, что-то трещит. Сначала я думал, что это моя шея, но как оказалось оконная рама... Ну, а как рванули третий раз, так и вытащили меня вместе с женой и рамой из этой чертовой горячей бани...

Петрович недоверчиво покачал головой и потер лицо, сгоняя с него улыбку. Что ни говори, а врать Витька умел, но его словесный портрет жены совсем не соответствовал действи-

тельности. Красивая, умная и сдержанная Лена была совсем не похожа на истеричную женщину, нарисованную хитроумным Витькой.

– А ко мне чего приехал? – спросил старик.

– Так ведь выгнала меня Ленка, дядь Коль! – возмутился Витька. – Даже драться кидалась, после того как нас из бани вытащили. А потом стала в позу английской королевы и говорит: «Шесть секунд на сборы, подонок, иначе я тебя в эту баню снова втисну». Так я даже не умывался и напрямик на станцию пошел...

Петрович кивнул. Последняя фраза действительно могла принадлежать Лене.

– Дядь Коль, я у тебя поживу немного, а? – жалобно попросил Витька.

– Живи, коли такое дело.

Петрович попытался встать, но племянник положил ему на плечо тяжелую руку.

– А ты чего такой хмурый сегодня? Опять Серега свой характер показывает?

Старик отмахнулся.

– Отстань!

– Он? Говори, ну?..

– Да ну вас всех! – повысил голос старик.

– Понятно, – Витька убрал руку и встал. – Ну-ка, пошли, дядь Коль, я после бани в аккурат созрел для душевного разговора.

Старик покачал головой.

– Не твоего ума это дело, Витька...

– Да ты никак боишься? – удивился племянник.

– Боюсь, – просто признался старик. – Боюсь, только не одного Сережку. Я, если ты хочешь знать, уже давно по ночам от страха просыпаюсь. Глаза открою, и не пойму что происходит: сердце колотится, всего трясет и ... – старик запнулся. – Плохо мне, а от чего плохо не знаю... Душа как парализованная и, кажется, вот-вот начнет растекаться, словно жидкая грязь. И страх!.. Такой страх, Витька, у меня в душе, что весь мир мне с игольное ушко кажется.

Витька присвистнул и медленно, не отрывая от лица Петровича удивленного взгляда, сел.

– Дядь Коль, да у тебя депрессия, что ли?.. И давно такое с тобой такое происходит?

– Года четыре уже. Считаю, на полгода позже, как Серега почти каждый день пить начал.

– Ты к врачу ходил?

– Зачем?

– Да ты что, маленький что ли?! Он бы тебе таблетки выписал или уколы какие-нибудь...

Петрович усмехнулся.

– Вот именно, какие-нибудь!.. Тот страх, Витька, который от самой жизни происходит, никакими таблетками не вылечишь. Поговорил я как-то с врачом, и ты знаешь, что он мне сказал? Мы, говорит, Николай Петрович, еще ни одному

больному вроде вас не помогли. Все наши таблетки – вроде анальгина – боль снимут, но не вылечат. А привыкнете к ним, только хуже вам станет. Вам, говорит, что-то в своей жизни менять нужно, что бы волноваться меньше... – Старик посмотрел на племянника грустными, уставшими глазами. – Слышь, Витьк, может быть нам со Светкой в деревню уехать, а?

– От зятя бежишь?

– И сбежал бы, сбежал! – выкрикнул Петрович. – Мне что, думаешь, впервые перед жизнью голову гнуть? Да и не только о себе я думаю. Внуки подрастают, что хорошего они увидят за своим отцом-алкашом?.. Чему научатся?! Неделю назад самая младшая, Оленька, подходит, ко мне, за коленку треплет и говорит: «Дедушка Коля, забери меня отсюда. Папа говорит, что все равно нас из своего дома выгонит». – «Когда же он, – спрашиваю, – такое вам говорил?» – «А вчера ночью, – отвечает Оля. – Когда мамку на кухне бил».

Витька зарычал от бешенства.

– Ну, елки-палки, встречу эту сволочь, – тяжелый кулак грохнул по столу, – честное слово, придушу как собаку!

– Опять ты глупость молотишь, – отмахнулся Петрович – Ну, набьешь ты Сереге морду, уедешь в свою деревню, а дальше что?.. Нам со Светкой что делать? Или ты будешь к нам через каждые два дня приезжать, что бы снова с моим зятем разбираться? А ведь Серега такой человек, что его чужие кулаки только стервознее сделают. Да и Светка, чего

греха таить, все еще на что-то надеется.

– Все-таки битая морда, дядь Коль, кое-что да значит, – уже не так уверенно сказал Витька.

– А сесть в тюрьму ты за него не боишься?

– За эту шавку?!

– Шавка – не шавка, а от Сереги всего ждать можно. Уезжать нам со Светкой нужно, понимаешь? В другом месте он нас не достанет.

Не зная, что возразить старику, Витька замолчал.

Неплотно прикрытая дверь тихо скрипнула и в образовавшуюся щель просунулась черная кошачья голова. Кошка внимательно осмотрела кухню и задержала свой вопросительный взгляд на Витькином лице.

– Кис-кис-кис! – позвал Витька.

Кошка ждала. Только удостоверившись, что сидящий рядом с ее хозяином человек не собирается делать резких движений, она медленно вошла в комнату.

Витька невольно залюбовался кошкой. Это было великолепное, иссиня-черное животное с огромными, зелеными глазами. Чуть более длинная, чем у обычной кошки шерсть делала ее еще больше, но не огрубляла, а скорее наоборот, придавала ее формам законченное изящество.

– Кис-кис-кис!..

Кошка подошла ближе и уселась в шаге от стола. Витька швырнул на пол кусок колбасы. Кошка, не спеша, с достоинством, съела колбасу и посмотрела на Петровича.

– Как ее зовут, дядь Коль? – спросил Витька.

– А я их никак не называю, – отмахнулся старик. – Кошка и кошка. Правда, эта самая главная у них. Вожак, что ли?..

– Это как?

– Кошки-то у меня стайкой живут, а эту все остальные слушаются. Забавные они, кошки эти. Недавно гуртом чуть было соседского кобеля не извели.

– Ну?!..

– Вот тебе и ну, – старик чуть улыбнулся. – Сели мои кошки в круг возле соседского кобеля – а он-то на цепи – и давай играть. Пока трое у кобеля перед носом вертятся, четвертая через него прыгает. И так все по очереди. Кобель, конечно, на дыбы встает, от лая хрипнет, в ошейнике давится, а кошкам хоть бы что. Потом эта, большая, мяукнула и вся ее компания в разные стороны брызнула – хозяин кобеля во двор вышел...

– Странные ты вещи говоришь, дядь Коль. Сколько живу, никогда такого про кошек не слышал.

– Это потому, наверное, что все кошки у людей по одиночке живут, а у меня гуртом. Дружнее они, а стало быть, и поумнее остальных будут.

Витька посмотрел на кошку с нескрываемым уважением. Та подошла поближе и потерлась о ногу.

Петрович покачал головой.

– Ты смотри, не иначе как она в тебе хорошего человека признала?

– Так ведь не первый же раз я к тебе приезжаю.

– Дело не в этом. Не любят мои кошки пьяных и особенно Сергея, – пояснил старик. – Он ко мне во двор без палки никогда не заходит...

Витька рассмеялся.

– В самом деле, что ли?!..

– Стар я, что бы брехать. Хотя кошки мои разве что только шипят на Сережку...

– Багира, Багира!.. – Витька нагнулся и погладил кошку по голове – Теперь ты Багирой будешь, поняла?

Кошка громко мяукнула. Витька подмигнул Петровичу.

– Слышал? Согласилась.

Следующий кусок колбасы кошка съела сидя у Витьки на коленях.

– Ладно, пошли-ка спать, погорелец, – вздохнул старик.

– Рано еще, дядь Коль!..

– В самый раз, за окошком уже темнеет.

Витька потянулся к бутылке.

– Ладно, сейчас я... Не пропадать же добру.

Всю ночь Витьке снились черные кошки с огромными зелеными глазами. Они хитро подмигивали ему, словно хотели сказать что-то не совсем обычное, но так и не сказали ни одного слова...

Глава третья

Утром Витька исчез. Петрович вздохнул и выругал себя за то, что рассказал племяннику о проблемах с зятем. От Витьки можно было ждать любой выходки, и простая драка была не самой худшей из них.

За мелкими делами прошел день. Предчувствие чего-то недоброго не давало старику покоя. Пытаясь отогнать от себя дурные, ненужные мысли он переделал много дел, которые раньше откладывал на потом.

Ближе к вечеру двор Петровича заблестел чистотой и порядком. Толстые кролики жадно смотрели на аккуратно расчесанную граблями траву и пробовали лапками прочность проволочных решеток. Молодой черный кот обнюхал мусорное ведро и не найдя на нем недавно оставленной метки принялся тревожно оглядываться по сторонам. Двор казался ему чужим. Петрович и раньше следил за порядком, но теперешняя праздничная и какая-то нежилая чистота удивила и его самого.

«Прямо как у немца какого-нибудь», – подумал старик, осматривая результаты своего труда.

Витька появился только в восемь часов вечера. Он осмотрел двор, коротко бросил «Гуд, Петрович, зер гуд!» и направился в дом. Почти тотчас Витьку окликнули двое подошед-

ших к калитке парней. Витька нехорошо улыбнулся и вышел на улицу к гостям.

Его разговор с незнакомцами был коротким и злым. После пары отрывистых фраз Витька грубо толкнул одного из них, самого рослого, второго, того что поменьше, он прижал к забору и отвесил ему такой сильный подзатыльник, что парень не устоял на ногах.

У Петровича сжалось сердце. Он ощупал тяжелую лопату, словно пробуя ее на прочность, но тут же, почувствовал, что не может идти. Ноги стали слабыми и чужими, словно валенки.

Броситься в драку незнакомцы не решились и быстро ретировались. Грозно посапывая, Витька закрыл за собой калитку. Он взглянул на застывшего с лопатой старика.

– Что, дядь Коль, на окопные работы собрался? – он улыбнулся.

Петрович отшвырнул лопату, медленно, с заметным усилием, добрал до штабеля бревен и сел. Во рту старика было сухо и противно.

– Дурак ты, Витька, – глухо сказал он. – Наворочаешь делов, потом не расхлебаешь.

Витька весело подмигнул.

– Уже, дядь Коль, наворочал. Прости, что не сдержался. После сегодняшнего разговора Серега меня долго помнить будет. А это, – Витька кивнул в сторону калитки. – Его дружки приходили – неуловимые мстители местного масштаба.

Такую мелкую шпану можно в форточку выбрасывать, как окурки.

Только за ужином, когда Витька водрузил на стол бутылку водки, Петрович понял, что его племянник снова навеселе. Старик хотел было убрать бутылку со стола, но, взглянув на Витьку, передумал. Тот был и без того возбужден.

Петрович только буркнул:

– Не слишком ли, а?..

– Ты ее, что ли, родимую, имеешь в виду? – Витька взял бутылку в руки и насмешливо осмотрел ее со всех сторон. – Это я, дядь Коль, сегодня старых друзей навещал. От встречи у меня и осталось. А без водки какой же у нас с тобой разговор получится может? – Витька плеснул себе в стакан. – Но ты не бойся, я не сопьюсь. Ты же меня знаешь.

Старик поморщился, но потом подумал о том, что Витька, пожалуй, прав. Племянник мог месяцами, с безразличием, смотреть на спиртное и не считал трезвое время безвозвратно потерянным. Водка была слишком слаба, что бы сжечь этот сильный и живой характер. И даже Лена признавала это.

– А теперь поговорим о главном, дядь Коль, – продолжил Витька. – Я сегодня целый день, можно сказать, о тебе думал...

Племянник замолчал, рассматривая стакан.

– И что же придумывал? – безразлично спросил Петрович.

– А то, что помочь тебе надо. Вот только чем? Как раз

этого я и не пока знаю. Потому и не договорил с тобой вчера. Понимаешь? Зацепиться мне не за что.

Появившаяся неизвестно откуда Багира прыгнула Витьке на колени. Племянник вздрогнул от неожиданности и уронил с вилки кусок яичницы. Кошка обнюхала подарок и благодарно мурлыкнула.

– Вот шустрая какая, а?!.. – Витька рассмеялся и погладил Багиру по черной спинке. – Дядь Коль, я сколько себя помню, у тебя только черные, зеленоглазые кошки приживаются. Люди, говорят, даже в очередь на котят к тебе записываются. Какими-то необычными их считают. Ты, случаем, не колдун?..

– Сдурел? – старик покачал головой, словно сожалея о глупости племянника. – Не в колдовстве тут дело, а... В судьбе, что ли? В сорок втором году эвакуировали нас с твоей матерью из-под Харькова, без родителей, убили уже их...

– Знаю, мать рассказывала – тихо вставил Витька.

Уже невыдуманная история своей жизни, рассказанная Петровичем Витьке

– Рассказывала, говоришь?.. – Петрович немного помолчал – Свиста бомб, Витька, не перескажешь. Было мне в ту пору двенадцать лет, а твоей матери пятнадцать. Из всех вещей, что мы с собой из дома захватили, остались к тому времени у нас только те, что на нас были надеты, чайник, мехо-

вой воротник от материнского пальто да черная кошка, которую я к груди прижимал. А во время одной из бомбежек приняла та кошка в себя осколочек, который мне предназначался. Крохотный осколочек, да только что бы пацана жизни лишить и такого хватило бы. Как и мать, та кошка меня собой заслонила. Помню, вагоны горят, люди мечутся, а я иду вдоль состава и к груди уже мертвую кошку прижимаю... Плакал я сильно, потому что мать вспомнил. Похоронил я кошку возле железнодорожной насыпи. Стою, возле ее могилы и уйти не могу, будто незримая сила меня возле нее держит. Потом снова немецкие самолеты налетели... Только сестра, мать твою, и солдат какой-то смогли меня от этой могилки оттащить да в окоп, от осколков спрятать. Вот с того самого времени, Витька, и приживаются у меня дома почему-то только черные кошки.

– Может быть, тогда и зародился этот... – неуверенно начал Витька и тут же замолчал.

– Что этот?

– Ну, сегодняшней страх твой, в общем?..

– Тогда? Нет. Самое страшное, Витька, для меня еще впереди было, – старик кивнул на бутылку. – Налей, что ли...

– Ничего себе! – удивился Витька – Ты ж не пьешь.

– С тоски чего не выпить? – старик взял наполовину наполненный стакан, немного подумал и заговорил снова. – Любоим страх, Витька, он не за один день в душе человека рождается. Он ведь как дите малое, воспитывается и креп-

нет с годами. А, кроме того, заботы к себе требует и жалости. Жалости человека к самому себе.

– Что-то я не замечал, как ты себя жалеешь.

– Не замечал? – Петрович выпил водку и со стуком поставил стакан на стол. – Ну, не баба же я что бы такие вещи напоказ выставлять. Да и не все так просто, как кажется. Ты про войну в Корее слышал?

– Слышал. Только не от тебя. Из тебя же, дядь Коль, лишнего слова не вытянешь.

– Значит, нужных слов найти не мог, – Петрович встал и вышел в коридор. Вернулся он быстро. – На, кури, – старик поставил перед Витькой пепельницу. – Я хоть сам не балуюсь, а чужим дымом люблю подышать...

– Ты там про войну рассказывать начал, – напомнил Витька.

– Интересно? – Петрович улыбнулся – Ну, ладно, слушай... Давно это было, Витька, давно. Нас в то время учили и воспитывали по-другому и лишних вопросов мы не задавали. А приказ был коротким: в танк, ребята, и вперед. В восемь часов вечера пересекли мы корейскую границу, а в восемь утра уже мяли гусеницами чужие окопы...

– Страшно было?

– Отчего ж нет? Потом с американцами столкнулись... – старик беззлобно выругался. – Ох, и хитры же сволочи!.. Как только по радио русские матюки слышали, все подняли: и авиацию, и дальнобойную артиллерию. А когда все это на

нас обрушилось, то вроде как легче нам стало. Чего же, спрашивается, бояться, если, один черт, все равно конец пришел?..

– Даже так? – удивился Витька.

– От разума эти мысли шли, Витька, от разума. Ну, а тот животный инстинкт, который внутри каждого человека прячется, он только притаился до поры.

– Понятно. Ну, вы, конечно, этим американцам дали...

– Там всем поровну дали, и нашим, и тем, кто в спальную полосочку. Под самую завязку мы друг другу отвесили. Брали мы с собой в танк два боекомплекта и уже через час достреливали последние снаряды. Пару раз попадали и в наш танк, но мелковаты были снаряды, не брали броню. Так что везло нам спервоначала... Ну, а под какой-то деревушкой, названия ее я уже не помню, садануло в наш танк так, что гусеницы отлетели. Водителя и стрелка-радиста на месте положило, не ворохнулись даже ребята. А мы с Вовкой, дружок это мой был, – за люки. Рванули их раз, рванули другой, – заклинило люки. А вокруг-то огонь и не какой-нибудь, а с зеленью и таким ядовитым дымом, что мертвого наизнанку вывернет. Кричали мы страшно... Молодые, жить-то хочется и огонь... Кругом огонь! Как мы выбрались из танка, я уже смутно помню. Вроде как я Вовку из танка вытаскивал и пламя с него сбивал. Обгорели мы сильно...

Витька провел рукой по своему лицу.

– Это тебя на той войне обожгло?

– Ну, не в бане же! Взвалил я на себя своего дружка и пополз куда глаза глядят. Лишь бы подальше от этой каши, в которой кровь с железом напополам перемешалась. Потом задело меня осколком... В себя пришел, чувствую, а меня уже Вовка на себе тащит. Тут снова взрыв... Вовка матерится и кричит: «Колька, ползи дальше один, а я все!..» Ноги ему перебило. Вот так мы и ехали друг на дружке, пока не свалились в окоп к американцам...

– Ты, выходит, и в плену был?

– Был. Только меньше суток. Ну, а как освободили нас...

– Подожди, – перебил Витька. – А в плену-то что было.

Допрашивали вас?

– Ну, а как же! Был там один американец-жирнячок, по-нашему хорошо говорил. Из русских он, вроде бы, был, из эмигрантов. Да ну их, Витьк, этих империалистов!

– Не спеши, дядь Коль. Спрашивали-то что?

– Что положено. Зачем вы, мол, русские воюете? Несправедливая это для вас война.

– А ты что?

– Ну, а я ему ответил, что он тоже здесь не за свою корейскую маму очередной слой сала наращивает.

– А он?

– А он мне про ООН и про мою маму. Поговорили, короче. Утром освободили нас китайцы. В атаку они пошли и пошли страшно – навалом... – старик немного помолчал. – Вот так и закончилась для меня та война, Витька. Дружок

мой Вовка в госпитале умер, а меня самого – за шкуру и в следственный изолятор. Следовательно мне попался куда как хуже того жирного американца. Американец хоть и в чужой форме был, а все-таки хоть воды нам дал напиться. Наш же, сволочь, дымит в лицо папироской и такие вопросы задает, что поневоле начнешь себя подонком чувствовать. Почему, мол, жив остался? Почему не застрелился? Вас же, мол, предупреждали, что бы ни одна живая душа не знала о том, что русские ребята в танках сидят.

Про тюремные порядки ты и без меня слышал, там законы такие, что не пригнешь голову – снесут. Вот так в первый раз в жизни я и поклонился, блатарям, что на нарах в камере сидели и следователю, что в кабинете на моих глазах секретаршу лапал. Не убивайте, мол, меня, братцы, жить я очень хочу... Ты только правильно пойми меня, Витьк, я никого не предал, на брюхе не перед кем не ползал, но вот тут, – старик ткнул себя в грудь, – тут, у меня что-то сломалось и не как-нибудь, а с хрустом. Себя я жалеть начал и особенно после того, как блатные на моих глазах какого-то парнишку кончили. Не угодил он им чем-то, вот они его ножом и пырнули. Но сколько бы я не убеждал следователя, сколько не просил, получил я свой «червонец». А если бы не смерть Кормильца в пятьдесят третьем отсидел бы я тот срок от звонка до звонка...

Витька нетерпеливо заерзал на стуле.

– Дядь Коль, так это все еще когда было? Сталин – дело

прошлое, а корейцы без нас разберутся. Плюнь ты и забудь все свои страхи!

Старик тяжело вздохнул.

– А ты думаешь, я иначе поступил, когда освободился? Женился, дом вот это построил. На работу мастером в ремесленное училище пошел... – старик посветлел лицом. – С детьми-то всегда весело... Хотя и не просто совсем. Слышь, Витьк, потом пацаны, ученики мои, дознались все-таки где и как мне лицо обожгло. И знаешь, шутку такую, идолята, удумали? Кто-нибудь на уроке возьмет, значит, да и крикнет: «Глухо как в танке!..» И веришь – нет, Витек, вокруг меня словно все разом вдруг вспыхнет: огонь, дым и стены уже не стены, а танковая броня. Я кричу: «Вовка, Вовка!..» и как слепой по стене руками шарю – люк ищу. Задыхаюсь, рубаху на себе рву, а пацанам смешно...

– Ты бы их, стервецов, за уши.

– Толку-то?.. Это же дети. Ушел я оттуда.

Старик замолчал.

– Ну, так чего же ты все-таки боишься? – спросил Витька
– Войны, что ли?

– Нет, не войны. Повоевал и посидел чуток ни за что – это ладно. В Афганистане тоже кое-кто не в тую сторону в атаку ходил. Но потом садануло меня, как подраненную утку, из второго ствола...

– Тетя Люба?.. – тихо спросил Витька.

– Она... Жил я, Витька, со своей женой душа в душу и

жизнь казалась нам радостной и светлой как праздник. Трудно, конечно, было, но ведь если счастье только деньгами мерить, вряд ли и миллионер себя счастливым почувствует. Короче говоря, решили мы с Любой пристройку у дому сделать. Пошла и она на работу на авиационный завод, что бы лишнюю копейку принести. Ну и вот, значит... Люба часто во вторую смену работала. Я ее всегда встречал после смены. Наш-то поселок – городская окраина... А в то время он совсем глухим местом был: ни милиции тебе, ни телефонов, лишь одни фонари на столбах да и то кое-где. Как-то раз отпросилась Люба с работы пораньше – Светка у нас приболела. Я не знал об этом, иначе не было бы беды. Короче говоря, по дороге домой пристали к Любаше двое из местной шпаны: Федька Лом, который уже год как в бегах числился, и брат его двоюродный Серый. Люба и крикнуть не успела, как они по голове ее ударили. Время хоть и позднее было, но недалеко ребятишки в прятки играли. Один из них и прибежал ко мне домой – заметить пацан успел, куда та шпана Любу потащила... Он и показал мне тот сарай, в котором мать Лома его от милиции прятала.

Дверь я с ходу вышиб, хлипкая она была, дверь-то... Смотрю, керосиновая лампа на столе горит, а в углу, на кровати, Лом и Серый платье с Любашки рвут. Драка у нас страшная получилось, до смерти, но тогда, признаться, я только рад этому был. Решил про себя, что-либо они из этого сарая живыми выйдут, либо я. Серого я сразу кирпичом, который

на улице подобать успел, по голове сильно задел... Он только взвизгнул по-собачьи и в угол отлетел. Федька Лом нож достал, но не помог ему нож... Даже если бы и ударил он меня им, все равно я до его глотки добраться успел. Мужик я тогда неслабый был, да и года твои, не старше. Скоро подмял я под себя Лома. Бил я его страшно, так, что под кулаками хрустело... За это время Серый в себя прийти успел и тем кирпичом, что я бросил – меня по голове. Помутилось у меня все перед глазами, но сознания все ж таки не потерял. Злость не дала. Серый мужиком хлипким оказался, так что и он скоро рядом со своим дружкой на пол прилег. А мне кровь глаза застилает, чувствую я, еще чуть-чуть и все – рухну. Взял я Любашу на руки, – слишком сильно ее ударили сволочи, видно не рассчитали спяну, и – вон из сарая. Шагов десять прошел, упал... Слышу, жена шепчет: «Коля, ты дочку нашу не бросай!.. Не бросай!» Дальше – все, темнота... Когда в себя пришел, смотрю, а сарай уже во всю полыхает. Не поджигал я его, Витька!.. И знаешь... До сих пор мне кажется, что когда я Любашу из сарая выносил, она и сшибла рукой, той, что у нее на отлете была, на пол керосиновую лампу. Сама своих убийц казнила. Потом Лешкин отец с братьями прибежал. Увели они меня и Любашу унесли. Мертвую уже унесли...

Старик замолчал и с силой потер лицо руками. Витька молча курил, сосредоточенно рассматривая стол.

– На следующий день, – продолжил Петрович. – Обнару-

жила милиция на месте пожарища два обгоревших трупа. Эксперты определили, что еще живыми эти подонки сгорели, но следствия считай что и не было. Один, мол, беглый бандит, другой ничем не лучше его, так может быть они друг с другом что-нибудь не поделили?.. Хотел я в милицию пойти, но отговорил меня Лешкин отец с братьями. То, что ты жену защищал, сказали, это понятно. Но за то, что ты сарай с еще живыми бандитами спалил, за это тебе присудят лет пять, не меньше, а обратного, мол, тебе доказать не удастся. Ну, а лагерной баланды я уже попробовал и хорошо знал, чем она пахнет. Да и дочка... Ее-то куда денешь? Вот так и вышло, Витька, что я свою Любу вроде как украдкой спасал – во второй раз пришлось мне пригнуть свою головушку. Тошно мне было, ох, как тошно! Но куда же, спрашивается, денешься, если деться некуда? Болел душой я после смерти Любаши долго, года два, не меньше. Мир темным мне казался и если бы не дочь, как знать, может и наложил бы я на себя руки. Врач сказал мне, что, мол, выход своим эмоциям давать нужно, не копить их, как червяков в банке перед рыбалкой. А о каком таком выходе говорить можно, если я жить привык крадучись? Любу мою и то по вранью похоронили: с лестницы, мол, она упала, а соседи подтвердили. Вот с тех пор и живу я, Витька, вроде как наполовину: одна половина здесь, а вторая там, в прошлом вместе со всей темнотой, что на мою долю выпала. Потому и поселился во мне страх. Пустоту он любит и ведет себя в ней не иначе как по-

хозяйски...

Витька скомкал сигарету, встал и подошел к окну. Скрипнула форточка. Подставив лицо потоку прохладного и свежего воздуха, Витька глубоко и шумно вздохнул.

Пауза была длинной и тяжелой.

– Давай спать ложиться, – глухо попросил Петрович. – Пора уже...

В спальне Витька, не раздеваясь, упал лицом в подушку. Сон не пришел ни через пять минут, ни через десять, ни через полчаса. Было слышно, как за дверью ворочается на диване Петрович.

Витька лег на спину и посмотрел в потолок. На белом скользили неясные, ночные тени. Витька закрыл глаза и громко сказал:

– Черт!..

– Ты что ругаешься? – окликнул Витьку Петрович.

– Злюсь.

– Дурак. Спи лучше.

– Не могу!.. – Витька открыл глаза и снова посмотрел на белый потолок. Игра теней чем-то напоминала ночную, снежную пургу.

Читать свои стихи Витька начал как всегда неожиданно, в том числе и для самого себя:

За что дана нам яростная грусть

О том, что есть жар-птица за морями?
Я в сани белые сажусь
Занузанные пьяными чертями.
Увидеть раз
И умереть – не грех,
Что может быть безудержней охоты?
И я лечу под сумасшедший смех,
Под неумолчный, чертенячий хохот.
Прости жена,
Прости, что я не смог
В который раз сдержат своей печали,
За то, что на иконе плачет Бог,
За то, что снова сел я в эти сани.
Прости мне мама то, что я седой,
Почти как ты
И в снежной круговерти,
Лечу как в бездну за своей мечтой
Навстречу то ли счастьем,
То ли смерти...
Земля дрожит и на дыбы встает,
В лицо то снег, то шерсть с чертей клоками,
Под плетью извернулся левый черт
И вырвал вожжи желтыми зубами.
Теперь мне вожжи – мой нательный крест,
Шнурок суровый сердце рвет на части
Да судоржный, крестоподобный жест

Кривит ухмылкой хрипнувшие пасти.

Ты – поле русское!..

Мне слышится набат,

Гул конницы, звон сумасшедшей схватки...

Смотри!..

За брата умирает брат

И рубятся друг с другом братья.

Спаси и сохрани...

Согрей!.. Согрей, смерть, путника в безмерной этой дали,

Как ты когда-то русские полки

Здесь русской кровью щедро согревала...

Голос племянника трагически дрогнул.

«Придумает же!.. – улыбаясь, подумал про себя старик. –

И главное, сам-то переживает... Чудно, одним словом».

Прости мне Бог...

Мне водка горло жжет,

А сердце рвет безудержность печали:

Слабеет тот, что справа черт,

А два других вдруг сразу захромали...

И оборвался вдруг чертячий хрип и вой,

Как скошенные – разом – пали черти,

Какая еще бездна предо мной!..

Но стали сани тихим шагом смерти.

Один...

Один!

Какая тишина,

И мертвый скрип и скрежет под ногами...

Мне холодно...

Мне холодно!

И я,

Я плачу над подохшими чертями.

Где ты жар-птица?

Что ты и зачем

Зовешь меня?

Из этой снежной дали

Мне не уйти.

Ведь нет таких коней,

Что б до тебя хоть раз, но долетали.

Иду домой...

Что б было веселей

Поет пурга мне в снежной круговерти.

Да ну их к бесу, этих жар-курей,

Мне просто жаль, что сдохли мои черти...

Петрович шумно вздохнул.

– Все-таки и на самом деле чудной ты, Витька. Трудно тебе понять.

Витька улыбнулся.

– А зачем меня понимать? Не надо меня понимать.

– Это почему?

– А потому что, дядь Коль, так жить интереснее.

Глава четвертая

Витька разбудил Петровича глубокой ночью. Его глаза радостно блестели.

– Дядь Коль, я нашел!

Петрович посмотрел на часы. Стрелки показывали половину второго.

– Что нашел? – нехотя спросил старик.

– Выход, – не в силах справиться с охватившим его возбуждением Витька встал и принялся расхаживать по комнате. – Ты в деревню переехать хочешь? Что ж, можно. Только для этого деньги нужны и не малые. А за твою халупу много не выручишь. У нас, в деревне, хороший дом как минимум вдвое дороже стоит. Потому что шоссе – до центрального городского рынка и езды всего двадцать километров со всеми извилинами. Кстати, есть у меня на примете один приличный домик: газ, вода, телефон и огород полгектара. Даже две коровы есть. Заберем Светку с детьми и айда к нам! Я ей и мужа у нас подыщу.

– Тоже на примете есть?

– Есть. Хороший мужик, мы с ним вместе в Афгане воевали. Только он без одной ноги, правда...

– Голова-то хоть цела?

Витька поморщился.

– Дядь Коль, ты пойми, тебе на переезд деньги нужны. Валюта! Примерно тысяч двадцать-тридцать. А лучше сорок.

– Ладно, завтра заработаем, – Петрович взбил кулаком подушку и, уткнувшись в нее лицом, пробормотал: – Господи, прости ты этого дурака!

– Дядь Коль, я знаю где взять эти деньги, – твердо сказал Витька.

– Отстань, алкоголик. Когда-нибудь ты точно допьешься до белой горячки! – повысил голос старик.

– Дядь Коль...

– Ну?

– Может выслушаешь меня, а?

– Да, тьфу ты!.. – взорвался старик. – Ты, Витька, то на чертях к Богу едешь, то валюту какую-то по ночам разыскиваешь. Никакого покоя от тебя нет.

Но отстать от Витьки было не просто. В конце концов, устав перепираться с племянником, Петрович согласился его выслушать. Старик лег на спину, положил руки за голову и принялся рассматривать стоящий напротив шкаф.

Витька потер ладони.

– Так-с, значит... В чем самая главная проблема, дядь Коль? – начал он. – Самое главное нужно определить, что мы можем сделать, а за что нам не стоит браться. Мы не «новые русские» и из воздуха деньги делать не умеем. Нам нужен реальный бизнес. Понимаешь? Свой бизнес. Это сейчас уже можно.

– А какой бизнес, кролики, что ли?.. Так они не из золота.

– Нет, не кролики, – Витька выдержал довольно выразительную паузу. – Кошки, дядь Коль. Твои черные зеленоглазые кошки. В сущности они – пока еще не проконвертированная валюта.

Старик встал, подошел к столу и налил стакан водки. Вернувшись, он протянул его племяннику.

– На, пей, балбес, и ложись спать.

Витька отставил стакан в сторону.

– Дядь Коль, ведь все соседи твоих кошек какими-то необычными считают. За ними даже очередь стоит.

– Ну?

– Что ну? Вот и будем их продавать.

– За три копейки? Позора больше будет.

– Правильно, но это если вести дело без размаха, – Витька подмигнул старику. – Любой бизнес, дядь Коль, имеет идиотский вид до тех пор, пока он не начинает приносить солидные доходы.

– Нет, Витьк, ты все-таки балда. Шалопай, одним словом...

Витька громко рассмеялся.

– Да не балда я, дядь Коль, и тем более шалопай! Я хорошо знаю, что сейчас у нас в стране есть очень много богатых людей. А им есть что терять кроме золотых цепей. Усек?.. Я предложу им защиту на уровне мистики – черную кошку. Черные котята от Петровича!.. Звучит, а?! Рекламу я бе-

ру на себя. Самое главное, дядь Коль, что про твоих кошек уже давно знают. При желании этих зеленоглазых феноменов можно будет продавать на два порядка дороже черно-бурых лисиц. Правда, для этого нужен ажиотажный спрос, но я его гарантирую. Есть и еще одна проблема: конкуренция. Так что для начала, дядь Коль, нам с тобой придется стать монополистами в кошачьем бизнесе. Меня интересует не столько прибыль, сколько сверхприбыль. Повторюсь, главное это ажиотажный спрос, но он будет потому что за дело берусь я!..

– Слышь, Витьк, – старик широко улыбнулся. – Я вот помню, ты как-то раз разбогатеть решил и нутрий в своем хозяйстве завел. Так они, эти нутрии, по вечерам строим, как солдаты в баню, в колхозный свинарник ужинать ходили. От деревенских собак обороняться научились: станут кругом, внутри самки с нутрятами, а снаружи самцы, и прут сквозь собачью стаю. Вся деревня собиралась на такое представление посмотреть. Правда, никто понять не мог, зачем, мол, нутрии к тебе возвращаются?

– Дядь Коль, во-первых, это не я разбогатеть решил, а моя женошка, – спокойно возразил Витька. – А, во-вторых, я ее предупреждал, что ничего путного из этого не получится. У меня что, своих дел нет?! Я потом этих нутрий скопом и продал...

– И попить чайку к тебе те нутрии больше не приходили?

– Дядь Коль, я, между прочим, тебе о серьезных вещах говорю!

– А вот еще был случай, – продолжил Петрович. – Поспорили ты как-то раз с деревенскими мужиками, что скрестишь кролика с зайчихой. Новую породу ты вывести решил – скоростную и морозоустойчивую. Поймал ты, значит, в силки зайчиху, а потом вместе с кроликом ее три дня насиловал. Правда, как потом выяснилось, не зайчика это была, а заяц. Так ты к какому греху, племянничек, животных склонял?

Витька развел руками.

– Дядь Коль, ты в деревню уехать хочешь? Не один, конечно, а вместе с дочкой и внуками?

Старик помрачнел.

– Ну, хочу...

– Правильно. Но для этого деньги тебе нужны. Понимаешь? Деньги, темная твоя, социалистическая душа!..

– А как много мы с тобой за моих трех кошек с котом выручим? Миллион, что ли?

Витька сел на диван рядом с Петровичем.

– Дядь Коль, давай поговорим откровенно. Ты веришь, что кошки твои какие-то необычные?

Старик немного подумал.

– Нет, конечно...

– Правильно, – твердо сказал Витька. – Гениальных кошек не бывает. Короче говоря, дядь Коль, твоя Багира ничем не отличается от других черных и зеленоглазых кошек. Понял?

– Нет, – честно признался старик.

– Во воспитание, а?!.. – Витька ударил кулаком по ладони

– Дядь Коля, тебя что, всю жизнь в социалистическом раю ангелы нянчили? Посмотри в окошко, двадцатый век через пару лет кончится. Так что повторяю еще раз и только для бестолковых: да, черная кошка сама по себе ничего не стоит. Но если ее будешь продавать ты, за нее, при наличии ажиотажного спроса, можно выручить неплохие бабки. И чем больше у тебя будет черных, зеленоглазых кошек, тем лучше. Теперь усек?

– Усек, – кивнул старик. – Жульничество это, чужих ворованных котов продавать.

– Да, если бы твоя Багира и в самом деле была какой-нибудь особенной кошкой! Понимаешь?.. Тогда речь могла идти о подмене качественного товара элементарной подделкой. А что мы имеем в нашем случае? Покупатель хочет приобрести черную, зеленоглазую кошку «от Петровича»? Что ж, он ее получит. А теперь объясни мне, в чем тут заключается обман?

Старик задумался.

– Значит ты, Витька, хочешь подавать то, чего у нас с тобой сейчас на самом деле нету?

Лицо племянника чуть заметно дрогнуло.

– Почему это нету? – возразил он. – А может быть черные, зеленоглазые кошки и в самом деле чуть-чуть особенные? Только не одни твои, а все? А, кроме того, мы же не рабочим и крестьянам их продавать будем. Ты, дядь Коля, как к богачам относишься?

Старик поморщился. Российских нуворишей Петрович не любил и на выборах всегда голосовал за коммунистов.

– Вот видишь!.. – в глазах племянника снова зажегся хитрый, змеиный огонек. – Так что моральная проблема отпадает сама собой. В конце концов, тебе на что деньги нужны? На благородное дело. А кто тебе поможет кроме меня?.. Государство, что ли?.. Так этот «Робин Гуд» если и грабит олигархов, то все награбленное отдает другим, при чем таким же. А вся эта дележка происходит только в пределах московского Садового кольца...

Договорить Витька не успел. На кухне зазвенело разбитое стекло и что-то с силой ударило в стену комнаты. Витька метнулся на кухню. Вернулся он, оттуда держа в руки увесистый булыжник.

– Ну, суки!.. – пробормотал племянник – Ну, суки, держитесь!

Затем, очевидно, решив что все слова излишни, он рванул дверь на улицу.

«Теперь Серега со своими дружками покоя не даст, – с тоской подумал Петрович. – Ох, Витька, Витька, принесла тебя нелегкая!»

– А-а-а, что б тебя!.. Руку сломаешь!.. – почти сразу донесся со двора, через широко распахнутую дверь, чужой злой голос.

Тут же послышался сильный звук удара по чему-то мягкому и Витькин почти звериный рык. Затрещал забор. С ха-

рактерным звуком рухнули и покатались по земле недавно уложенные Петровичем в аккуратную горку бревна.

Петрович механически нашарил тапочки непослушными ногами. Старик с ужасом думал о том, что возле кроличьего сарайчика лежат оставленные им вилы и тяжелый топор-колун. Не зная, что делать, старик бросился к старому сундуку. Там, на самом его дне, была спрятана заряженная мелкой дробью двустволка.

Во дворе было темно как в чулане. Вышедший со света старик едва не упал, споткнувшись о лежащее на земле, возле самого порога, тело в желтой куртке. Незнакомец держался обеими руками за разбитое лицо и громко стонал.

Петрович поднял ружье, собираясь пальнуть в воздух.

– Не надо, дядь Коль, все уже, – из темноты, навстречу Петровичу, шагнул Витька. – Вот козлы!.. Вилы сломали, гады...

Племянник швырнул к ногам старика изломанный черенок. Острые иглы вил тускло блеснули.

Витька подошел к лежащему на земле парню и дал ему увесистого пинка. Тот быстро вскочил и исчез в темноте.

– Пожалуй, пару дней будет тихо, – Витька потрогал чуть припухшую скулу. – Больше не гарантирую.

На кухне племянник осмотрел разбитое окно.

– Ерунда, дядь Коль, – заключил он. – Завтра все сделаю.

Витька взял стакан с водкой, который еще недавно предлагал ему Петрович и по-заговорщески подмигнул.

– Говорят от нервов хорошо помогает...

Старика бил мелкий, противный озноб.

Витька подошел к нему и обнял за плечи.

– Ну что, дядь Коль, будем перебираться в деревню?

– К огороду поближе? – тоскливо спросил Петрович.

– К нему, родимому.

– Ну, если такие дела, давай попробуем, – Петрович тяже-

ло вздохнул. – Теперь, Витька, мне все равно тут не жить...

Глава пятая

На свете существовало довольно много дел, которые Витька не умел делать всерьез. Например, однажды Петровичу удалось понаблюдать за тем, как его племянник стирал носки: Витька надел носки на руки и мыл их под краном так, как моют руки. Потом он попробовал набрать воду в носок – вода легко проходила через едва отмытую ткань, племянник счел труд оконченным и отложил носки в сторону. Он терпеть не мог бытовых мелочей.

Утром Витька отправился в киоск за газетами. Вернувшись с целой пачкой, он принялся внимательно рассматривать многостраничную «Из рук в руки». Его интересовали объявления о купле и продаже животных. Добравшись до последней страницы и узнав, что за объявления, обведенные рамочкой все-таки нужно платить, Витька почесал затылок.

Петрович хлопотал на кухне. Он думал о том, что разбитое окно, пожалуй, тоже мало волнует племянника.

Хлопнула входная дверь. Старик оглянулся. На пороге стояла Света с детьми. За ее спиной маячило красивое и злое лицо Витькиной жены Лены.

– Проходи, – старик кивнул дочери на кухонный стол. – Готовить мне поможешь. А твой, – он показал Лене на дверь в спальню. – Там... После ночного сна отдыхать изволят-с.

– Выгнал? – чуть погодя спросил старик дочь.

Светка кивнула.

– Да.

– Бил?

– Нет, – коротко ответила Света.

Петрович покачал головой и решил, что Витька, пожалуй, был прав, когда говорил, что битая физиономия кое-что да значит.

Появление жены не произвело на Витьку никакого впечатления. Он с интересом продолжал рассматривать газету. Лена с шумом пододвинула к себе стул и села.

Витька молчал. Лежащая рядом с ним Багира лениво открыла один глаз и посмотрела на молодую женщину. Лена кусала губы и сверлила ненавидящим взглядом лицо Витьки.

Пауза была долгой и многозначительной.

– Зачем приехала? – наконец, не отрываясь от газеты, спросил Витька.

– Разводиться! – почти выкрикнула Лена.

– Так, понятно. Могу чем-то помочь?

– Да.

Витька убрал газету и с любопытством посмотрел на жену. Соглашаться с мужем было совсем не в ее характере.

– И чем же?

Лена сердито сопела. Она отвела глаза и посмотрела в окно.

Петрович уже вышел во двор и кормил кроликов. Пре-

рвав привычное занятие, он подозвал одну из черных кошек. Старик взял ее на руки и принялся внимательно рассматривать. Отпустив животное, он почесал затылок и презрительно плюнул.

Витька снова уткнулся в газету.

– Отдам котенка в хорошие руки, – вслух прочитал он и тут же пояснил. – Наверное, кошка окатилась... Хорошо, если черная.

Лена заплакала. Она плакала тихо, почти по-детски, словно ее обида наконец-то заставила поверить в безнадежность сложившейся ситуации.

– Витьк, я с тобой по-хорошему развестись хочу, без зла, – сквозь слезы заговорила Лена. – Честное слово, сил больше нет... Прости, конечно, но я смотреть на тебя спокойно не могу. Потому что когда вижу, как сейчас например, то мне тебя ударить хочется... Чем-нибудь тяжелым.

Багира дернула хвостом и перевела взгляд на Витьку. Тот с шумом перевернул газетную страницу.

– Что ты меня на тот свет отправить хочешь, это я уже и без тебя знаю, – спокойно ответил Витька. – Но помочь-то я тебе, чем могу?

– Уйти мне надо от тебя, Вить... И куда-нибудь подальше, что б глаза мои тебя не видели.

– Нечего было за дурака замуж выходить, – рассудительно заметил Витька. – Хотя, ладно... От меня-то ты чего хочешь? Что бы я тебя на край света на руках отнес?

Лена вдруг облегченно вздохнула и вытерла слезы. Она взяла со стола небольшое зеркальце и тщательно осмотрела свое лицо.

– На руках – не на руках, не в этом дело, – уже более уверено и твердо заговорила молодая женщина. – Вить, ты пойми, я же с тобой почти десять лет прожила. Не могу я вот так, запросто, дверь хлопнуть.

– Ты уже пробовала. И не раз.

– Тогда ерунда была, – отмахнулась Лена. – А вот теперь все по-настоящему.

– Любопытно. Ну-ну?..

Женщина вытерла остатки слез.

– Вить, давай с тобой немного поживем так, как будто мы уже развелись, а? Только вместе. Мне время нужно, что бы привыкнуть.

– К чему?

– Ну, что ты уже не мой муж. Ты пойми, Вить, я же баба, а все бабы они же привязчивые как... – Лена посмотрела на Багиру. – Ну, в общем, понятно как. А кроме тебя у меня никого другого пока нет. Совсем нет, понимаешь?

– Сама виновата. Кстати, где жить-то будем?.. Здесь, у Петровича?

– А почему нет? Мои родители за детьми и хозяйством пока присмотрят. Мы с тобой в отпуске ни разу не были. Вот и отдохнем, кстати.

Витька задумчиво почесал кончик носа.

– Ладно, давай... Только боюсь, не получится у нас тобой отдыха.

– Вить, я к тебе, честное слово, ни с какими глупостями лезть не буду! – Лена прижала руки к пышной груди. – Ей-богу же!.. Ты делай что хочешь, но я тебя об одном прошу, ради Бога, не приводи ты больше домой своих баб.

– Да что такого я сделал?! – в свою очередь громко возмутился Витька. – Ну, зашел ко мне вчера Петька с двумя девочками. Одна – его невеста, вторая – ее сестра. Жениться наконец-то Петька собрался. Ну, выпили мы с ним по стакану пива вот и все. Кроме того, я же колодец ремонтировал и отвлекся-то только на минутку...

– А тогда почему ты от меня в баню прятаться побежал?

– Куда же от тебя бежать, спрашивается, если ты на Петьку с табуреткой набросилась?

– А дверь в баню, почему держал?

– Потому что ты ее одной рукой дергала. А во второй руке у тебя что было? Случаем, не утюг? – Витька снова повысил голос. – И почему это ты меня допрашиваешь, а не я тебя? Ты мне лучше ответь, за каким чертом нужно было баню поджигать? Совсем уже офанарела, да?

– А мне было интересно, как ты из бани выскочишь, – Лена хищно улыбнулась. – Вместе с дверью.

Витька поморщился и обиженно замолчал. Багира зевнула и принялась деловито вылизывать шерстку языком.

Лена пересела к мужу на диван и погладила его по руке.

– Ладно тебе, Витечка. Как говорится, это дело уже прошлое. Только ты так больше не делай. Хорошо?..

Витька хотел было плюнуть с досады, но, взглянув на чистый пол, передумал.

Супруги немного помолчали.

– Жить-то как потом, без меня, собираешься? – безразлично спросил Витька.

– Не пропаду, – Лена взяла в ладошки руку мужа и задумчиво провела по ней пальцем. – Тебя из дома гнать не собираюсь, у мамы с папой жить буду. Там добра на всех хватит. И на алименты на тебя подавать не буду.

– К детям потомпустишь?

– Почему нет? Смотри, сколько захочешь.

– Смотри!.. – Витька усмехнулся. – Прямо как в зоопарке.

Ну, а в личной жизни что планируешь?

– Одна не останусь. Мне же только тридцать в этом году исполнилось.

– Замуж выйдешь?

– Сначала посмотрю за кого.

– Понятно. Не за такого как я, конечно.

– Ну, еще бы!..

Витька попытался встать, но Лена удержала мужа.

– Вить, давай по-хорошему разведемся, а? – Рука Витьки снова оказалась в сильных, женских ладошках. – Ну, пожалуйста!..

Опостылевший муж перестал сопротивляться.

– Тебе сколько времени нужно?

– Неделю.

В комнату заглянул Петрович.

– Воркуете, голубки?

– Все нормально, дядь Коль, – откликнулся Витька.

– Ленка к нам с ночевкой или как? – спросил старик.

– С ночевкой. Дядь Коль, мы у тебя поживем с недельку, а?

– Тогда так решим, – Петрович немного подумал. – Вы тут располагайтесь, Светка с детьми в большой комнате жить будет, ну а я на кухне. Всем места хватит.

Когда дверь захлопнулась, Витька встал.

– Ну, я пошел.

– Куда? – искренне удивилась Лена.

– Топиться с горя в ближайшей луже, – Витька подмигнул жене. – Да и вот еще что, ты дяде Коле про наш будущий развод не говори.

– Да что я, дура?!

Витька быстро вышел.

Багира спрыгнула с дивана и направилась следом. Уже открыв лапой дверь, кошка вдруг оглянулась и принялась внимательно и даже как будто осуждающе, рассматривать Лену. Взгляды молодой женщины и кошки встретились. Первой не выдержала и отвела глаза Лена.

– Еще ты тут на меня смотреть будешь! – прикрикнула Лена и замахнулась на кошку зеркальцем.

Багира удалилась, не потеряв при этом ни йоты своего кошачьего достоинства.

Лена повертела в руках зеркальце. Она отвела его на расстояние вытянутой руки и заглянула в него... На диване сидела красавица со строгим, волевым лицом. Глядя на ее со стороны, очень трудно было поверить в то, что всего несколько минут назад она горько плакала.

Глава шестая

Путь до брошенного два года назад военными аэродрома занимал не более получаса. Сначала дорога шла вдоль лесополосы, потом ныряла в овраг и, наконец, взобравшись наверх, еще метров двести тянулась возле рядов колючей проволоки. Вокруг было тихо и безлюдно.

Петрович прихватил с собой небольшой, ухватистый топорик – от Сереге можно было ждать любой подлой выходки – и теперь старик прилагал все усилия к тому, что бы топорик случайно не выскользнул у него из-под полы пиджака.

Витька беспечно оглядывался по сторонам и находился в самом прекрасном расположении духа.

– Это хорошо, дядь Коль, что ты на окраине города живешь, – болтал он. – Суеты меньше, а простора больше. Не то что в центре. Ох, уж эта мне городские тараканьи гонки без финиша. Если я хочу купить мороженное, то почему я должен расталкивать других локтями?.. В этом нет истины, – Витька взял Петровича под локоть и сделал вид, что собирается выслушать возражения. – Ты, наверное, хочешь сказать, мудрый старик, что только поиски истины могут сделать человека настоящим глупцом?

– Отстань, балабол, – отмахнулся Петрович.

Топорик едва не выскользнул из-под полы. Петрович при-

бавил шагу.

– Нет, искать истину все-таки стоит! – Витька произнес свой полужутливый монолог, уже рассматривая спину старика. – А знаешь почему? Иначе нам будет скучно жить. Что такое истина, Петрович? Это тихая-тихая трель, которую невозможно услышать в водопаде жизни. В грохоте водопада можно услышать только правду, потому что правда, в отличие от истины, уже оружие... Правда – оружие пролетариата и циничных политиков. Ты когда-нибудь видел меч в руках правосудия, Петрович? Это и есть правда. Но истина...

– Пустомеля ты, – строго оборвал старик. – Просто болтун и все.

Витька весело рассмеялся.

– Правда, Петрович!..

Здание бывшей авиадиспетчерской понравилось Витьке сразу. Во-первых, оно было трехэтажным и кирпичным, во-вторых, все оконные рамы, начиная со второго этажа, были еще целы. В-третьих, на железных дверях авиадиспетчерской висел, уже давно орошаемый дождями, плакатик: «Если еще хоть раз поймаю кого-нибудь с оконной рамой, буду бить по морде не смотря на возраст! Майор Б.М.Кузьмин».

Витька удовлетворенно кивнул.

– Наверное, brave майор Кузьмин еще не нарывался на генерала с похищенным оконным переплетом, – заметил он. – Молодой иш-ш-шо майорчик.

– Слышь, Витьк, – окликнул племянника Петрович. – А наше хозяйство будет как называться? Котоферма, что ли?

Витька гыгыкнул.

– Наверное. Но лучше кошкоферма. Нам кошки нужнее – от них приплод.

В подъезде Витьку заинтересовал вход в подвал. Железная дверь со скрипом распахнулась. Отсвечивающие белым бетонные порожки уходили в темноту. Витька пригнулся и, опершись на лестничный пролет, посмотрел вниз.

– Не достроили порожки, господа нервные военные, – сказал он. – На полпути обрываются... Вот черт, хода в подвал нет.

– А к чему он тебе, подвал-то? – спросил Петрович.

– Мало ли... – голос Витьки многократно отражался от стен подвала и звучал неприятно глухо.

– А-а-а!!..– что было силы рывкнул он.

Эхо было неожиданно слабым и странно глухим:

– У-у...

– Чертов подвальчик, – заключил Витька. – Как чрево. Привидений в нем только не хватает. Ты как считаешь, дядь Коль?

Петрович подошел поближе. Из подвала пахло сухой плесенью и ржавчиной. Темнота была непроницаемой как шторка.

Под сердцем старика что-то неприятно шевельнулось.

– Закрой его, – с неприязнью сказал Петрович. – В такую

дыру ни одна кошка не полезет.

– Почему?

– Потому что это не подвал, а погреб какой-то. Не любят кошки погребов.

Компаньоны продолжили осмотр. Если не считать вырванных на первом этаже оконных рам, здание сохранилось в приличном состоянии. Правда, брошенный под ноги при спешной эвакуации мусор и общая нежилая неустроенность помещений, несколько портили впечатление. Но Витька не обращал внимания на мелочи. Собственный труд мог с успехом заменить арендную плату за крышу над головой.

Петрович поднял с пола новенькую солдатскую фляжку.

– И куда они бежали? – пробормотал старик. – Бомбили их, что ли?

– Приказ получили, вот и побежали, – отозвался из другой комнаты Витька. – У нас ведь всегда так, в спешке, все делается. Словно следом ведьма гонится.

Пол одной из комнат был густо устлан пустыми, пластмассовыми бутылками. Расталкивая их ногами, Петрович прошел в угол. Там, на стене, висел большой, красочный портрет летчика. Весело щуря молодые глаза, летчик улыбался так, словно знакомился с симпатичной девушкой. Ниже портрета старик прочитал: «Капитан Ершов Дмитрий Павлович. Пятого февраля 1996 года. Город Грозный. Приказом по части навечно внесен в списки полка штурмовой авиации».

«На Вовку похож, – подумал Петрович. – Эх, парень, па-

рень!.. Может быть, и навечно тебя в списки внесли, только улетел твой полк, а ты тут остался. Вот тебе и истина, Витька! Вот она, на стене, всеми забытая висит и никто ее не помнит кроме матери...»

Старик снял портрет со стены. Он вырвал из рамки толстую, упругую бумагу и, сложив ее несколько раз, сунул в карман.

– Нам нужен только второй и третий этаж, – между тем толковывал Петровичу Витька. – Потому что с первого наши кошки сбегут, не удержим. Перекроем вот эти двери, вон те и все – одного выхода вполне хватит. Чем перекрыть – не проблема, найдем, – Витька поднял с пола широкую доску и прислонил ее к стене. – Дядь Коль, кроме нас сюда, случаем, никто больше не сунется?

– Зачем?

– Ну, мало ли...

– Глухое это место, Витьк, и, к тому же, мертвое какое-то.

– А бомжи?

– Бомжи к людям жмутся, да и складская охрана их сюда не пропустит, – Петрович подошел к окну и показал на еле заметные вдалеке полукруглые крыши ангаров. – Там, у военных имущество кое-какое осталось. Вот они его и стерегут.

– А нас самих не турнут отсюда?

– Нет, если будем ходить сюда той дорогой, которой пришли. За лесополосой ее не видно.

Витька оглянулся вокруг.

– Эх, жалко мы инструмента с собой не прихватили! Можно было бы уже сегодня и начать.

– На вот... – картинно нахмурившись, Петрович протянул племяннику топор. – Твой универсальный инструмент.

– Ох, и скрытный же ты старик! – улыбнулся Витька – Будь моя воля, я бы тебя министром обороны назначил. От алкашей, разумеется.

Насвистывая себе под нос незамысловатый мотивчик, Витька приступил к работе. Старик смотрел на племянника и не мог налюбоваться. Казалось, Витька не делал ни одного лишнего движения. Одним ударом он рубил доски так, что по сколу, в ряд, обнажались вдруг сразу обессилевшие гвозди, а потерявшая вдвое в ширине доска настолько ловко ложилась на предназначенное ей место, что будь на месте Петровича мало знающий Витьку человек, он сразу же заговорил бы о везении. Прочие гвозди Витька дергал руками, при случае распрямляя топором их загнутые, ржавые концы. Все что попадалась ему под руку, сразу превращалось в необходимую вещь.

– Русь одним топором строилась, дядь Коль, – шутил Витька. – Так неужели я одним топором кошкофермы не построю? Сделаем так, что даже мышь не проскочит.

– Слышь, Витьк, мыши нам как раз нужны будут, – рассудительно заметил Петрович. – Зачем нам животных удовольствия лишать?

– Ты чье удовольствие имеешь в виду? – улыбнулся Витька. – Мышиное, что ли?

Племянник остановился и вытер со лба пот. Потом почесал затылок. Работать плохо, «со щелями», он не привык.

– Но в целом, ты прав, дядь Коля. Ладно, придумаем что-нибудь. Главное, тут места много. А у тебя дома много кошек держать нельзя. Люди сразу все поймут. Рынок, понимаешь, дураков не любит...

Закончив работу на втором этаже, Витька перешел на третий. Топор снова замелькал в воздухе. За час два старых канцелярских стола превратились в кухонный да такой, что хоть сейчас на продажу.

– Здесь будем кошкам еду готовить, – пояснил Витька. – Дядь Коля, у тебя кроликов сколько?

– Штук шестьдесят.

– Так, значит... – Витька что-то прикинул в уме. – Каждый кролик это, примерно, полтора килограмма требухи. Имеем центнер мяса. Маловато, елки-палки. Там у тебя, кажется, еще зерно было? Можно будет кашу варить.

– Зерно не дам, – буркнул старик. – Буду я еще зерно на котов тратить!

– Не жлобись, дядь Коля, – Витька весело блеснул глазами и продолжил подсчет. – Значит, зерно. Центнера четыре есть?

– Два.

– Значит три. Кстати, сюда еще нужно будет мышей при-

нести. На развод. А без зерна они отсюда уйдут.

– Если будет слишком много кошек, мыши и так сбегут.

– Ничего, мы с тобой не без головы родились. Обдумаем! – Витька посмотрел на потолок. – Надо бы еще лаз на крышу сделать.

– Зачем?

– Пропадут кошки без свежего воздуха.

– А не сбегут?

– С крыши?.. Не уйдут.

Витька закончил свою работу только ближе к вечеру. На небо набежали облака и начал накрапывать мелкий, осенний дождь. Быстро темнело...

– Шабаш, дядь Коль, – Витька протянул старику топорик. – Прячь.

У выхода из диспетчерской Витька неожиданно резко остановился. Задумавшийся было о своем нелегком житье Петрович с ходу ткнулся носом в плечо племянника.

– Слышишь? – Витька поднял руку. – Вроде бы плачет кто-то? Ребенок, что ли?..

Старик прислушался. Вокруг стояла полная тишина.

– Там, – Витька показал на двери подвала – Точно там.

– Откуда там ребенок? – возразил Петрович. – Может просто кошки дерутся?

– А кошки тут откуда? Мы их сюда пока не заселяли. И, кроме того, ты сам говорил, что в такой жуткий подвал ни одна кошка не пойдет, – Витька потянул на себя дверь под-

вала. – Эх, фонарика жалко не взяли!..

Витька потоптался у входа в подвал, не решаясь прыгнуть в темноту.

– Вроде стихло, что ли?

Нерешительность племянника передалась и старику.

– Витьк, пошли домой, а? – попросил он.

– Боишься?..

Петрович заглянул в уходящую вниз темноту. Она была похожа на бездну. Старик поежился и снова ощутил в груди противный холодок.

– Может и боюсь... Мне не привыкать, – его голос звучал так же глухо, как и эхо.

– А ты что-нибудь слышишь?

– Нет.

– Ладно, инспекцию придется отложить.

Через минуту после того, как Петрович и Витька направились домой, из подвала, настороженно оглядываясь по сторонам, вышла Багира. Следом за ней выпрыгнул молодой, крупный кот. Дома Петрович часто видел эту парочку вместе. Но, увидев здесь и сейчас, он бы сильно удивился. Кошки еще никогда не уходили так далеко от дома.

Багира уселась возле подъезда. Взмахнув лапой, она отогнала игриво заигрывающего с ней молодого кота, а потом долго и задумчиво смотрела на удаляющихся людей. Прежде чем направиться следом за ними кошка вернулась к подвалу и потянула ноздрями идущий оттуда запах. Молодой кот сел

рядом. Он уже собрался почесать у себя за ухом, но взглянув на Багиру замер. Кошка громко фыркнула. Вокруг не было ни единой живой души, но какое-то чувство подсказывало Багире, что это мертвое, недоброе место не долго будет оставаться пустым...

Витька гнал перед собой пустую консервную банку. Он изредка бросал на Петровича любопытствующие взгляды. Судя по сосредоточенному виду старика, его мысли были далеко.

– О чем думаешь, дядь Коль? – окликнул старика Витька.

– А-а-а?.. – Петрович мельком взглянул на племянника. – Слышь, Витьк, а дом-то в твоей деревне хороший?

– Какой дом?

– Ну, тот, который ты присмотрел?

– Хороший. В два раза больше чем твой: три комнаты и кухня. Правда, одна комната проходная.

«Я в проходной жить буду, – решил про себя Петрович. – Все равно по ночам плохо сплю. Да и с внуками, если они на глазах вертятся, веселее...»

– Дом-то рубленый или каменный? – уже вслух спросил он.

– Каменный. Ему лет тридцать всего. Так что этот дом еще пару веков простоит.

– Скажешь тоже, пару!.. – рассудительно заметил Петрович – Мне, Витьк, самому этот дом посмотреть надо. От тебя он далеко?

– Через одну улицу. Минут десять ходьбы.

– А огород?

– Что огород?

– Ухоженный?

– Да уж не бездельники там живут. Не хуже моего.

– Кто живет-то?

– Дед с бабкой. Ну, а теперь они в город, к сыну, переезжать собираются.

– Не пьет?

– Кто, дед с бабкой?

– Сын их.

– Нет. Хороший мужик.

– Ну, тогда понятное дело, почему дед с бабкой к сыну перебраться решили...

Петрович замолчал. Витька оглянулся по сторонам, не зная чем развлечься дальше. Не полностью растроченная за работой энергия требовала выхода.

Дождь усилился. На дороге начали собираться первые темные лужицы. Витьке капнуло за воротник. Он поежился и как всегда неожиданно начал:

Стакан вина – в брод!..

Пусть не поймет седая дама,

Что нам от этой жизни надо,

Стакан вина – и в брод!

Вода щекочет кожу горла,

Одежду брошенную сперли
И вор орет, что б осторожно
Переходили брод.
Прости нас Бог,
За то, что жили,
За то, что мы не знали «или»
За то, что люди, наконец,
Прости,
Пойми,
Прими, Отец!..
Прости за то, что мы молчали,
Прости за то, что мы не знали,
Прости за то, что там, в пыли,
Куда не зная мы ползли.
За что прощать нельзя, прости же!
Ты видишь?
Головы все ниже
И пусть ночной и страшный брод
Нас перекрестит иль убьет.
Вода у губ,
Течет сквозь зубы,
Мы слышим ангельские трубы,
Открыть бы только сжатый рот...
Но Бог?!..
За что мелеет брод?
Мы шли к тебе с надеждой, Боже,

Смотри, из лиц вновь лезут рожи,
Мы шли к тебе, ты – обманул,
Ты берег нам к ногам швырнул...
Стакан вина – и в брод,
Пусть не поймет седая дама,
Что нам от этой жизни надо,
Стакан вина – и в брод!..

– Ты, Витьк, лучше Бога не трогай, – немного подумав, сказал Петрович. – Не хорошо это.

– Да я и не трогаю, – простодушно улыбнулся Витька. – А вот когда ручку возьму, сам не знаю, что со мной начинает происходить: словно жжет меня что-то... Изнутри жжет. А верующий из меня, дядь Коль, плохой, в церквю-то я только на Пасху бываю. Правда, с легкой душой туда прихожу и... – Витька немного помялся. – И верю, что ли?.. Когда последний раз был, поп, значит, по рядам ходит и на куличи с букетика брызгает. А меня увидел и к-а-ак хлестанет святой водой мне по физиономии слева направо! У меня даже с носа закапало. После такого умывания я два месяца ни капли спиртного в рот не брал. От одного вида водки тошнило.

– Лучше бы тебя этот поп прямо из ведра окатил, – улыбнулся Петрович. – Глядишь, совсем пил бросил.

– Может быть, – согласился Витька. – Но видно не пришло пока мое время... – он немного помолчал и вдруг быстро заговорил. – А ведь мне, дядь Коль, Бога почему-то жалко.

И хотя моя глупая жалость эта на щенячью похожа, не могу я ему спокойно «дай» говорить. А если и говорю, то как-то с вывертом у меня это получается... Даже с ехидством. Словно издеваюсь я сам над собой: о чем же, мол, ты, сукин сын, раньше думал? Почему сам не сделал того, что сейчас на коленях задаром выпрашиваешь? Не люблю я за это «дай» ни себя, ни людей. Тянут люди под себя все, что под руки попадет, словно живут с закрытыми глазами, а потом приходят к Богу и снова – дай! Как осьминоги какие-то... Но Бог, дядь Коль, все-таки есть. Я не столько, правда, верю, сколько чувствую это. У меня вот как-то раз спросили, если, мол, Бог есть, то как же он позволяет существовать на земле несправедливости? Раздражают меня такие вопросы. Глупые они и подлые какие-то... Потому что когда человек вышел из рая, Бог сделал его абсолютно свободным. Во всем, даже в безумии. Наполеон и Гитлер были так же свободны, как и алкаш какой-нибудь, который ни о чем другом, кроме как о водке уже и думать не умеет. Понимаешь?... Человек – свободен и он – не кукла. Он сотворен по образу и подобию и нет в нем руководящей, божественной пятерни. Сам человек все решать должен. Только сам. Поэтому крики эти, почему, мол, Бог позволят все, мне другой крик напоминают: «Распни его!..» Ближнего нашего распни, Господи... А мы, мы-то – хорошие.

Судя по всему, Витька снова принялся переживать один из своих недавних, философских диспутов. Иногда Лена

рассказывала Петровичу о тех жарких словесных дуэлях, которыми заканчивались деревенские попойки, если в них принимал участие ее непутевый супруг. Рассказы умной Витькиной жены не были лишены изрядной доли чисто женской ядовитости. Петрович каждый раз искренне смеялся над очередным приключением шибутного племянника. Например, частенько после коллективных пьянок Витька, не смотря на отчаянные протесты жены, пытался продолжить философский диспут уже дома. Лучше всего молодой женщине удавалось передавать в лицах те меткие ответы, которые она давала мужу на его разглагольствования о вечном. Рано или поздно окончательно посрамленный женским остроумием Витька отправлялся спать.

– Долго думал-то над всем этим? – скептически улыбаясь, спросил Петрович у племянника.

– Долго, ясно же... Недавно вот с одним нашим деревенским умником беседовал. Он мне говорит, а на фига, мол, мне церковь? Ну, в том смысле, что зачем, мол, мне посредники между мной и Богом? Воистину, научи дурака Богу молиться и он попытается им стать! А вера, она же как книга. Только вместо букв в ней живые человеческие души. Вот недавно я книжку одну читал о том, как у нас в России, уж не помню в каком веке, боролись иосифляне и нестяжатели. Честно скажу, я за нестяжателей переживал, а вот победили почему-то иосифляне...

Голос Витьки заметно дрогнул от обиды.

– И много ли ты, умник, еще читал? – перебил племянника Петрович.

– Нет, в общем-то... Но все равно, интересно же.

– Ох, Витька, Витька, – старик покачал головой, – сколько же всего в тебе намешано! Но самое любопытное, что церковь в тебе рядом с горящей баней стоит. Ты бы еще средневековой кабалистикой, что ли, занялся, а? Говорят, интересная это наука, особенно если на похмелье ее изучать.

Витька кивнул. В его уме снова промелькнуло страшное четверостишие, написанное глухим зимним вечером.

– Уже, дядь Коль, занялся.

– Ну?!.. – искренне удивился Петрович.

– Ага. Хочу секрет числа 666 открыть.

– Это дьявольского числа, что ли?

– Его.

– Что ж, дело хорошее... Главное полезное. Смотри только не чокнись на досуге.

Дома компаньонов ждал ужин, приготовленный сразу двумя хозяйками – по чисто деревенской привычке Лена привезла с собой две огромных сумки с продуктами. Стол ломился от всевозможных яств. Здесь было все, начиная от тарелки с кусками сочной, домашней ветчины и кончая вазой доверху наполненной яблоками. Не было только водки. Лене не хотелось, что бы ее супруг расценил ее старания как попытку к примирению. Кроме того, общаясь с мужем на

людях, женщина постаралась изобразить на своем красивом лице как можно больше безразличия, а то и откровенного высокомерия.

Но ударившийся в богоискательство Витька не обратил на этот факт никакого внимания.

– Свадьба, что ли? – пробормотал Петрович, осматривая стол.

«Скорее развод!» – чуть было не сказала вслух Лена, но вовремя сдержалась.

Еще не растраченная скорбь о заблудшем в грехах человечестве не помешала Витьке как следует вкусить земных благ. Спасая от мужа тарелку с ветчиной, Лена переставила ее поближе к детям. Витька ел быстро и, размышляя о вещах возвышенных, мог запросто оставить голодным своего ближнего.

– Дядя Витя, – неожиданно заговорила маленькая Оля сидевшая на коленях у матери. – А тетя Лена сказала, что ты куда-то подлез.

Витька растерянно улыбнулся.

– Ну, и куда же я подлез? – спросил он.

– Не подлез, а подлец, – вмешался в разговор более взрослый Миша. – Подлец, это такой не хороший дядя и это совсем не дядя Витя.

Витька и Лена подавились салатом почти одновременно.

– Нет, подлец! – настояла на своем Оленька. – Поэтому тетя Лена на него и ругается. Он подлец, как хитрый червя-

чок, наверное, и ей спокойно жить не дает.

Сидевшие за столом взрослые, как по команде, уставились в тарелки. Витька посмотрел на жену. Лена быстро сделала вид, что ничего не происходит. В конце концов, решила она про себя, ее развод с мужем был уже делом решенным, а если родственники узнают о нем, не зная даже намека на его причины, то ее могут и не понять.

После ужина к Петровичу пришел отец Сергея. Это был хмурый, рослый, с насупленными бровями мужик. Немного потоптавшись у порога, он сказал:

– Я, Петрович, это самое... За снохой и внуками пришел. У тебя тут тесновато немного, так что пусть они пока у нас с бабкой поживут.

Петрович посмотрел на дочь.

– Пойдешь?

Та кивнула. В отличие от сына, родители Сергея относились к снохе и внукам с нескрываемой нежностью.

Сборы в не дальнюю дорогу прошли быстро. Прежде, чем выйти, уже возле двери, отец Сергея обернулся:

– За дочь не переживай, в обиду не дам, – бросил он. – Серега меня как огня боится. Пока Светка с детьми у нас жить будет, он к моему дому близко не подойдет.

Дверь захлопнулась.

– Очень даже выразительный мужчина, – сладко потягиваясь, сказал Витька и кивнул на дверь. – Лично я ему верю.

Ночью Лене приснился страшный сон: она лежала голая

на чистых и белых простынях, а рядом с ней стоял жутко волосатый мужик с кривыми ногами. Мужик щерил гнилые зубы и тянул к женщине лохматые, похожие на бревна руки. Сама не зная почему Лена натужно улыбалась ему в ответ. Мужик лег рядом и, сказав не совсем приличное слово, положил Лене на грудь ладонь. Лена закричала от ужаса и что было силы оттолкнула от себя волосатое чудовище.

Неожиданно, совсем рядом, выругался Витька и послышался тяжелый шлепок.

Сон исчез. Лена рывком оторвала голову от подушки и посмотрела в темноту. Витька сидел на полу и, сонно моргая глазами, смотрел на жену.

– Слышь, подруга, ты давай что ли, быстрее от меня отвыкай, – проворчал он, забираясь на кровать. – Так и шею недолго сломать.

Лена сходила на кухню и выпила кружку воды. Немного успокоившись, она пришла к выводу, что отвыкнуть от опостылевшего мужа за одну неделю ей, пожалуй, не удастся.

Женщина легла и принялась рассматривать темноту. Ей стало страшно и она натянула одеяло до самого подбородка.

Лена толкнула мужа в бок.

– Вить!..

– М-м-м?.. – сонно отозвался муж.

– Поцелуй меня, а? – тихо попросила Лена.

– Отстань, – проворчал Витька. – Сказал же уже, отвыкай от меня побыстрее.

– Ну, Вить, – Лена потерлась щекой о плечо мужа. – Витечка, солнышко мое, ласточка моя!..

Витька вздохнул и тяжело заворочался. Сильная рука обняла Лену за талию и прижала к большому, горячему телу. Лена улыбнулась, снова погладила мужа по щеке и ласково прошептала:

– Колючий ты... Как пушистый ежик.

– Ежики пушистыми не бывают.

– А добрыми?

Женский шепот был тающим и таким нежным, что Витька окончательно сдался.

– Шут знает что! – ворчал он, стаскивая с жены ночную рубашку. – Весь день пахал, так еще и ночью работать приходится. Никакого покоя мужику даже в гостях нет.

...Прежде чем уснуть Лена крепко обняла Витьку за шею, уткнулась ему носом в плечо и облегченно вздохнула.

Глава седьмая

Кот по кличке Мальчик начал обход своей территории рано утром. Неслышной, тигриной походкой он пробрался через густой малинник, перепрыгнул через забор и приблизился к старому, покосившемуся сараю. Это был центр его владений. Старый кот любил лежать на крыше сарая обзревая с его высоты дворы и выслеживая наглецов-соперников, которые всегда надеялись незаметно проскользнуть по его территории не получив при этом заслуженной взбучки.

Неожиданно хвост Мальчика несколько раз нервно дернулся. Из поленницы, пролежавшей рядом со стеной сарая неизвестно сколько лет, доносился чужой, раздражающий запах. Кот подошел поближе. После тщательного обнюхивания дров Мальчик установил, что чужая метка была оставлена совсем недавно. Кот скользнул вдоль забора и вскоре наткнулся еще на один след чужака – на тонком черенке молодой вишни. Возмущению Мальчика не было предела. Больше всего его злило то, что враг прибег к довольно подлому способу. Не решаясь бросить открытый вызов, он просто-напросто попытался оттяпать кусок чужих владений, поставив их хозяина перед уже свершившимся фактом.

Мальчик подумал о соседском рыжем коте. Это мог сделать только он. Рыжий не был джентльменом и избегал от-

крытых схваток даже весной. Например, он подкарауливал возлюбленных из гарема Мальчика прямо возле дверей и открытых форточек. Еще не успев выйти в свет, кошки попадали в лапы негодяя. Несколько раз Мальчик преследовал Рыжего, но того спасала молодость и скорость.

Старый кот презрительно фыркнул и приступил к работе. Вскоре все метки Рыжего были заглушены новым, куда более приятным для Мальчика запахом. Только возле поленницы естественный способ борьбы с вражескими метками дал осечку. Рыжий брызнул свою метку в глубину дров и без знания точной позиции, которую тот занял прежде чем нанести ее, точно попасть в чужую метку было невозможно. Чужой, стойкий запах перемешивался с запахом Мальчика и все сильнее действовал на нервы.

Мальчик сел и, щуря зеленые глаза, посмотрел на желтое солнце.

Решение пришло неожиданно. Мальчик стал хвостом к поленнице, крепко уперся задними лапами, а передними принялся энергично забрасывать назад землю. Раз-раз-раз!.. Земля с шумом летела внутрь поленницы. Когда вырытая котом ямка достигла трети его роста, кот прекратил работу. Он потянул ноздрями воздух. Сильный запах прошлогодних листьев, земляных червяков и сырой земли заглушил запах Рыжего. Торжествуя, Мальчик выпустил пару струек и понюхал снова. Враг был сломлен окончательно.

Целый час старый кот отдыхал лежа на крыше сарая. Ино-

гда он лениво приоткрывал один глаз и оглядывался вокруг. Но Рыжий не появлялся...

Мальчик припомнил, что несколько раз видел Рыжего на перекрестке улиц возле дома, в котором недавно поселилась молодая и глупая сибирская кошка. Рыжий топтался там каждое утро, жадно посматривая на окна и призывно мяукавая.

Решение было принято как всегда мгновенно – Мальчик направился на улицу. Загрызть негодяя!.. В мозгу старого кота уже мелькали сцены будущей расправы: вот Рыжий стоит в боевой стойке, вот он опрокинут на спину, вот... Неожиданно в ноздри Мальчика ударил волшебный запах свежесокопченной рыбы. Кот остановился. На скамейке, возле автобусной остановки, курил большой человек. Человек наверняка был сыт. Он вертел в руках кусок рыбы и, судя по всему, не знал что с ним делать.

– Кис-кис-кис!.. – притворно ласково позвал незнакомец, внимательно рассматривая Мальчика.

Старый кот насторожился. Огромный жизненный опыт подсказывал ему, что люди жадны и не привыкли вот так запросто расставаться с чем-то вкусным. А брошенные ими вслед палки и камни иногда находят свою жертву. Но уйти старый кот тоже не мог, кусок рыбы пах так вызывающе аппетитно, что пасть Мальчика наполнилась слюной. В конце концов, старый кот решил рискнуть и подошел поближе.

Незнакомый человек попытался установить контакт.

– Как тебя звать-то? – спросил он. – Иди сюда. Кис-кис-кис!.. На рыбки!

Незнакомец вертел в руках приманку с ловкостью фокусника. Заветный кусок темно-серебристо поблескивал то толстенькой спинкой, то белым брюшком и буквально гипнотизировал старого кота.

Когда-то очень давно Мальчик украл точно такой же кусок с хозяйского стола. Расплата за содеянное оказалась просто ужасной: Мальчика сильно избили и выбросили на улицу. Была зима и несколько дней Мальчик жил на страшном морозе. Все его попытки взобраться на чердак, что бы отогреться у теплой трубы, пошли прахом – после хозяйской экзекуции его плохо слушались задние лапы. Иногда, когда становилось совсем невмоготу, Мальчик подходил к двери и жалобно мяукал. Потом у него пропал голос – из пасти вылетали только хрипы. Мальчику больше не хотелось рыбы, единственное о чем он тогда мечтал была теплая подстилка возле горячей батареи. Кот лежал в сугробе и медленно умирал. Его спасло только чудо, а точнее говоря, сердобольная соседская девочка. Она подобрала кота и принесла к себе домой. Впрочем, переход Мальчика в новый дом не был столь уж безоблачным. Мать девочки наотрез отказалась приютить чужого кота и после небольшого скандала кота выбросили в форточку. Так едва отогревшийся Мальчик снова оказался в холодном сугробе. Он уже не сопротивлялся судьбе. Кот лежал и рассматривал как медленно тают снежинки у него

на носу. Потом его отыскала девочка. Мальчик хорошо запомнил, ее ноги. Они были одеты в легкие тапочки и такие же самые снежинки, которые он рассматривал у себя на носу, очень быстро таяли на голых ножках его новой хозяйки. Девочка громко плакала, а из открытой форточки ей что-то кричала встревоженная мать. На следующий день девочка слегла с высокой температурой и отношение к коту-изгнаннику в новом доме очень резко изменилось. Его стали отлично кормить и даже разрешили спать вместе с девочкой. Под одеялом у девочки было очень тепло и уютно. Кот прижимался к пылающему жаром боку новой хозяйки и тихо урчал от удовольствия. Иногда кота прогоняли в другую комнату и девочку принимались осматривать строгие люди в белых халатах. Но кот всегда возвращался на прежнее место и, наверное, поэтому девочка выздоровела. Теперь девочка выросла, вышла замуж и рядом с ней спит малознакомый Мальчику человек, от которого пахнет табаком. Старый кот довольно болезненно воспринял резкую перемену, произошедшую со своей хозяйкой. Но затем он нашел выход. Совсем недавно в доме появился еще один человек – совсем маленький. Он поселился в койке огороженной высоким заборчиком с редкими прутьями. Иногда ночью, когда человечек начинает похныкивать, а уставшая за день мать не спешит просыпаться, Мальчик с удовольствием идет спать к малышу. Малыш быстро привык к старому коту. Едва почувствовав под рукой мягкую шерстку и услышав тихое урчание, он сразу успока-

ивается.

– Кис-кис-кис!.. – снова позвал незнакомец.

У Мальчика дрогнуло сердце. Даже трагические воспоминания о далекой юности не смогли удержать старого кота от ошибки. Он подошел поближе.

Рука незнакомца опустилась к земле.

– Ну, иди сюда! – подзадорил кота незнакомец.

Мальчик сделал еще шаг. Дальнейшее произошло очень быстро. Кот успел увидеть как в его сторону метнулась сеть, он успел понять, что нужно спастись, но было уже поздно. Сильные руки схватили Мальчика за шиворот и оторвали от земли. Старый кот закрыл глаза и на всякий случай поджал хвост.

«Все! – решил Мальчик, – это конец!»

Еще он подумал о своей хозяйке и о том, что, пожалуй, теперь ей придется просыпаться по ночам значительно чаще.

– Кажется весь черный... – пробормотал себе под нос незнакомец, осматривая Мальчика со всех сторон. – С почином вас, Виктор Григорьевич!

Кот отчаянно сопротивлялся, но грубые руки быстро освободили его от сети и втиснули в хозяйственную сумку. Над головой Мальчика взвизгнула «молния». Старый кот глубоко вздохнул и, немного успокоившись, принялся уплетать злосчастный кусок рыбы, который незнакомец бросил ему в сумку.

Глава восьмая

Леня отложил детектив в сторону и задумчиво посмотрел на потолок. Книга была довольно занятной, но один, чисто подсознательный вопрос, уже давно не давал Лене покоя. Он никак не мог понять, что это доза такая – одно виски – которую, столь лихо употребляют, сдвинув шляпу на затылок, главные герои детективного романа.

Леня задумчиво пробежал глазами только что прочитанную страницу.

«Джонни ухмыльнулся, – сказала Лене книга. – И незаметно приставил свой кольт 42-го калибра к толстому брюху бармена. Увидев оружие, толстяк слегка окосел от изумления. «Веди себя повежливей, – прошептал Джонни. – Иначе я наделаю в твоём брюхе дырок больше, чем их было в дуршлагае моей почтенной матушки. А теперь плесни-ка выпить, приятель... Одно виски!» Сдвинув шляпу на затылок, Джонни отправил виски в рот...»

На кухне сердито загремела посуда.

– Ирка! – окликнул жену Леня. – Слышь!..

– Ну? – донеслось из-за полуоткрытой двери.

– Как ты думаешь, сколько грамм в одном виски?

– Что? – не поняла жена.

– Вот тут, в книге написано...

Леня запнулся. Ясно изложить вопрос оказалось не так простым делом. Леня заново, уже вслух, прочитал отрывок про бойкого Джонни.

– Вот я и спрашиваю, сколько, по-твоему, будет грамм в одном виски?

– А пошел бы ты, лентяй! – не подумав ни секунды, ответила жена. – Чем на диване валяться, лучше бы белье развешил.

Леня обиделся. Но ссориться из-за пустяка с женой ему не хотелось. Он снял телефонную трубку. После трех минут путаных объяснений и цитирований из книги, млеющий спросонья на другом конце провода голос Ленькиного друга Мишки хихикнув, высказал предположение, что данная доза должна составлять как минимум сто пятьдесят грамм и один огурчик. Леня обозвал друга дураком и повесил трубку.

Оставался последний путь решения вопроса – экспериментальный. Этот путь пролегал через шкаф. Там, на нижней полке, под бельем, лежала спрятанная женой «на всякий пожарный случай» бутылка коньяка. Леня счел, что такой случай как раз наступил. Он подкрался к шкафу и тихо скрипнул дверцей.

Прежде чем спрятать бутылку за диван Леня взвесил ее на руке. Красивая этикетка с двуглавым орлом сообщила ему, что данный сосуд вмещает в себе ровно пол-литра первого сорта коньяка изготовленного из лучших сортов винограда по старинным технологиям. Леня сглотнул слюну.

Он сходил на кухню и, перекинувшись с женой парой незначущих фраз, украл стакан и яблоко. Чтобы Ирка не заподозрила недоброго, Леня на всякий случай сделал вид, что хочет поговорить с ней о будущем строительстве дачи. Ира поморщилась и попросила оставить ее в покое. Леня аккуратно закрыл за собой дверь. Оба, он и его жена, вздохнули с облегчением.

Вернувшись в комнату, Леня достал бутылку. Глядя на нее, он погрузился в раздумья. Не придя ни к какому определенному выводу, он открыл бутылку и осторожно плеснул в стакан. В результате Лениной нерешительности количество конька не превышало пятидесяти грамм. Леня медленно выпил пахучую жидкость и захрустел яблоком.

В голове приятно зашумело. Леня закурил и выпустил в потолок тонкую, красивую струйку дыма.

«Здорово!» – подумал он.

Наслаждаясь, Леня выкурил сигарету до самого фильтра. Минут через пять шум в голове стал привычным и уже несколько не удивительным.

«Мало налил, – решил Леня. – Такой дозой только зубы полоскать...»

Вторая попытка была гораздо смелее. Леня немного полюбовался коньком, рассматривая его на свет, понюхал, и только потом отправил в рот. Сто грамм ароматного, южного напитка приятно обожгли горло. В животе заметно потеплело.

«Вот это уже точно оно!.. – подумал Леня. – То самое одно

виски».

Он встал и подошел к окну. На улице уже темнело, но Лене хотелось думать о чем-нибудь светлом и возвышенном. Например, о будущей даче.

«Ох, и дачу я отгрохаю! – решил Ленья. – Ирка увидит, в обморок упадет».

Мир вокруг Лени заволокло призрачным, розовым туманом. В отличие от своего действительно существующего в природе серого собрата розовый туман, совсем не заглушал окружающие краски, а скорее наоборот, сделал их еще более яркими, выпуклыми и там, в самом их центре, Ленья совершенно отчетливо видел свою будущую дачу. Дача стояла на горе и блестела как новая монета. Огромный сад окружал большой, со светлыми окнами дом. Сад был похож на тропический лес. В его прозрачных, как утренняя истома, верхушках деревьев пели птицы, а с веток свешивались диковинные по своей величине и, вероятно, вкусу яблоки. В аккуратном и довольно уютном бассейне, плескались толстые гуси. Завершала тихую картину семейного царства труда и отдыха неизвестно откуда взявшаяся, но, тем не менее, довольно симпатичная коровка. Она лежала под яблоневым деревом и лениво пожевывая травинку.

Время летело совершенно незаметно. Воображение Лени нагнело прямо на глазах. Совершенно непринужденно, без малейшего усилия со стороны Лени, дом незаметно превратился в замок. Диковинные по величине и вкусу фрукты

вдруг решили сменить свое гражданство – из вполне обычных российских яблок и груш они превратились в иноземные бананы и ананасы. Изменился и животный мир. Изжаренные гуси заняли место на расставленных между пальмами столах, а позевывающая от скуки корова, подмигнув Лене изумрудным глазом, превратилась в черный «Мерседес».

В груди Лени приятно защемило. Он выбросил в форточку окурок и оглянулся. Взгляд сразу же споткнулся на бутылке. Разбушевавшееся воображение требовало дополнительных вливаний. В противном случае оно грозило объявить дефолт призрачному миру мечтаний.

«Двойную дозу, что ли попробовать? – подумал Леня. – А то одна как-то не очень... Не берет, в общем...»

Леня вспомнил, что в книжках двойную дозу виски употребляли, как правило, только положительные герои. Это считалось особым шиком. Правда, потом эти же главные герои больше всех стреляли, били и крушили все и вся вокруг. Что же касается огромного количества негодяев, отправленных героями на тот свет, то, судя по всему, лицензию на их отстрел им выдал либо сумасшедший шериф, либо не менее пьяный, чем герои, судья.

Леня вернулся к столу и смело опрокинул горлышко бутылки в стакан. Коньяк хлынул через край 200-ти граммового сосуда. На столе образовалась небольшая лужица. Леня тихо ругнулся. Наклонившись к столу, он выпил сначала лужицу, а потом и стакан. Снова захрустело яблоко.

Через полчаса Лене снова стало скучно, потому что ему надоело думать о даче. Перестройкой дворца, перепланировкой участка и увеличением количества бассейнов можно было заниматься бесконечно долго. Отнюдь не женское Ленино терпение, в конце концов, иссякло. Он вздохнул и осмотрелся по сторонам. Если детективы и супермены употребляли свое виски в баре, то Ленья, в силу ряда причин, был начисто лишен человеческого, а точнее говоря, мужского общения.

Ленья нашарил на стуле свои брюки и свитер. Надевая брюки, Ленья неожиданно завалился на бок. Он тихо и счастливо рассмеялся и по-заговорщески подмигнул зеркалу. Перед тем, как выйти из комнаты Ленья вернулся к столу и допил остатки коньяка. Его прогулка обещала быть не только увлекательной, но и довольно долгой. Душа Лени жаждала приключений.

Занятая стиркой жена не заметила мужа. Ленья тихо прокрался вдоль стены и выскользнул наружу.

На улице Лене сразу повезло. Там бродил высокий мужчина в кожаной куртке и внимательно осматривал палисадники. Ленья запросто протянул незнакомцу сигарету, хотя тот и не думал просить закурить.

– Да уж... – смело сказал Ленья заплетающимся языком. – Погода сплошная дрянь сегодня.

Говорить о погоде незнакомец не захотел. Не захотел он выслушать и о только что проведенном, дерзком эксперименте со спиртным. Ленья уже было собрался обидеться и

сказать незнакомцу что-либо ехидное, как вдруг тот спросил:

– Слушай, парень, ты тут черной кошки не видел?

– Кого? – удивился Леня.

– Черной кошки. Она у меня из дома сбежала, – пояснил незнакомец. – Теперь вся семья рыдает. Говорят, иди, ищи, где хочешь.

От незнакомца приятно пахло копченой рыбой. Его улыбочивый, внимательный и не напряженный взгляд понравился Лене. Он вдруг почувствовал невольное уважение к незнакомцу.

– А-а-а, семья! Семьи, брат... Они все такие... – Леня снова подобрел. Ему захотелось сделать для незнакомца что-то очень хорошее.

Но что именно он мог бы сделать, Леня не знал. Поэтому решил он утешить незнакомца, приведя несколько примеров из собственной жизни.

– У меня вот, например, жена... – начал было Леня.

– Ты, все-таки кошку видел или нет? – перебил незнакомец.

– Видел, – припомнил Леня. – У наших соседей кошка есть.

– Черная?

– Как смола. Только она уже три года здесь живет.

– Ладно, – согласился незнакомец. – Мне хоть какую-нибудь, только черную.

Леня глубокомысленно кивнул и огляделся по сторонам.
– Кис-кис-кис! – громко позвал он.

От забора отделился кусочек черной тени. Но сделав несколько шагов по направлению к Лене, кошка решила, что этого пока вполне достаточно. Она села.

– Она? – тихо спросил Витька.

– Та самая! – Леня почувствовал азарт охоты и выбросил окурочек. – Ты заходи слева, а я с тыла...

Кошка сидела всего в двух шагах от забора. Витька подумал о том, что зайти к ней в тыл, пожалуй, не удастся. Он посоветовал Лене заходить справа. Леня легко согласился, но тут же перепутал где право, а где лево и пошел следом за Витькой.

Кошку смутил чересчур такой хитроумный маневр. Она почесала задней лапой за ухом. Если бы не манящий запах копченой рыбы исходящий от незнакомца в кожаной куртке, кошка со спокойной совестью пошла пить из блюдечка прокисшее молоко.

Витька оглянулся. Закусив нижнюю губу, Леня по-прежнему шел следом за ним. В его широко распахнутых глазах горел первобытный, охотничий азарт. Витька остановился. Леня прошел мимо, не обратив на него ни малейшего внимания.

Операция была на грани срыва, как вдруг, забыв обо всем на свете, Леня издал воинственный клич и бросился вперед. Кошка не спеша повернулась и прыгнула на забор. Именно

это естественное действие и оказалось роковой ошибкой. Ленья даже не подумал остановиться и обрушился на забор всей тяжестью своего тела. Забор закрипел и охотно рухнул. Это здорово помогло Витьке. Пробежав мимо распластавшегося на скользких досках Лени, он успел схватить растерявшуюся от неожиданности кошку. Дело было сделано.

Держа за шиворот рычащее от негодования животное, Витька помог Лене встать. Сразу же выяснилось, что левая нога менее удачливого охотника застряла в заборе между досок. Витька спрятал кошку в большую хозяйственную сумку и вплотную занялся Леньей.

Освобождение попавшей в капкан ступни и восстановление забора в его прежнем, вертикальном положении, заняло у Витьки довольно много времени. Значительно больше, чем ловля кошки. Но проходивший мимо рок решил немного задержаться и до конца насладиться видом всех несчастий, которые одно за другим, как из мешка, продолжали сыпаться на голову Лени. Восстановленный забор пал на его спину в самый неожиданный момент. Ленья крикнул и сделал несколько натужных шагов вперед, примерно таких же, какие делает боец, выносящий с поля боя раненого товарища. Последний шаг оказался явно лишним – сделав его, Лене удалось плотно втиснуть свою ногу в пустое, мусорное ведро.

По-прежнему занятая стиркой Ира замерла и прислушалась. С улицы доносился какой-то странный шум.

– Ленья, посмотри что там! – окликнула она мужа.

Муж молчал.

– Леня!..

Муж упорно молчал.

«Спит, что ли?» – подумала женщина.

Она подошла к двери ведущей в зал и приложила к ней ухо. В комнате было тихо.

«Спит, – решила Ира. – Ну, и пусть спит.хлопот меньше».

Десять дней назад Леня дал своей жене честное слово не прикасаться к спиртному. Женщина настолько искренне обрадовалась решению супруга, что стала воспринимать его ежедневный, двенадцатичасовой сон как истинное благо.

Ира вытерла руки, набросила на плечи куртку и вышла из дома. Картина, представшая перед ней на улице, была настолько неожиданна, что у бедной женщины ослабли ноги. Ее пьяный муж лежал под забором не в переносном, а в самом прямом смысле. Одна нога супруга, обутая в мусорное ведро, судорожно елозила по асфальту. Вокруг никого не было.

Тихо стоная, женщина подошла поближе.

Леня приподнял голову и бодро улыбнулся.

– Слышь, Ирк!.. Скажи мужику, что бы забор поднял.

– Какому мужику?

– Ну, этому... С кошкой.

Ира еще раз осмотрелась вокруг и горько вздохнула. Потом она нагнулась и с трудом приподняла тяжелый забор. Ле-

ня встал на корячки. Едва двинувшись вперед, он угодил головой между ног жены. Ира взвизгнула и выронила тяжелую ношу. Леня сдавлено хрюкнул.

Только через мучительно долгие полчаса уставшей женщине наконец-то удалось дотащить своего до невменяемости пьяного супруга до любимого дивана...

...Утром Леня проснулся в довольно расслабленном состоянии. Голова раскалывалась от боли, а в груди горел синий, неугасимый огонь похмелья. Леня закрыл лицо руками и тихо застонал. Что приключилось с ним позже семи часов вечера, он помнил весьма смутно: какой-то случайный прохожий, соседская кошка, поваленный забор... Обрывки вчерашних пьяных мыслей, мечтаний и разговоров вихрем проносились в пустой голове Лени и не вызывали ничего, кроме чувства стыда и досады.

Леня вслепую нашарил на тумбочке кружку с водой, оставленную там предусмотрительной Ирой еще с вечера. Он с жадностью выпил ее до дна. Стало чуть легче.

Леня с ненавистью посмотрел на стоящую там же, на тумбочке, бутылку. Неуверенность в том, что он смог выпить ее вчера всю, до победного конца, заставила Леню взять бутылку в руки... Бутылка была вызывающе пуста. Леня поморщился и уже хотел было поставить ее на место, как вдруг заметил на этикетке яркую надпись сделанную фломастером. Писала, видимо, жена. Леня поднес бутылку поближе к глазам. Надпись гласила: «Это твое одно виски, идиот!!!»

Леня долго, с недоумением, рассматривал этикетку, потом поставил бутылку на место. Он лег и уткнулся носом в мягкое и теплое плечо жены. Что ему делать – смеяться или плакать, он не знал...

Глава девятая

– Петрович, ты что-нибудь понимаешь в бизнесе?

– Нет, а что?

– Логичнее было бы спросить, а кто соображает. Все дело в том, что я занимаюсь кустарщиной. Вчера, за десять часов рабского труда мной было похищено всего две кошки. Точнее одна кошка и старый кот. Никогда бы не подумал, но черные кошки с зелеными глазами встречаются в городе так же редко, как и грибы в засуху, – Витька мерил шагами пространство кухни и кусал губы. – У нас, в деревне, есть один завмаг... Кстати, довольно милая женщина. Так вот, она любит говорить, что ради дела готова лечь в постель с любым. Завмаг так часто повторяет эту фразу, что поневоле задумаешься, а только ли ради дела она готова на такую жертву?

Петрович заерзал на стуле.

– Витьк, ты не забывай, к тебе жена приехала. Мне еще тут, в городе, ваших драк не хватало.

Витька отмахнулся.

– Это я так, дядь Коль, просто вслух рассуждаю. Понимаешь, по моим подсчетам в городе живут примерно двести штук черных кошек и котов с зелеными глазами. А я никак не могу до них добраться. Дело стоит как сиротка на обочине. Что мы будем предъявлять будущим покупателям? –

Витька почесал затылок. – Правда, я дал объявление в газету о покупке черного кота...

– Мы же продавать собирались, – удивился старик.

– Нечего пока продавать, – Витька показал пустые ладони. – Твои личные «чернышы» пока не в счет. Но объявление может подарить нам максимум пару-тройку адресов. Так что газетный вопль души можно считать всего лишь скрытой рекламой. Наличием спроса, так сказать.

– А платить-то мы чем будем?

– Ерунда! Кто запросит за обычного кота крупную сумму без наличия ажиотажного спроса? В крайнем случае, его можно будет обменять на кроличью шкурку.

– Прямо как чукчи какие-то... – вздохнул старик.

Витькины суетливые рассуждения казались ему пустыми и непонятными.

– О чем думаешь? – окликнул Петровича Витька.

Старик неохотно оторвал взгляд от окна, посмотрел на племянника и ничего не ответил.

– М-да... – озабоченные глаза племянника потеплели. – Всю жизнь, дядь Коль, ты любил часы с кукушкой и, видно, к другим часам тебя уже не приучишь. Хотя, ладно, прорвемся. Ты отнеси вчерашних моих кошек в диспетчерскую, а я пойду.

– Куда?

– Буду притворять в жизнь самые пустяковые идеи. Может быть повезет.

– Я это... – старик наморщил лоб, припоминая чудное имя, недавно данное Витькой кошке. – Багиру дома оставлю. Стара она для наших дел.

– Ладно, только остальных запри хорошенько.

– И еще, Витьк, – остановил племянника старик. – Ленка все допытывается, чем мы с тобой занимаемся.

– Пока молчи.

– Молчу, – согласился Петрович. – И от того молчу, что сам ничего не понимаю.

Витька накинул куртку и быстро вышел...

Здание областной ветеринарной лечебницы, еще не успевшее угодить в частнособственнические руки, было очень старым. Какой-нибудь случайный гражданин внимательно присмотревшись к стене, выложенной из красного кирпича, не нашел бы там ни одного целого, все кирпичи были либо треснувшими, либо с обкрошившимися углами, либо вместо кирпича зияла цементная ячейка с чем-то бурым и рыхлым внутри. Рядом с одним из белесых окон лежала на земле форточка. В ней, как в ванночке, уже успела собраться вода и несколько желтых листьев. У двери сидела грустная овчарка с перевязанным ухом.

– Вы ее не бойтесь, – сказала Витьке женщина в желтом, дворническом фартуке. – Она хозяина ждет.

– Давно ждет? – спросил Витька.

– Уже три дня...

В коридоре ветлечебницы было холоднее, чем на улице. В застекленной конторке сидела девушка в мохнатом свитере. Она грела руки о стакан с чаем. Обветшавшая обстановка времен сталинских репрессий пахла йодом.

Витька поклонился прорезанному в стекле окошечку и открыл было рот. Возле стула девушки сидел тигренок ростом с крупную дворнягу. Витька закрыл рот. Тигренок глупо моргал глазами и смотрел на стакан с дымящимся чаем.

«Вообще-то, в таком заведении ко всему быстро привыкнешь», – решил Витька и вслух сказал:

– Здравствуйте, девушка. Мне нужен самый главный кошачий специалист.

Девушка с наслаждением отхлебнула чай.

– У вас животное с собой? – безразлично спросила она.

Тигренок облизнулся.

– Нет. Я просто хотел проконсультироваться.

– Бесплатно, что ли? – с тихим презрением спросила девушка.

Ее чай пах субтропиками, а в глазах отсвечивались золотые пески райских островов. Девушка мечтала о красивой жизни под пальмами и финансово обеспеченном муже с лицом щедрого супермена.

«Наверное, и тигра, поэтому рядом с собой посадила, – решил Витька. – Привыкает. Ох, уж эти мне бесприданницы!.. Совсем офанарела девка в этом обшарпанном холодильнике».

Он полез в карман.

– Сколько с меня?

– Пятнадцать рублей. Кабинет номер восемь, – девушка выбросила на прилавок талончик и брезгливо сгребла мелочь. – Кстати, скажите там кому-нибудь, что бы форточку закрыли. Дует.

Витька пообещал.

В кабинете номер восемь стоял на коленях молодой человек в белом халате и заглядывал в узкую щель под шкафом. В руке он держал длинную линейку.

– Не выходит, негодник такой, хоть убей! – виновато улыбувшись Витьке, сказал он.

– Помочь? – предложил Витька.

Он присел рядом и мельком заглянул под шкаф. В углах широкого и низкого пространства пряталась темнота, а на полу лежал не тронутый слой пыли.

«Значит не змеюка какая-нибудь тут спряталась... – решил Витька. – Мышонок, наверное».

У ветеринара было доброе, мягкое лицо интеллигента в третьем поколении. Холодный внутренний голос нарождающегося бизнесмена-монополиста подсказал Витьке, что люди с такими лицами легко становятся добычей беспринципных дельцов. Витька мысленно стукнул кулаком по тому месту, откуда раздавался голос. Голос немного поворчал и исчез.

– Помогите, если вам не трудно, – ветеринар снова сму-

щено улыбнулся. – Там, на столе стоит большой стеклянный колпак. Я его сейчас выгоню линейкой, – рука в белом халате показала под шкаф. – А вы накроете.

Витька снисходительно улыбнулся. Стеклянный колпак!.. Врачебная мания стерильности показалась ему довольно наивной.

Ветеринар принялся энергично шуровать линейкой под шкафом. Витька взял стеклянный колпак и присел рядом на корточки.

Неожиданно из-под шкафа выскочил огромный, величистой с кулак, паук. Не раздумывая, он стремительно бросился на Витьку. Стеклянный колпак вывалился из внезапно ослабевших рук будущего монополиста. Больше всего на свете Витька боялся именно пауков. Даже сравнительно небольшие создания вызывали у него крупную, лошадиную дрожь.

Витька взревел нечеловеческим голосом и бросился к двери. Дверь оказалось закрытой. Выделывая ногами немыслимые фигуры, словно угодивший на сковородку петух, Витька вскочил на стул. Рядом, на столе, уже стоял ветеринар.

– Боже мой! – сказал врач. – Я даже представить себе не мог, что он такой здоровый!

Паук подошел к стулу и задумчиво перебирая лапками, ощупал одну из ножек. Витька издал еще один вопль и пообезьянни перепрыгнул на стол, едва не столкнув при этом с него ветеринара. Оба мужчины глубоко и взволнованно ды-

шали.

Дверь приоткрылась. В щель просунулось конопатое и хитрое девичье личико.

– Поймали, Владимир Иванович? – спросило личико.

Владимир Иванович поправил очки и на всякий случай прижался поближе к Витьке. Девушка вошла в кабинет и склонилась над пауком.

– Ах, ты моя лапочка пушистая! – преувеличенно ласково запричитала она. – Ах, ты моя красатуля! Проголодался, наверное? Ничего, сейчас мы с тобой кушать пойдем.

Девушка подставила пауку раскрытую ладошку. Лохматый гигант неторопливо влез на нее, обнял передними лапками большой палец и посмотрел в сторону стола. Витька чуть не заржал от ужаса.

Девушка подошла поближе к столу.

– Правда миленький, да? – игриво спросила она, протягивая ладошку. – Вы знаете, а он очень хорошо прыгает. Хотите, покажу?

Витька вырвал у ветеринара линейку и замахнулся ей на любительницу экзотической живности.

– Уйди! – рявкнул он – Уйди, а то убью!

Девушка прыснула от смеха и выскочила из кабинета.

Целую минуту мужчины приходили в себя. Витька то и дело вытирал и с лица холодную испарину. Прежде, чем сойти со стола мужчины тщательно осмотрел пол.

– Вы давно работаете в этом зоопарке? – спросил Витька

ветеринара.

– Неделю, – признался Владимир Иванович.

– Понятно, – кивнул Витька. – Вас разыграли, как новобранца. Но при чем здесь я?!

Ветеринар взял протянутую Витькой сигарету. Мужчины закурили. Пауза была недолгой. Витька взглянул на врача.

– Меня Виктором зовут, – представился он.

– А меня Владимиром Ивановичем... Володей.

– Слушай, Вовка, а почему ты в ветеринары пошел, если пауков боишься?

– Я не ветеринар, – буркнул врач.

– А кто же?

– Гинеколог.

– Как же ты в этой лечебнице для кошек оказался?

– Я женился...

– И что из этого следует?

Володя скомкал сигарету и швырнул ее в угол. Его доброе лицо вдруг стало по-мальчишески злым.

– Вы все ничего не понимаете! – словно продолжая давнишний спор, вдруг закричал он. – Гинекология – прежде всего наука. Наука помогать людям! В ней нет ни грамма той пошлости, о которой все думают! Понимаете?!.. А я был очень хорошим врачом и этого не может знать только последняя идиотка!

– Нет, как раз я все понимаю, – согласился Витька. – Жена ревнует.

Ветеринар скис. Он безнадежно махнул рукой и замолчал.

Общие приключения и опасности, какими бы смешными они не казались, сближают людей. Позолоченная вежливость с ближним уместна только до поры.

Витька положил на плечо ветеринара тяжелую руку.

– Слушай, поможем друг другу, а? – спросил он.

– Как? – искренне удивился Владимир Иванович.

– Просто. Ты мне поможешь в решении моих проблем, а я тебе – твоих.

До последнего дня, в силу своей врожденной интеллигентности, Владимир Иванович предпочитал страдать молча. Ему было стыдно просить совета не только у своих друзей, но и у родителей. А страдал Владимир Иванович очень сильно. Доказывая свою правоту жене, он мог кричать на нее, топтать ногами и даже бить посуду. Но всегда, в конечном итоге, он уступал молодой женщине, потому что придерживался стародворянского мнения о том, что женщина это, прежде всего, непостижимая загадка. Чудовищная смесь состоящая из большого и чистого чувства, приличного воспитания, горячего темперамента и наивной веры в силу любви, сделала семейную жизнь Владимира Ивановича просто невыносимой. Но что хуже всего, на следующий день после скандала Владимир Иванович всегда просил прощения. С каждым разом юная женщина прощала мужа все менее охотно и менее тепло. А вчера жена простила Владимира Ивановича настолько холодно и формально, что он не выдержал и

закатил очередную истерику.

Бывший гинеколог задумался. Предложение случайного посетителя показалось ему и неприличным и привлекательным одновременно. После продолжительной борьбы болезненный интерес одержал верх.

– Хорошо, я согласен, – убито согласился Владимир Иванович.

Он прикурил вторую сигарету и рассказал Витьке все о своей нелегкой жизни.

Витька слушал молча, изредка сочувственно кивая головой.

– Ну вот, пожалуй, и все, – Владимир Иванович с надеждой посмотрел на Витьку и попытался улыбнуться. – Какой диагноз вы поставите?

– Ну, что ж... Начнем с того, Вовка, что ты дурак. Полный дурак.

Бывший гинеколог молча согласился. В противном случае ему было просто не за чем выслушивать советы постороннего человека.

– ...А как и все дураки, ты усложняешь проблему, – продолжил Витька. – Запомни, с женщиной нужно драться. И чем чаще, тем лучше.

– А я что делаю?! – снова удивился бывший гинеколог.

– Не так, как ты, – Витька потер наморщенный лоб. – Как бы тебе все попроще объяснить? Ну, что бы ты понял...

– Мне попроще не надо, – сказал ветеринар. – Я умный,

я и так все пойму.

– Был бы ты умный, работал врачом, а не пауков тут ловил, – снисходительно улыбнулся Витька. – Теперь слушай меня внимательно и ничему не удивляйся. Это будет обычный сеанс шоковой терапии.

– Какой-какой терапии?! – все-таки удивился ветеринар.

– Шоковой. Ничем иным, такого как ты интеллигента, не прошибешь.

На лице Владимира Ивановича появилось заинтересованное выражение. Еще никто и никогда не пытался помочь ему таким экзотическим способом. Кроме государства, разумеется. Но государство только обшаривало карманы и, облегчая их, даже и не пыталось облегчить личную жизнь своих граждан.

Витька сосредоточился. Тема взаимоотношений мужчины и женщины была одной из его самых любимых. Будущий монополист закрыл глаза. Перед его мысленным взором тут же предстало лицо Лены. Женщина усмехалась и корчила высокомерные рожицы. Витька сердито засопел. Шаманская сосредоточенность обещала сделать его «сеанс терапии» похожей на речь прокурора уже в конец ошалевшего от сугубо личной неприязни к подсудимому. Но, как это часто случается, именно крайняя необъективность позволила будущему монополисту заглянуть в самую глубину вселенского вопроса о любви.

Витька вышел в центр комнаты. После небольшой, траги-

ческой паузы он воздел руки к потолку и по-театральному ломким и до удивления противным голосом запричитал:

– Ах, любовь!.. Любовь! О, этот великий подарок бездарному человечеству!.. Ты спасешь нас, любовь, ты воскрешаешь нас, любовь!.. Любовь!.. Ты всегда права, ты права даже сейчас, потому что вот этот тупица, – Витькин палец ткнул в сторону Владимира Ивановича. – Готов и дальше ползать перед тобой на брюхе и целовать твои драгоценные пятки, о любовь!..

Бывший гинеколог содрогнулся от ужаса. Ему еще никогда в жизни не приходилось выслушивать столь циничного издевательства над святым чувством, божественное происхождение которого не смели оспаривать даже самые мрачные гении человечества.

Между тем Витька продолжал бесчинствовать.

– Что может быть прекраснее любви? – крикливо вопрошал он потолок. – Ничто!.. Какое чувство может быть выше и сильнее любви, Господи? Что?.. Нет, Господи, я говорю не об импотентах, пьяницах и старых, жадных банкирах. Я имею в виду еще молодых, мало износившихся идиотов в белых халатах... Совершенно правильно, Господи, прекраснее любви нет ничего на этом свете! Но вся беда некоторых из нас состоит в том, что они очень любят сладкое.

Витька замер, посмотрел на ветеринара и строго спросил:

– Ну, что-нибудь понял?

– Нет, – честно признался ошарашенный ветеринар.

– А действует на тебя?

– Еще как!..

– Хорошо. Повторяю еще раз для бестолковых, – Витька снова воздел руки к потолку. – Ах, кайф!.. Кайф! О, этот великий подарок бездарному человечеству! Ты спасаешь нас, кайф, ты воскрешаешь нас, кайф!.. Кайф!.. Кайф, ты всегда прав и прав даже сейчас, потому что этот тупица, – палец Витьки снова ткнул в сторону ветеринара, – готов и сейчас ползать перед тобой на брюхе и целовать твои драгоценные пятки, о кайф! Что может быть прекраснее кайфа?.. Ничто. Господи, какой балдеж может нам заменить кайф?..

Владимир Иванович слабо улыбнулся.

– Я понял, но...

– Ни хрена ты не понял, – оборвал ветеринара Витька. Он подошел к столу и положил перед ним чистый лист бумаги. – Нарисуй мне картину.

– Что-что?!..

– Картину. Только талантливую. Ну, например, что-нибудь покруче «Гибели Помпеи» или «Мадонны с младенцем».

– Я не сумею, – честно признался ветеринар.

– Почему?

– Потому что у меня нет таланта.

– Понятно. Но талант любить свою взбалмошную и веселую женушку у тебя все-таки есть?

Владимир Иванович промолчал. Пауза получилась до-

вольно длинной.

Виноватая улыбка ветеринара стала еще и чуть кислой.

– Ты хочешь сказать, что любовь и этот... Ну... В общем, кайф разные вещи?

– Суть даже не в этом!.. Ты заметил, насколько глупо и бездарно я тебе все объяснял? А теперь попробуй сейчас взглянуть на нас со стороны: два великовозрастных мужика стоят и говорят о любви... Это примерно тоже самое, что обрисовывать на стене контур веселого солнечного зайчика. Сначала его обожу я, а потом ты... Солнечный зайчик скользит дальше, а на обоях появляется все больше кружков. Нет, конечно, я отлично понимаю, что говорить о любви – это обожаемое хобби нашей интеллигенции, но... – Витька щелкнул пальцами. – Стоит ли при этом терять радостное ощущение жизни? Хотя, конечно, с другой стороны, очень трудно увидеть улыбку на лице ученого интеллигента препарирующего лягушку. В этом типе нет лукавой и веселой радости жизни, понимаешь? Иногда глупой радости, иногда беспричинной, а иногда и просто драчливой... Но именно она и дает смысл жизни.

– Всегда?

Витька загадочно промолчал.

Владимир Иванович задумался. Философский по своему содержанию совет случайного посетителя был вообще-то не плох. Хотя бы потому, что заключал в себе изрядную порцию жизнерадостного цинизма. Но, с другой стороны, начать

перестройку своих отношений с любимой женщиной зная, что она в любой момент может хлопнуть дверью, было крайне не простым делом.

– Поздно! – дрогнувшим голосом сказал Владимир Иванович.

Витька не спеша закурил.

– Кстати, моя жена тоже разводиться собирается.

В грустных глазах ветеринара появилась надежда.

– А ты что?

Владимир Иванович даже не поинтересовался как относится Витька к своей супруге. Он находился самом отчаянном положении и искренне полагал, что все мужья обожают своих жен. По крайней мере, в данный момент.

– Я?.. – Витька задумчиво смотрел на колечки дыма. – Слушай, давай немного прервемся. Сейчас мы займемся моими проблемами.

– А потом вернемся к моим? – жадно спросил Владимир Иванович.

– Конечно.

Ветеринар легко согласился. Чужие проблемы в сравнении с собственными, казались ему сущим пустяком.

Прежде, чем приступить к существу вопроса Витька предупредил:

– Вовка, только ты не удивляйся. Хорошо?

– Это будет трудно, но попробую, – улыбнулся ветеринар. – Вы умный, но очень добрый человек. Сегодня эти два

качества очень редко сочетаются в людях. Впрочем, ладно!..
Спрашивай, Витя.

– Видишь ли, в чем дело... – Витька провел пальцем по лакированной поверхности стола. Палец замер, а потом выписал замысловатую кривую. – Мне нужно осмотреть всех городских кошек.

– Всех, конечно, тебе вряд ли удастся, но... – быстро заговорил Владимир Иванович. Тут до него дошел смысл проблемы. Он быстро заморгал округлившимися от удивления глазами. – Слушай, а зачем это тебе?!

– Бизнес.

– Ты что их продавать собрался? Изучаешь конъюнктуру рынка?

– Что-то в этом роде.

Целую минуту Владимир Иванович молча смотрел в окно.

– Дай честное слово, что не будешь шить из кошек шапки, – наконец строго сказал он. – И вообще заниматься любой гадостью.

Витька охотно перекрестился.

– Честное слово! Какой, к шутам, из меня живодер?

– Не скажи, – Владимир Иванович задумчиво почесал кончик носа. – Что-то такое в тебе все-таки определенно есть... Теперь о деле. От тебя пахнет копченой рыбой. Ты уже пытался ловить кошек?

– Это было довольно жалкое зрелище.

Владимир Иванович снова улыбнулся и поймал себя на

мысли, что учить умного человека все-таки приятно. Он вынул из папки чистый, рецептурный бланк и что-то быстро на нем написал.

– Можешь купить это в любой аптеке, – пояснил он, протягивая рецепт. – Смешаешь все компоненты в равной пропорции. На получившийся запах сбегутся коты и кошки со всего района.

– А что за дьявольская смесь?

– Валерьянка и еще кой-какие компоненты, скажем так, связанные с инстинктом продолжения рода. Копченую рыбу тоже можешь продолжать использовать. Это не помешает.

Владимир Иванович многозначительно замолчал. В отличие от всех остальных граждан России ему понравилось принимать сеансы шоковой терапии. Витька понимающе кивнул и посмотрел на телефон.

– Позвонить можно?

– Хоть в Париж! – бездумно выпалил врач.

Холодный внутренний голос нарождающегося монополиста ожил. Он снова подсказал Витьке, что рано или поздно бывший гинеколог станет жертвой беспринципных жуликов.

– Так далеко нам не потребуется, – пояснил Витька. – И, кроме того, это очень дорого.

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер.

– Алло! Лешка, это ты? Привет. Слушай, там моя малахольная у Петровича скучает... Кто, кто! Жена, конечно!

Владимир Иванович учащенно заморгал глазами.

– У меня просьба, – продолжал между тем Витька. – Забеги к ней, и скажи, что, мол, Витьке с сердцем плохо стало. Пусть срочно приезжает... Областная ветлечебница, кабинет номер восемь. Ага... Жду.

Витька положил трубку, посмотрел на врача и спросил:

– Ну, я пошел?

– Куда пошел?... – удивился врач.

– По делам. Но скоро сюда приедет моя женушка. Ты угостишь ее чаем, а потом постарайся успокоить. Ленка расскажет тебе о том, какой я плохой человек. Понимаешь в чем дело, сколько бы я не учил тебя уму-разуму, ты все равно ничего не поймешь. Попробуй выслушать тоже самое, только от умной женщины.

На лице ветеринара появилось осмысленное выражение.

Витька откланялся.

– Извини, Вова, дела! И не переживай по поводу предстоящей встречи. Моя женушка может понять и простить любого человека, кроме одного...

– Тебя, да? – слабо улыбнулся врач.

– А кого же еще?!

– Большая просьба, – попросил напоследок Владимир Иванович. – Попроси там кого-нибудь закрыть форточку. В коридоре ужасно дует.

Витька пообещал.

На улице, рядом с бездомной овчаркой, сидел тигренок и играл лапами с ее хвостом. Собака не обращала внимания на

гигантскую кошку. Она смотрела тусклыми глазами на спешащих мимо людей.

Витька поставил форточку на место и пристукнул ее кулаком. Потом он обыскал свои карманы. Там осталось только десять рублей.

«Дал Бог женушку!— со вздохом подумал Витька. — Такой хитрюге только на таможне работать. В отделе личного досмотра...»

Хлопнула входная дверь. Витька оглянулся. Возле тигренка суетилась девушка-регистратор.

— Пятнадцать тысяч долларов! — возбужденно бормотала она — Солнышко мое полосатое, пошли домой, а? Я тебе еще одну котлетку дам...

«Пятнадцать тысяч долларов» продолжали заигрывать с хвостом овчарки и не обращали никакого внимания на взволнованную девушку. Та очень быстро потеряла терпение.

— Господи, да когда же только тебя заберут?! — закричала девушка — Третий день без обеда сижу! Пусть подавится твой хозяин этими десятью баксами. А ну пошел на место, сволочь камышовая!!

Почив увесистую затрещину «сволочь камышовая» послушно метнулся в открытую дверь.

Витька присел возле овчарки.

— Ну что, все ждешь? — спросил он.

Овчарка слабо шевельнула хвостом. В ее тоскливых гла-

зах появился проблеск надежды.

– Пожалуйста, возьмите собачку, – попросила женщина в желтом фартуке. – Я бы ее и сама взяла, но у нас в двухкомнатной квартире пять человек живут.

– Придется, тем более что пятнадцать тысяч баксов она не стоит, – Витька взял овчарку за ошейник. – Ну, пошли, погорелец?

Витька вернулся домой только вечером в прекрасном расположении духа. От него пахло пивом и парикмахерской. С самым безразличным видом Лена заглянула в полиэтиленовый пакет мужа. Там лежала бутылка водки, блок дорогих сигарет и головка сыра. О том, сколько у Витьки было денег перед уходом, Лена знала лучше него самого.

– Киоск обворовал? – с неприязнью спросила женщина.

– Нет, овчарку продал, – улыбаясь, пояснил Витька. – На птичьем рынке какому-то типу пастушеского вида.

– Какую овчарку?!

– Как, это какую? Хорошую. Ты что не знаешь, что я еще ни разу в жизни не торговал плохими овчарками? – Витька взял пакет из рук жены и поцеловал ее в щеку. – Сыр я тебе купил. Я знаю, ты его любишь.

– Я была в ветеринарной лечебнице, – глухо сказала Лена – В кабинете номер восемь.

– Так. И кого же ты там увидела?

– Врача. Он сидел за столом и рисовал.

– Интересно что?

– Кажется, портрет Мадонны с младенцем... Врач угостил меня чаем, мы немного поговорили о тебе и я поехала домой.

Лена стала надвигаться на мужа. Витька попятился и на всякий случай поднял руку к лицу.

– Солнышко, – быстро заговорил Витька. – Все дело в том, что я очень спешил. У меня масса дел да и вообще... Извини, что так получилось.

Выражение лица Лены не предвещало ничего хорошего.

– Витя, ты подонок, – твердо сказала Лена. – Наглый, отвратительный подонок. Хуже обезьяны.

Женщина отвернулась и вышла из комнаты. Витька пожал плечами и поставил на стол чистый стакан. Потом заглянул в полиэтиленовую сумку.

Бутылки водки и головки сыра там уже не было...

Глава десятая

Утром, не предупредив никого, Витька уехал в деревню. На столе лежала короткая записка: «Буду вечером. Нужна машина. Целую всех, кроме Ленки. Я.»

Лена лениво ковырялась вилкой в яичнице и молчала. Ее настроение было просто отвратительным. Петрович несколько раз пытался заговорить с молодой женщиной о погоде, но та только вздыхала в ответ.

– Да что с тобой?! – повысил голос старик. – Случилось, что ли, что?

– Случилось, – Лена кивнула – Только давно.

– Ну-у? – притворно удивился Петрович. – Тогда давай рассказывай. Люблю про старину слушать.

Рассказ Лены о том, как подлец Витька влюбил в себя наивную и прекрасную принцессу или «Будь моим волшебником».

– Таких отвратительных типов, дядь Коль, как мой муж еще поискать нужно, – начала свой рассказ Лена. – Ведь он только с виду мужиком кажется, а внутри у него одна запутанная философия. Правда, кое-кому это даже нравится. Вчера вот, например, меня врач в ветеринарной лечебнице

все чаем угощал и о Витьке расспрашивать пытался. Как, мол, вы с ним живете и что он за человек такой, ваш супруг? Я, конечно, ветеринару, всю правду о Витьке выложила. А потом вдруг смотрю, у него от восхищения глазенки чуть на лоб не полезли, – Лена в сердцах стукнула ладошкой по столу. – Эх, не разобралась я вовремя в Витьке!.. Хотя, с другой стороны, меня вроде бы и винить себя не в чем. Для того, что бы такого проходимца, как Витька разоблачить лет пять нужно, не меньше. Хитрый он, как змей. Знаешь, дядь Коль, где мы с ним познакомились? В городе, я тогда тут у вас, в техникуме училась. Сначала, конечно, наше знакомство с Витькой чисто формальным было: здравствуй, как поживаешь, вот и весь разговор. Мне тогда совсем другой парень нравился. Не то что бы любовь у меня с тем парнем была, а все-таки что-то около этого. Молодые девчонки они ведь глупые. То смеются, то плачут и каждый день для них так ясно начинается, что... Ну, в общем, любой пустяк чем-то огромным по неволе показаться может. От ощущения счастья жизни, что ли?.. Хотя, я вот думаю...

– Ты сама-то поменьше философствуй, – заметил Петрович. – Лучше дальше про подлеца-Витьку рассказывай.

Лена смущенно пробормотала себе под нос: «С кем поведешься, черт бы его побрал, от того и наберешься!» и продолжила:

– Ну и вот, значит... Как-то не заладилось у меня с моим ухажером. Ссориться мы с ним стали по каждому пустяку.

Дело прошлое и нечего тут греха таить, кое-какие претензии у него ко мне появились. В том смысле, что нет, мол, больше моего мужского терпения вокруг и около самого главного в любви ходить.

Сижу я как-то раз вечером на скамейке, возле общежития, и реву как последняя дура. Вдруг смотрю, Витька идет. «Что плачешь, Принцесса?» – спрашивает. Я молчу. Витька рядом сел. Потом говорит: «Ладно, мне спешить не куда. Так что давай, исповедуйся, Принцесса, в своих проблемах». Спешить Витьке действительно не куда было. Он тогда в гараже, возле нашего техникума работал...

– Да я знаю, – сказал Петрович. – Ты что не помнишь, что он тогда у меня жил?

Лена удивленно посмотрела на старика.

– А ведь верно, дядь Коль, как же я забыла? Словно сто лет назад все было.

– Ты дальше рассказывай. Может, повеселеешь.

– Ну и вот... Я тогда Витьку, конечно, прогнать хотела, только не ушел он никуда. И, честное слово, мне даже легче стало. Он ведь веселый... Поболтали мы с Витькой немного и никуда в тот вечер я не пошла...

– А куда ж ты идти хотела?

– На ночевку в другое место, – улыбнулась Лена. – Но, наверное, даже если бы и не Витька, все равно я никуда не пошла. Не судьба, что ли?.. После того вечера стал мне Витька чаще на глаза попадаться и каждый раз как будто случай-

но. То в буфете его встречу, то на улице... Улыбнется мне Витька при встрече, подмигнет и спрашивает: «Ну как дела, Принцесса? Плакать еще не разучилась?» Одним словом, очень подлую стратегию он тогда выбрал...

– Да почему подлую-то?! – обиделся за племянника Петрович.

– Потому что хитрую. Со временем стали наши с Витькой свидания на скамейке, возле общежития, почти регулярными. Я, как всегда бывало, сижу и переживаю... А Витька подойдет, сядет рядом и не то что бы мешает мне своим горем любоваться, а просто... Ну, отвлекает, что ли? Легко мне всегда с Витькой было. Просто и легко... Свободно, что ли? Не было дня, что бы ко мне какой-нибудь парень не подходил. Пошли, мол, погуляем, девушка. Только гнать их успевай. Но Витька тогда мне совсем другим мне казался... Почему, сама не знаю. Может быть, потому что на сердце камнем не ложился? Одним словом, дура я тогда была, дядь Коль, полная идиотка... – неожиданно Лена громко икнула и прикрыла рот ладошкой. – Ой!.. Видно вспомнил меня кто-то.

– Муж это твой, больше не кому, – убеждено сказал Петрович.

– И вот однажды решила я рассказать Витьке обо всех своих проблемах, – продолжила Лена. – Просто так рассказать, от чистого сердца. К тому времени привыкла я уже к Витьке. Выслушал он мой рассказ, помрачнел, но не надол-

го. Потом говорит: «Ладно, Принцесса, помогу я тебе». Принес мне Витька на следующий день палочку – небольшую такую, с линейку длинной – и говорит: «Держи, Принцесса, волшебную палочку и не хмурься больше. Трудно тебе станет, ты попроси ее, она для тебя все сделает». И ты знаешь, дядь Коль, я ведь тогда Витька поверила!.. – Лена посветлела лицом и улыбнулась. – Глупо, конечно, но поверила! Или просто мне в жизни не на кого больше опереться было?.. Короче говоря, с этой волшебной палочкой я увереннее себя чувствовать стала. Как-то раз не пришел Витька к нашей скамейке. Я палочку из портфеля вытащила и говорю ей: «Пожалуйста, сделай так, что бы Витька пришел!» Через пять минут гляжу я, Витька ко мне спешит. Спрашивает: «Что случилось, Принцесса?» Я говорю: «Ничего. Просто скучно мне». Витька ворчит: «Я как раз ужинать сел... А по пустякам волшебников не беспокоят!» Я рассмеялась и говорю: «Слушай, Витька, а ты что и в самом деле волшебник?!» Он говорит: «Ну, конечно! Только я ничей». Я говорю: «Ничьих волшебников не бывает. Давай, ты моим волшебником будешь?» Витька говорит: «Ладно. Только пошли сейчас в кафе. Есть хочется!» Хочешь, верь, дядь Коль, хочешь нет, но очень здорово мне эта палочка иногда помогала. Например, как-то раз я свою стипендию потеряла. Всю, до последней копейки. Села я на койку, руками голову обхватила и говорю волшебной палочке: «Слушай, волшебство деревянное, как же я теперь жить буду? Следующая стипендия только через

месяц». И что ты думаешь, дядь Коль? Нашла я свои деньги! Возле общежития и нашла, когда вечером с занятий возвращалась.

Ну, а однажды Витькина волшебная палочка меня от самой настоящей беды спасла. Жила я в общежитии в одной комнате с тремя девчонками. Двое из них из моей группы были, а третья Надька, курсом старше училась. Ух, и стерва же она была!

К тому времени мой первый ухажер уже совсем, можно сказать, с катушек съехал, и стал он ко мне прямо в общежитие захаживать. А Надька его как увидит, так сразу, с ехидной такой улыбочкой, начинает на постель кивать. Знаем, мол, зачем этот тип пришел!.. Ну и вот, значит, как-то раз утащила Надька в кино моих подруг и я со своим ухажером один на один осталась. Он пьяный был и решил он своего во чтобы то ни стало добиться. Утопающий, дядь Коль, за соломинку хватается, а я – за волшебную палочку. Смешно, правда?..

Не знаю, сколько времени прошло – не до времени мне было, потому что я от пьяного дурака отбивалась. Вдруг в дверь постучали. Ухажер мой решил сам ее открыть. Ну а как открыл, так и пропал, словно его никогда и не было. Только на следующий день я его увидела и с таким распрекрасным фингалом под глазом, что сразу у меня на душе легче стало...

Петрович снисходительно улыбнулся.

– Ну, а с Витькой у тебя как все началось?

– Незаметно и совсем просто. Я же тебе говорила, дядь Коль, хитрый он, как змей. Я ему как-то раз говорю: «Слушай, волшебник, у меня на личном фронте полный капут. Такой, что даже палочка твоя не помогает». Смотрю, Витька затылок чешет. «Подожди, – говорит, – я что-нибудь придумаю». – «Э-э-э, нет, – отвечаю я. – С кем я сегодня к кино пойду? Одна, что ли?! Доколдовался тут, понимаешь, до того, что красивую девушку в полном одиночестве оставили. Вот теперь сам и веди меня в кино!» Так мы с ним и стали встречаться уже по-настоящему. И, если честно, дядь Коль, то уже через месяц я бы за него с радостью замуж пошла. Да что там пошла! Босиком бы за ним хоть на край света побегала.

– Что ж вы тянули целый год?

– А ты что, дядь Коль, не знаешь Витькины закидоны? – Лена повертела пальцем у виска. – Он мне как-то раз говорит: «Ты только не обижайся, Принцесса, но из всех красавиц, как правило, получают плохие жены». – «Почему, – спрашиваю, – плохие?» – «Потому что все они, – отвечает Витька – Через пару лет семейной жизни начинают жалеть о том, что слишком рано замуж вышли. Слишком мало, мол, они повидать успели». – «Ну и что? – говорю я. – Главное, что дело уже сделано, фата в шкафу лежит, а у женщины под боком муж законный похрапывает. Куда же от него денешься?» Долго я так уговаривала Витьку меня замуж взять. А он,

в конце концов, он мне условие поставил: каждые два дня знакомиться с новым парнем и идти с ним в кино.

Петрович поперхнулся чаем.

– Как это?!..

– А вот так, хоть на колени перед ребятами падай, хоть за руку их тащи, но иди. Под присмотром, конечно. Витька сам мне билеты покупал и в зале совсем близко от меня пристраивался. Вот так, под недреманным оком Витьки я и должна была с ребятами встречаться. А еще выяснить за два дня: не лучше ли кто из них хитроумного Витьки?

– Ох, и подарил черт племянничка! – рассмеялся Петрович – Что же он тебе так мало времени на каждого женишка отпустил, всего два дня?

– Сказал, что на третий уже всерьез приставать начинают. Ну, а поцелуйчики там или еще что, Витька сразу отмел. Увижу, мол, что – сразу прогоню! И ты знаешь, дядь Коль, в чем самая главная Витькина подлость была? Бабой-то я только после свадьбы стала, – Лена смахнула непрошенную слезу. – А девичья чистая любовь она ведь только к одному человеку может быть, без всякой задней мысли. Все остальное ей уже совсем не нужным кажется. Вот и использовал Витька мои чувства так, что уже через полгода я ничего другого, кроме его хамской рожи, видеть не хотела...

– Много женихов-то насшибала?

– Я не считала. Но десятка три, думаю, будет.

– Что ж, лучше Витьки так и не нашла?

– Найдешь с таким!.. Ты знаешь, дядь Коль, что сам Витька вытворял? Он же на мои свидания с другими ребятами ни разу один не пришел! Постоянно с какой-нибудь кикиморой у меня перед носом вертелся: то с рыжей, то с черной, а один раз, какую-то разноцветную в норковой шубе притащил. И, Боже мой!.. Я смотрю, а она у него на шее так и виснет. И в глазки-то его бесстыжие заглядывает, и по ручке гладит, и чуть ли ни при всем народе целоваться лезет. Красивая, правда, была, стерва, этого у нее не отнимешь. И еще не известно, дядь Коль, кто за кем наблюдал: то ли Витька за мной, то ли я за ним. Одним словом потрепал мне Витька нервы так, что еще до свадьбы я пару раз на него с кулаками набрасывалась. Однажды, чуть было волшебную палочку об него не обломала. Да оно и понятно, с таким человеком ведь никаких нервов не хватит!..

– Жалеешь, что замуж за него вышла?

– Жалею, – просто призналась Лена. – Очень жалею. Девять лет с ним прожила, двух детей родила, но до сих пор понять не могу, что он за человек? То он смеется, то уйдет ночью на веранду и пишет что-то. Подойду к нему, спрошу, ты, мол, что тут сидишь? А он словно сквозь меня смотрит. И глаза у него скорбные, как у больной собаки. Может быть, ты заболел, спрашиваю. «Нет, – отвечает, – иди, спи». А сам снова на лист бумаги смотрит. Что он там видит, наверное, одному Богу известно. Философ, одним словом... Наши деревенские мужички недолюбливают Витьку за это. Юриди-

вый, говорят, он, только не телом, а душой. Хотя... – Лена грустно улыбнулась. – В отличие от тех мужичков, у Витьки в душе зависти и злости к людям нет. Это я точно знаю. Словно чувствует он внутри себя какую-то великую силу, по сравнению с которой все остальное трухой ему кажется. Но мне-то, дядь Коль, от этого не легче. Я-то человек и жить хочу не так как он, а по-человечески, потому все сказки рано или поздно кончаются. Лет через пять после свадьбы нашла я как-то в чулане ту самую волшебную палочку, которую мне Витька подарил. Заглянула я внутрь ее и знаешь что там было? Транзисторы. У Витьки товарищ в политехе на кафедре радиотехники преподает. Вот он, скорее всего, и собрал по его просьбе передатчик для волшебной палочки. Так что нет, дядь Коль, на этом свете чудес и быть их не может!

Петрович немного помолчал.

– Да уж, тоже проблема... – вздохнул старик.

После завтрака Петрович отправился на котоферму.

Небольшая стайка кошек и котов с недоверием обнюхивали новое жилье и не торопились отходить от старика. Они терлись о ноги Петровича и часто, вопросительно поглядывали наверх.

– Ничего-ничего, – успокоил животных старик. – Хуже вам здесь не будет. Да и временно это все для вас.

Он покормил питомцев и присел у окна.

Старик давно привык к одиночеству. Суета, возникшая с приездом Витьки, немного утомила его. Петрович вспом-

нил жену и вздохнул. Он попытался представить себе, что бы могло быть, как повернулась бы к нему жизнь, будь сейчас жива Любаша. Но не смог. Бесконечно родное лицо Любаши было где-то там, очень далеко, и не было на свете силы способной приблизить его. Годы, прожитые Петровичем после смерти жены, казались ему серыми и однообразными. Уходя туда, в прошлое, старик словно шел через старый, пустой лес. Странно, но именно в эти минуты он начинал испытывать удивительный душевный покой. Петрович как бы смотрел на себя со стороны, но не жалел себя, а наоборот, видя все то, что было в его жизни, видя и плохое, и хорошее, он становился выше жалости. Словно незримая, добрая сила рожденная даже не в нем самом, а там, за горизонтом, вдруг вливалась в него и приносила с собой удивительное, огромное чувство покоя и облегчения. Суетливые чувства и страх исчезали. Старик смотрел на горизонт и думал...

Витька действительно вернулся только вечером. Во двор Петровича, весело гудя, въехал старенький «Москвич»-пикап.

Лена стояла на порожках веранды по-кавказки скрестив на груди руки.

– Дети как? – строго и сухо спросила она мужа.

– Нормально, – нехотя ответил Витька и попытался пройти в дом.

Лена загородила ему дорогу.

– А хозяйство?

– Еще лучше, потому что поджигать его некому.

Поняв, что мимо жены ему проскочить не удастся, Витька заглянул через плечо жены и громко позвал:

– Дядь Коль!

– А-а?.. – откликнулся из дома старик.

– Завтра едем на охоту.

– Куда-куда?! – прищурившись, переспросила Лена.

Старик вышел наружу. Лена невольно отступила в сторону, давая ему пройти.

– Слышь, Вить, я это... Не поеду, – сказал Петрович.

– Почему?

– Потому что глупо это... Что ж я, и ловить их буду и продавать? Люди сразу все поймут.

Витька почесал затылок.

– Вот ведь, а?!.. Пожалуй, ты прав, дядь Коль.

Он перевел взгляд на жену. Лицо Лены дрогнуло. С него исчезло любопытство и оно приняло надменный вид.

– Ну-ка, пошли в дом, – предложил жене Витька.

– Я тоже никуда не поеду, – твердо сказала Лена, еще не имея ни малейшего представления о том, куда и зачем она должна ехать и кого ловить.

Витька споткнулся на порожке. Лене очень хотелось сказать мужу что-нибудь ехидное, но ее подвело чисто женское любопытство. Она направилась в дом вслед за мужем. Петрович ушел на кухню готовить чай.

Через пару минут Лена выскочила из спальни как ошпа-

ренная.

– Ой, дурак!.. – женщина присела от хохота. – Ну, и дурак!.. Кошек каких-то особенных продавать решил!

В груди Петровича шевельнулась морозная тоска. Мечты о тихой, деревенской жизни рушились на глазах. Но, к удивлению старика, Витька был холоден и до удивления спокоен.

Когда смех жены немного стих, племянник сказал:

– Согласен, я был бы полным дураком, если бы не одно «но»...

– Вить, а Вить!.. – оборвала Лена и вытерла веселые слезы. – Да ты ведь сам одно сплошное «Но»... С самой большой буквы.

– Может быть, – снова легко согласился Витька и показал на застывшего в дверях кухни Петровича. – Только постарайся понять, что к нему уже тридцать лет, люди в очередь за котятками выстраиваются!

– Ну и что?

– А то, что любой бизнес создается на вызывающем доверие имени. Петровичу верят, понимаешь? И те тридцать лет, что ему верят, не сможет создать ни одна реклама в мире.

– Но это же только кошки, Вить!.. Глупо же.

– Значит, кошек продавать глупо?

– Особенно в мешках, – продолжала издеваться Лена.

Петрович покраснел как мальчишка. Ему было очень стыдно и он боялся, что Лена спросит его о том, как хитроумному Витьке удалось одурачить старика. Оправдываться

Петрович не умел.

Спор продолжался и за ужином, а потом и в постели. Лена постепенно уступала спокойной настойчивости Витьки, сдавая одну позицию за другой.

– Я за котами по улице бегать не буду.

– А бегать и не надо, – мягко пояснял Витька. – Коты к нам сами придут. А мы будем отобрать только черных.

– И отбирать не буду!

– Ладно, я сам.

– Котолов!

– Не хочешь – не надо – вдруг заявил Витька.

Он отвернулся к стене.

Откровенно говоря, Лена недолюбливала своего мужа не только за характер, но и умение убеждать. Женщину раздражала даже сама манера Витьки делать это: он говорил просто, убедительно и в то же время спокойно и напористо. Очень часто Лена продолжала стоять на своем только из принципа. Но даже тогда хитрый Витька находил выход: он внезапно замолкал и с самым безразличным видом принимался рассматривать потолок, если спор происходил в постели, или собственную растопыренную пятерню, в том случае, если спор происходил где-то еще. Витька очень хорошо знал слабость Лены и беззастенчиво ею пользовался. Не закончив спор и не придя ни к чему определенному, Лена не могла уснуть или заняться делами. Коварный способ не дал осечки и на этот раз.

– Ты что молчишь?! – Лена была слишком разгорячена спором. Она толкнула мужа в бок. – Говори же, ну?!..

– Отстань!

Теплый бок Витьки приятно грел бедро женщины. От мужа пахло дорогим одеколоном и сигаретами. Большая, мускулистая рука лежала поверх одеяла и плавно колыхалась в такт дыханию.

Женщина прильнула к Витьке:

– Вить, а Вить, – ласково прошептала она. – Не молчи, пожалуйста, а?..

Лена уткнулась носом в плечо Витьки и тихо засмеялась.

Потом прижалась она к нему покрепче и спросила:

– Вить, ты действительно во все это веришь?

– Да.

– Ну, тогда я не знаю... – Лена погладила мужа по плечу. – Вообще-то, можно и попробовать.

– Согласна, что ли?

– Ты же все равно не отвяжешься, – голос Лены дрогнул от плохо скрытой нежности. – Я тебя знаю...

– Ты яснее выразишься, пожалуйста.

– На все я согласная!!.. – что было силы крикнула Лена.

– Не ори, Петровича разбудишь, – Витька протяжно зевнул. – А теперь давай спать. Завтра нам рано вставать.

Лена долго, с тайной надеждой, рассматривала широкую спину мужа. Витька тихо сопел. Через минуту, прикусив от обиды нижнюю губу Лена, резко отвернулась от мужа.

«Ах ты, проходимец!.. – с отчаянной злостью подумала женщина. – А вот никуда я с тобой завтра не поеду! В деревню сбегу. И развод, развод к чертовой матери!!.. Я, кажется, тебе обещала дом оставить? А вот фигурки тебе, а не дом! И на алименты тоже подам – плати-ка, голубчик!.. Огород, и тот по количеству едоков поделю – на четыре части. Вот и паши на своих десяти сотках, философ!.. Подожди, интриган, ты еще у меня не так запоешь!»

Сон приходил медленно и неохотно.

Лена представила довольно живописную картину будущего раздела огорода. По свежевспаханной земле ходил человек в черной, судейской мантии с большим, агрономическим треугольником. Закончив необходимые измерения, судья что-то подсчитал в записной книжке и спросил: «Первая доля кому?» – «Мне!» – тут же выкрикнула Лена. «Так, очень хорошо, – судья что-то отметил в записной книжке и продолжил. – А вторая доля кому?» – «Тоже мне!» – радостно сообщила Лена. Рядом с судьей стоял, оставшийся в одних трусах после раздела имущества, Витька. Он жалобно выпрашивал у него пару-тройку лишних метров. Но судья был строг и крайне язвителен в своих замечаниях.

Лене стало легче. Она успокоилась и, наконец, уснула.

Глава одиннадцатая

Утром Витька протянул Петровичу распечатанное письмо.

– На объявление откликнулись, – пояснил он. – На столе еще одно лежит, но туда я сам позже схожу. А в этом срочно зайти просят.

Старик кивнул. Витька ободряюще улыбнулся и пошел будить жену.

Деревенская жизнь научила Лену вставать в пять часов утра без всякого будильника. Даже в гостях у Петровича она просыпалась точно в это же время. Ей стоило не малого труда забыться снова и дремать до курортных восьми часов. Вторая, добавочная половина сна, была сладкой и воздушной, как пирожное.

Витька подошел ближе и невольно залюбовался. Поза спящей женщины была вызывающе сексуальной. Одеяло сползло к ногам Лены и под тонкой, ночной рубашкой легко угадывались контуры молодого, изящного и сильного тела. Красивое лицо женщины казалось спокойным и умиротворенным.

Витька сглотнул слюну.

«Только попробуй тронуть, – подумала притаившаяся Лена. – Сразу по физиономии получишь, философ».

Ее желание отомстить мужу за вчерашнее безразличие было по-настоящему глубоким и искренним. Витька с трудом справился с охватившей его истомой. Стараясь не смотреть на жену, он тихо позвал:

– Лен, вставай... Пора.

Лена оторвала голову от подушки и простодушно взглянула на мужа.

Витька улыбнулся.

– Пора ехать.

Он вышел.

Через полчаса, лениво переругиваясь, семейная пара отбыла на охоту. Загруженный всем необходимым «Москвич»-пикап выехал за ворота и прибавил скорость.

– Навязался на мою голову! – ворчала Лена на Витьку. – И когда ты только от меня отстанешь?

– После развода.

– Да скорей бы уж!..

Через час Петрович сделал все необходимые утренние дела и, привалившись спиной к кроличьим клеткам, достал из кармана оставленное племянником письмо. Указанный в нем адрес был не столь уж далеким – минут двадцать езды на автобусе без пересадки.

Но старик не спешил. По пути он зашел к Светлане и долго, обстоятельно беседовал с дочерью. Света немного всплакнула. Старик был настойчив и, в конце концов, дочь согласилась на переезд в деревню.

– Не горюй, – ободрил Петрович дочь. – Мы с Витькой тебе и нового мужа найдем. Только ты родителям Сергея ничего не говори. Они люди хорошие и расставаться с внуками им будет тяжело.

– Жалко их... – согласилась Света.

Петрович вздохнул.

– Эх, Светка, да будь моя воля, я бы и их с собой взял! Три внучка да три старичка, чем не жизнь, а?..

Указанный в письме адрес Петрович нашел не сразу. Только обстоятельно расспросив прохожих, он вышел к старому, двухэтажному барaku с облупившейся штукатуркой.

– Так ведь не жилой он уже, дом-то этот, – пояснила Петровичу словоохотливая женщина с авоськой. – Сносить его будут. Жильцы еще два дня назад съехали.

Петрович растерянно посмотрел на бумажку с адресом.

– А вам кто нужен? – поинтересовалась женщина.

– Да на объявление откликнулись, – Петрович зачем-то показал женщине письмо. – Я за кошкой пришел...

– Вам, наверное, к старухе Ченцовой нужно, – немного подумав, сказала женщина. – Вы зайдите в дом, может быть она еще там. Говорят, старуха переезжать не хотела. Все ждала кого-то...

Женщина заторопилась и ушла. Петрович немного потоптался на месте и нерешительно направился к дому.

Темные, лишённые штор и другого видимого уюта, окна здания казались холодными и безжизненными. Дом чем-

то напоминал Петровичу брошенную диспетчерскую. Чисто внешне оба здания отличались довольно сильно, но между ними словно существовала какая-то странная, неуловимая схожесть в неподвижности теней и стоящей вокруг нежилой, мертвой тишине.

Нужная Петровичу квартира находилась на втором этаже. Он поднялся по деревянной, скрипучей лестнице и остановился перед полуоткрытой дверью с цифрой «4».

«Сидоровым – 1 зв., Мкртчянам – 2 зв., Ченцовой – 3 зв.» – прочитал Петрович на табличке возле кнопки звонка. Он трижды нажал кнопку. Звонок не работал.

Старик осторожно толкнул дверь. В коридоре было грязно и неуютно. На полу, как это часто бывает при переезде, лежало множество брошенных, уже не ненужных в новой жизни вещей: старый будильник, кукла с неживыми глазами, тряпки, распотрошенный матрас и прочий мусор.

Две комнаты были пусты. Осторожно переступая через хлам, Петрович приблизился к третьей, закрытой двери. Он уже протянул было руку, как вдруг дверь, скрипнув, открылась сама.

Третья, последняя комната была меньше остальных. С левой стороны от окна стоял круглый стол, с другой высокий, старомодный шкаф. Ближе к двери разместился диван, а напротив него кровать. На кровати, опираясь спиной на высоко взбитые подушки, сидела старуха. Из-за давно нечесаных волос на Петровича смотрели тусклые, не мигающие глаза.

Поверх одеяла лежали длинные, высохшие, покрытые темными пигментными пятнами руки старухи. Кончики пальцев слегка подрагивали. Если бы не это едва заметное движение, Петрович посчитал старуху мертвой.

– Здравствуйте, – тихо сказал он.

– Не к чему мне здравствовать уже, – хриплым и низким голосом ответила старуха. Ее тонкие губы исказила улыбка. – Помру я скоро... За кошкой пришел?

Петрович кивнул. Не зная, что делать дальше, он закрыл дверь за собой дверь и замер, осматриваясь вокруг.

«Принесла меня нелегкая! – подумал он. – Это не бабка, а чистая ведьма... Прямо как с картинки».

Старуха показала глазами на диван.

– Сядь, подожди немного. Погулять вышла моя кошка. Скоро вернется, должно быть.

– Может быть, я потом зайду? – нерешительно спросил Петрович.

– Не будет, милоч, у меня этого потом, – холодная улыбка старухи стала шире. – А кошку жалко. Пропадет без призора.

Петрович заставил себя еще раз взглянуть на лицо старухи и чуть не вскрикнул от ужаса. Тонкие губы чуть открылись и за ними обнажились два ряда молодых, крепких зубов. Странными были и губы старухи: обтянутые со всех сторон серой, морщинистой кожей ближе к зубам они казались красными и пухлыми, словно там, внутри, прятал-

ся второй рот.

Петрович машинально попятился к двери. Старуха нахмурилась и согнала с лица улыбку.

– Что, не хороша? – глухо спросила она. – Да ты и сам, поди, не молод. Семьдесят годков уже есть?

– Есть, – растерянно ответил Петрович. – Мне бы кошку... Тороплюсь я.

Старуха не обратила на последнее замечание Петровича никакого внимания.

– Один живешь или как?

– Пока один...

– Не то съезжаться с кем собираешься?

– С дочкой.

– Это хорошо. А вот я совсем одна. Давно уже... – у старухи задрожала щека. – Сын был да помер... Давно уже.

Наступила тяжелая пауза. Словно школьник Петрович не знал куда деть руки.

– Садись на диван, что как столб стоишь? – снова заговорила старуха. Она уже устала беседовать с гостем, каждое слово ей давалось с большим трудом. – Альбом с фотографиями вон посмотри... На столе лежит. Я его каждый день разглядываю... Прощаюсь, наверное.

«Мне-то какое дело до чужих фотографий? – с тоской подумал Петрович. Но потом верх взяла жалость к беспомощной старухе. – Хотя, в чем она-то виновата? Наверное, сама себе уже не рада...»

Петровичу стало стыдно за свой мимолетный страх и он сел на диван.

Тяжелый фотоальбом был обернут пыльной, серой замшей. Старик машинально листал его, почти не обращая внимания на лица людей. Большинство фотографий были сделаны довольно давно, сорок, а может быть даже пятьдесят лет назад. Почти на каждой из них была запечатлены сцены пышного застолья. Очень часто на переднем плане красовалась женщина средних лет со слегка раскосыми, черными и дерзкими глазами. Она весело смеялась и протягивала в сторону объектива то бокал вина, то цветок, а то и просто, судя по всему в танце, тянула пустые руки к невидимому фотографу, как будто в шутку выпрашивая что-то у него.

Несомненно, это была старуха.

«Красивая была баба, ничего не скажешь, – решил Петрович. – И жизнь свою прожила совсем не в тихой обители...»

На последних пяти листах фотографий не было, от них остались только темные, не выгоревшие пятна. На месте одной из них, в уголке для крепления, торчал крохотный кусочек и так, словно кто-то торопливо, ломая лист, вырвал его. Там же, между страниц лежала и последняя фотография старухи, сделанная явно позже остальных. На ней была запечатлена уже совсем другая женщина, в лице которой легко угадывались ее теперешние черты. В объектив смотрела пустыми глазами шестидесятилетняя старуха. Черный платок подчеркивал страшную, почти не живую бледность ее кожи.

На руках женщина держала огромного, черного кота.

«Это, должно быть, она после того, как сына похоронила, – догадался Петрович. – Видно большое горе пережила...»

Скрипнула входная дверь. Петрович вздрогнул и поднял голову. На пороге комнаты стояла черная кошка и вопросительно смотрела на гостя. У кошки был настолько огромный живот, что Петрович невольно подумал о том, что нести ее, пожалуй, придется очень осторожно.

– Забирай, – глухо сказала старуха. – И кошку жалко и котят, которые скоро появятся... Денег не нужно, ни к чему они уже мне. И уходи... – неожиданно она перешла на тихий, торопливый шепот. – Холодно мне, холодно... Холодно!

Старуху затрясло. Петрович взял кошку на руки и беспомощно оглянулся по сторонам. Он не знал, что делать. Возможно, старухе требовалась помощь.

– Да уходи же, уходи! – неожиданно громко и злобно крикнула старуха – Уходи!

Петрович быстро вышел. Когда он торопливо спускался по порожкам, сверху послышался отчетливый, женский смех. Петрович остановился и прислушался. Смех смолк, но тут же вместо него заговорил чей-то другой, едва слышимый голос. Голос торопливо, словно боясь не успеть, тараторил невнятные слова, как будто читал книгу.

Петрович прибавил шаг. Только выйдя на улицу, он заметил, что кошку, которую он прижимал к груди, бьет силь-

ный озноб.

Витьке везло значительно больше. За первые полтора часа охоты ему удалось отловить четырех зеленоглазых, черных как смоль, котов и кошек. Будущего монополиста переполнял оптимизм.

– Нужный цвет очень редок, – улыбаясь, говорил он хмурившейся Лене. – И это здорово. Коллекционные экземпляры стоят гораздо дороже ширпотребя.

А Лене очень хотелось поговорить с мужем о разводе и обсудить его детали. Женское настроение было задорным, даже боевым и случись такой разговор, она наверняка повеселела и продемонстрировала бы мужу немалую долю иронии. Но Лена была достаточно умна и понимала, что для того, что бы такой разговор состоялся, Витька должен был попасть в жестокое финансовое рабство. К сожалению, все предыдущие попытки отправить его в это рабство закончились провалом, и проявлять долготерпение приходилось уже Лене. Не обанкроченный до последней копейки супруг очень легко мог в очередной раз продемонстрировать свой независимый характер.

– Конечно, в любом деле есть много нюансов, – продолжал беспечно болтать Витьк. – Но главное, что мы начали это дело. А невест, как известно, у загса не меняют...

Витькин план поимки котов и кошек был достаточно прост. Отъехав от дома Петровича на возможно большее

расстояние – на правый берег города – он приступил к работе на такой же тихой окраине застроенной полудеревенскими, неказистыми домишками. Каждые триста метров машина тормозила и Витька поднимал капот. Лена открывала задние дверцы будочки-кузова и оттуда, подгоняемые мощным вентилятором от пылесоса, выплывали запахи копченой рыбы, валерьянки и еще чего-то сладковатого, похожего на лекарство. Склонившись над двигателем и, время от времени, постукивая по нему гаечным ключом, Витька внимательно осматривался по сторонам.

Излюбленным местом похитителей котов были безлюдные, тихие перекрестки. Стояла почти безветренная, тихая погода. Сильные запахи кошачьих деликатесов равномерно, подобно взрывной волне, расходились во все стороны. Если первая и вторая остановка принесли только разочарование, то уже третья полностью оправдала ожидания Витьки. Словно преодолев, наконец, свою застенчивость машину окружили сразу два десятка котов всех возрастов и расцветок. Витька радостно потер руки – оставалось только отобрать нужных. Два пушистых «черныша» и одна толстая «чернушка» были любезно приглашены в будку на завтрак. Остальных котов, наглеющих от головокружительных запахов буквально на глазах, Лене пришлось отгонять заранее приготовленной палкой до тех пор, пока не тронулась машина.

– А ты говорила, что нам за котами бегать придется, – улыбнулся Витька. – Смотри, что дальше будет!

За удачей наступил спад. В течение одного часа Витьке удалось взять в плен только одного откровенно дикого и голодного котенка.

– Обед у них, что ли? – ворчал из-под капота Витька. – Лен, ты чего-нибудь видишь?

– Нет. Кстати, я тоже есть хочу.

– Ты лучше наблюдай хорошенько.

– Я есть хочу!

– Вот и взяла бы с собой что-нибудь из дома. Почему я обо всем должен думать?

– Я есть хочу!

Лена приблизилась к Витьке. Тот предусмотрительно вынырнул из-под капота. Взгляд Лены выражал готовность к очередной перепалке.

На одном из бесчисленных мини-рынков Витька купил две пластмассовые бутылки «Кока-Колы» и горку маслянисто поблескивающих беляшей. Как и любой начинающий бизнесмен за обедом Витька решил ознакомиться с прессой. Он сидел в машине и, листая газету, рассматривал объявления и рекламу.

Лена бродила по торговым рядам. Пережевывая беляш, она интересовалась местными ценами. Иногда женщина вступала в переговоры с продавцами. Выторгованная цена на картошку, огурцы и прочий деревенский товар, даже после длительного торга, мало чем уступала первоначальной. Лена осталась довольной – цены на сельские продукты сто-

яли прочно, как скала. Женщина удовлетворенно улыбнулась. Немного удивленный такой реакцией продавец-грузин осмотрел Лену с ног до головы и пригласил ее в ближайший ресторан. Лена оглянулась на мужа. Витька перевернул страницу и снова сосредоточенно уставился на газетный лист. Лена решила чуть-чуть пококетничать, чтобы позлить мужа.

– А мне говорили, что грузины только блондинок любят, – простодушно призналась она продавцу мандаринов.

Грузин обиделся.

– Что ты, драгоценная! – темпераментный южанин даже взмахнул руками. – Мы вас всех любим!

Витька расправил газетный лист на всю его площадь и полностью исчез за ним. Лена тут же потеряла интерес к интрижке и вернулась к мужу.

– У всех грузинов носы кривые, – не отрываясь от газеты, сказал Витька.

– А ты котолов, вот ты кто! – быстро парировала Лена.

Витька отложил газету и со скрежетом врубил скорость. Лена уселась поудобнее и принялась выдумывать очередное обидное прозвище для мужа.

На первой послеобеденной остановке дело чуть было не испортил веселый, слегка подвыпивший дедок в душегрейке застегнутой на левую, женскую сторону. Он незаметно подкрался к машине сзади, долго, с любопытством принюхивался, а потом громко спросил:

– Рыбку копченую, значит, перевозите?

Витька вздрогнул и ударился головой о поднятый капот.

– Правильно, дед, рыбу, – неохотно ответил он. – Да вот мотор что-то забарахлил.

– Вижу, вижу... – дедок обошел вокруг машины. – Всех кошек с округи собрали.

Словоохотливый абориген приблизился к Лене. Та поморщилась и прикрыла дверцу будочки.

– Рыбки не продадите? – скромно попросил дед.

– Весов нет, – коротко отрезала Лена.

– Я свои принесу, – обрадовался абориген. – Сей момент!

– Ленка, хватай вон тех двух черных и поехали! – зашипел из-под капота Витька.

Парализованные райским запахом коты почти не сопротивлялись. Оказавшись в цепких женских руках, они только громко урчали и пытались заглянуть в лицо своей новой хозяйки преданными, зелеными глазами.

Дед вернулся подозрительно быстро, так, словно, хранил свои весы за калиткой и специально подкарауливал на улице случайные машины.

– Восемьдесят рублей килограмм, – строго сказала Лена.

– Побойтесь Бога! – дед прижал к груди руки. – По восемьдесят она и на рынке есть. Давайте по семьдесят. Мне только килограммчик.

Лена откровенно возмутилась. Если бы не Витька спор из-за десятки продолжался до вечера. Обе торгующие стороны были крайне принципиальны и не хотели уступать ни копей-

ки. Витька плюнул и достал из будки сумку с рыбой. Прикинув на глаз вес, он положил на весы две большие рыбины. Те качнули стрелкой и показали полкило. Витька мельком взглянул на часы, поморщился и добавил еще две. Стрелки весов показали 900 грамм.

– Еще бы одну добавить нужно, – хищно улыбнулся дед.

– Чего-чего?! – взорвалась Лена. – Да на таких весах, дед, ты будешь в аду свои грехи взвешивать!

Лена оттолкнула Витьку и потянулась к весам. С лица аборигена как ветром сдуло улыбку. Он быстро отставил весы в сторону и принялся божиться, что они показывают правильно.

Витька потерял терпение.

– Да пусть забирает он эту чертову рыбу, – крикнул он, жене садясь в кабину. – Поехали!

Сердито отдуваясь, Лена села рядом с мужем. Машина тронулась.

– Жулик, а?! – продолжала бушевать Лена. – А еще говорят, что только продавцы обманывают. Ну, ладно, в следующий раз, когда буду свинину продавать, – пригрозила она кому-то, – я вам всем покажу!

– Кому всем-то? – улыбнулся Витька.

– Им! Кстати, ты деньги у деда взял?

– Нет. А ты?

– Останови машину!!

– Да ладно тебе, – Витька нажал на газ. – В конце концов,

что важнее: права человека или права голодного человека? Нужно уметь бесплатно радоваться жизни. С таким хитрым дедком генофонд нашей страны никогда не оскудеет.

На следующей остановке супружескую пару ждала удача: возле машины сразу же собралось не менее трех десятков котов. Пока Лена отбирала черных, Витька залез в будку и рассаживал уже пойманных животных в кроличьи клетки. До отвала нажравшись рыбы, коты могли вспомнить и своем природном свободолюбии.

Лена немного повеселела.

– Вить, а сколько ты за каждого кота брать собираешься?

– Как повезет. Но не меньше трехсот.

– Рублей?

– За рубли ты будешь свинину продавать. Баксов, конечно. Но триста – минимум! Оптимальную цену, при определенных условиях, можно довести до тысячи.

Лена не поверила.

– Издеваешься, да?!

– Разумеется, нет. Волшебные коты от Петровича, милая моя, не могут стоять дешевле. Иначе рухнет престиж нашей фирмы.

Лена заглянула в будку и пересчитала уже пойманных животных. Потом быстро прикинула в уме сумму дохода. Сумма оказалась очень и очень симпатичной.

Толстый, черный кот ласково потерся о ногу Лены. Женщина взяла его на руки. У кота были умные, желтые глаза.

– Таких не берем, – предупредил Витька.

– Почему?

– Ты что не видишь? У него глаза желтые. Второй сорт.

– Жалко... Посмотри, какой он хороший, – Лена посадила кота на ладонь и, придерживая его второй ладонью под грудь, приподняла повыше. – Килограммов на пять потянет.

Кот по-монгольски щурил желтые глаза и громко урчал.

– Ты что их, на живой вес собираешься продавать? – возмутился Витька.

– А если желтоглазых подешевле продавать? – не сдавалась Лена.

Назревающую перепалку прекратил сигнал общей тревоги.

– Ленка, атас! Бросай кота и линяем отсюда, – Витька быстро подошел к кабине и открыл дверь. – Быстрее!

Лена оглянулась по сторонам.

– А что случилось?

– Видишь, дед с весами бежит? Сейчас он у нас еще и сдачу требовать станет.

Хуже охота шла у многоэтажных домов – мешали вездесущие дети. Витьке приходилось останавливать машину где-нибудь в тихом уголке, но уже через несколько минут, оглянувшись, он сталкивался глазами с пятью-шестью парами детских, любопытствующих глаз.

– Дядь, а дядь, – хитро прищурившись, спрашивал Витьку какой-нибудь толстый карапузик чем-то похожий на юного

буржуина. – Вы зачем кошек ловите?

– Отстань, малец! – ворчал будущий монополист, отводя за спину руку с только что пойманным котом. – Мы из санэпидемстанции. Сделаем котам прививки и отпустим.

– А почему вы тогда здесь спрятались?

– Где это здесь?!

– В уголке двора.

– Что б никому не мешать.

– Вы не можете мешать, – качал головой юный буржуинчик. – Вам нужно, наоборот, в центре двора стать.

– Это зачем?

– А так смешнее будет!

Логика делового, подрастающего поколения была просто убийственной.

Несколько раз Витьке приходилось уезжать раньше времени. После того, как малышам надоедало наблюдать, они принимались помогать Витьке и Лене. Малыши со всех сторон тащили к машине котов и кошек и весело, на весь двор кричали:

– Дяденька, вы вот этому коту прививку не сделали!

– И вот этому!

– А этому нужно две сделать, потому что он очень толстый.

Вскоре вокруг машины поднимался настолько восторженный и веселый визг, что Лена затыкала уши.

– Ленка, может быть им конфет купить? – в конце концов,

предложил Витька.

– Кому? – не поняла Лена – Котам, что ли?

– Детям. Что б не приставали.

– Сдурел? – Лена выразительно повертела пальцем у виска. – Ты представь себе картину: в углу двора остановилась машина. Из машины выходит какой-то подозрительный дядя и начинает прикармливать детей конфетами. Ты хоть понимаешь, за кого тебя примут их родители?!

Витька быстро согласился с женой.

За работой день прошел совершенно незаметно. Чем больше кошек и котов оказывалось в кроличьих клетках, тем более охотно их собраты шли в будку. Очевидно тот факт, что в будке уже кто-то побывал до них и даже остался в ней, придавал котам уверенности. Животных не смущал даже то, что все побывавшие оказались за решеткой. Коты не боялись несвободы – они презирали ее и считали решетки явлением временным и легко устранимым.

Стало темнеть. Повеселевшая Лена была готова работать и дальше – предусмотрительный муж захватил фонарик.

Но Витька коротко бросил:

– Шабаш!

Окольным путем, не заезжая домой, Витька, доставил груз к брошенному аэродрому. В конце пути ему пришлось включить фары.

– Вы, оказывается, уже все продумали? – удивилась Лена, осматривая котоферму – Эх, муж, черт бы тебя побрал! Ес-

ли бы ты трудолюбивым постоянно был, а не от припадка к припадку, цены бы тебе не было. Я может быть, с тобой даже и не разводилась бы!

При выгрузке животных пересчитали. Их было девятнадцать.

Витька бегал с сумкой на второй этаж, а Лена сторожила дверцы будочки.

Дома супружескую парочку встретил хмурый Петрович.
– Случилось, что ли, что, дядь Коль? – спросил Витька, с трудом отрываясь от кружки с водой. – Почему такой хмурый?

– Нормально все, – отмахнулся старик.

– А по-правде?

– Да сердце что-то у меня жмет, – нехотя признался Петрович. – Раньше я его никогда не чувствовал, а сегодня напомнило оно о себе. Ладно, пройдет...

Витька вытер губы и передал кружку жене.

– По адресу ходил?

– Сходил. Кошку принес... У нее котята скоро будут.

– Отлично. Значит, подфартило нам с тобой, дядь Коль.

Старик вдруг подумал о том, что с удовольствием отказался от такого «фарта». Но промолчал...

После ужина Витька долго сидел с Петровичем на порожках веранды. Говорил в основном Витька: о будущем переезде Петровича в деревню и о планах в кошачьем бизнесе. Оп-

тимизм буквально переполнял его и, в конце концов, Петрович невольно улыбнулся.

– И язык же у тебя, Витька! Ну, точно без костей.

В конце беседы Петрович все-таки хотел было рассказать Витьке о странной старухе, но сдержался. У племянника было достаточно и своих забот.

«Ерунда все... – подумал он. – Мало ли каких старух нет на свете?»

Ночью, в постели, Лена принялась ворчать на Витьку. Женские жалобы на жизнь были настолько беспричинными, что Витька возмутился:

– Да что ты от меня хочешь-то?! – взорвался он.

Лена покачала головой.

– Ох, Витька, Витька!.. Нет над тобой моей власти, а вот если бы была, – Лена показала мужу растопыренную ладошку и сжала ее в кулачок. – Вот бы где ты у меня сидел!

Витька самодовольно улыбнулся.

– А вот фиг тебе, а не власть. Поняла?

– Поняла. Потому и развестись с тобой хочу.

– Это, пожалуйста.

Лена отвернулась и обиженно замолчала.

Витька вспомнил утреннюю картину пробуждения Лены.

«Ведь нарочно она тогда притворялась, что спит. Уверен, что нарочно! – подумал он и улыбнулся. – Нет, с такой как Ленка никогда не соскучишься...»

Витька повернулся к жене и осторожно обнял ее.

– Чего тебе? – безразлично спросила Лена.

– Что, что!.. – проворчал Витька. – Тесно тут... Руку положить некуда.

– Тогда на полу спи.

– Как скажешь, любимая...

Слово «любимая» прозвучало у Витька так иронично и даже холодно, что Лена вдруг поняла, что вот-вот заплачет. Ей захотелось сказать мужу что-нибудь очень злое, но она боялась, что у нее задрожит от слез голос.

Витька заворчался и попытался сесть.

– Подожди!.. – резко и громко сказала Лена.

«Ежик проклятуший, – подумала она. – Убить тебя мало!..»

Она повернулась к мужу и обхватила руками за шею. Уже улыбаясь, Лена привычно потерлась щекой о небритую мужскую щеку.

– Вить, а это правда, что лисицы ежеиков кушают? – шепнула она.

– Наверное... А что?

– Ничего... – почти не слышно ответила Лена. – Просто скажи мне, что я на лисичку похожа...

...А Петровичу ночью приснилась старуха. Она смеялась, страшно выставляя на показ, молодые, крепкие зубы.

Глава двенадцатая

На третий день после начала охоты Петрович стукнул кулаком по столу.

– Шестьдесят девять котов и кошек!.. Да чем же я их кормить-то буду?!

Витька поежился.

– Не вижу очереди из покупателей-миллионеров, – сострила Лена.

– Иди-ка ты, Витька, пока не поздно, сам мышей лови, – посоветовал Петрович.

– А он уже пробовал! – рассмеялась Лена.

Витька отошел к окну и закурил.

Мышей он действительно ловил. Большие, трехлитровые банки, с приманкой на доньшке лежали везде: на чердаке, в сарае и даже возле кроличьих клеток. Но улов был невелик. Кроме того, грызуны не прижились на котоферме. Во время одного из визитов, когда компаньоны только подходили к диспетчерской, к ногам Лены неожиданно упала мышь. Женщина дико взвизгнула и взобралась к мужу. Сделав панический круг возле застывшего Витьки, мышь скрылась в траве. Отчаянное поведение грызуна можно было легко понять: прыжок с третьего этажа котофермы еще оставлял ему какие-то шансы на жизнь.

Впрочем, ловля мышей и эксперименты с ними были не самым главным занятием будущего монополиста. К уже имеющимся у Петровича запасам зерна Витька добавил еще три мешка привезенных им из деревни. Кроме того, он взял напрокат пару удоистых коз. Последняя инициатива неунывающего племянника была встречена неодобрительным, стариковским ворчанием. Петровичу не понравилось, что корм, предназначенный исключительно для кроликов, придется скармливать чужим козам. Но потом старик попробовал на вкус козье молоко и смирился.

Во время вечерней дойки Багира всегда сидела рядом со стариком.

– Буду я еще такое молоко котам спаивать! – снова ворчал Петрович. – Да я его лучше внукам отнесу.

Впрочем, старик не жадничал и оставшаяся дома Багира всегда получала свое наполненное до краев блюдце.

А кошачье поголовье все разрасталось. Возможно, неумемная страсть будущего монополиста к накоплению оборотных средств, скрывала за собой и нечто большее: у Витьки не было четкого плана реализации волшебных котов и кошек. Поэтому семейный совет действовал ему на нервы.

– Ладно, уговорили, – Витька поднял вверх руки. – Так и быть, временно прекращаем ловлю и приступаем к рекламе.

– Лучше сразу к продаже, – усмехнулась Лена.

Витька сделал вид, что не расслышал последней реплики жены. Он набросил на плечи куртку и кивнул на дверь.

– Пошли, дядь Коль.

– Куда?

– Куда глаза глядят, – улыбнулся и подмигнул Витька. – Глядишь, что-нибудь и придумается.

– Займемся устной агитацией, – уже на улице пояснил Петровичу племянник. – Например, у меня есть на примете одна приличная забегаловка. С нее и начнем. Распространение слухов, дядь Коль, конечно, кустарщина, но им доверяют значительно больше, чем официальной рекламе.

– Я, Витьк, слухи распространять не умею, – признался Петрович.

– Ничего страшного. Твоя задача, дядь Коль, стоять в сторонке и молчать. Придешь ко мне на выручку только в крайнем случае.

– А с чем мне приходится-то? – удивился старик.

– Поймешь по ходу дела.

В критических ситуациях Витька всегда предпочитал говорить загадками.

– Ладно, – закончил тему Петрович. – Ты мне, Витьк, лучше вот что скажи, что за отношения такие у тебя с Ленкой? То грызетесь до полуночи, то кроватью скрипите, чуть ли не до утра. Весело, как я посмотрю, вы живете.

Витька улыбнулся.

– Дядь Коль, мы тебе мешаем, что ли?

– Нет, конечно... Просто мне интересно, что это за обезьяньи отношения такие между вами.

Продолжая улыбаться, Витька осмотрелся вокруг. Осенняя, хмурая природа умиротворенно дремала. Редкие прохожие никуда не торопились и снисходительно-добродушное выражение их лиц наводило на мысль о некоем житейском перемирии. Мокрый после недавнего дождя асфальт казался мягким, как ковровая дорожка.

Витька потер щеку собираясь с мыслями.

– Сейчас, дядь Коль, я расскажу тебе одну сказочку, – медленно заговорил племянник. – А ты делай выводы...

– Интересные сказочки рассказывать вы оба мастера, – парировал Петрович. – Что ты, что Ленка.

Витька насторожился.

– А что такого интересного тебе Ленка про меня наболтала?

Петрович промолчал...

История о простодушной Богатыре, рассказанная Витькой просто так

– Ладно, дядь Коль, слушай... Только сначала попробуй представить себе следующее место действия: поезд, купе, глубокая ночь, – начал Витька. – Я лежу на верхней полке и честно пытаюсь уснуть – тот денек у меня получился трудным... Внизу, за столом, сидят две довольно примечательные личности. Первая из них очень похожа на карикатуру: это худосочный мужичок неопределенного возраста оде-

тый в полосатую, матросскую майку с бретельками. У тощего типа узкий лоб, впалые, горящие глаза фанатика, кривой нос и узкая грудь. Кроме того, природа наделила его въедливым характером и ехидным красноречием. Надо заметить, что жизнь обходится с таким сортом людей с механической жестокостью. Например, она не бьет их так, как большинство других – с размаха – а то ли жалея, то ли мстя за что-то, постоянно пристукивает крохотным молоточком – мелко и безостановочно.

Второй собеседник – эдакий двухметровый, розовощекий богатырь. Он прост, спокоен и безобиден как тяжелый дредноут, отданный на разграбление веселому детскому саду. Впрочем, ломовая сила и воловье терпение еще не самый главный недостаток всех наших российских богатырей. Кроме всего прочего все они еще безостановочно, почти патологически добры...

Итак, ночь, купе, за столиком сидят двое и говорят о любви. Я уже не помню, о чем конкретно они говорили в начале... Кажется, худосочный жаловался на дефицит любви к себе со стороны женского пола и пытался убедить простодушного богатыря в змеиной сущности всех женщин.

Гигант, конечно, возражал, при чем довольно неумело. В конце концов, раздраженный худосочный типчик попросил богатыря представить себя на его месте в примерно следующей ситуации: мужчина возвращается из командировки и неожиданно застаёт свою жену с другим типом... Нет, нет!

Они не делают ничего такого, что могло бы вызвать у бывшего командированного приступ звериной ревности. Женщина и ее гость просто сидят за столом на кухне и пьют чай. Муж нехотя присоединяется к чаепитию и как интеллигентный человек делает вид, что не происходит ничего особенного. В конце концов, ну и что?!.. Незнакомый гость и его жена просто пьют чай. Да, муж находился в командировке, но, черт возьми, его жене глупо каждый день пить чай в полном одиночестве. Короче говоря, спустя несколько минут, мужу удастся настроить себя на благодушный лад. Но тут вдруг выясняется, что гость жены это не просто гость, а ее бывший школьный друг и... Ну, в общем, раньше у них была любовь. Они не поняли друг друга и расстались по какой-то глупой причине. Теперь школьный друг пришел для того, что бы вернуть свою любимую. Ситуация понятна, да, дядь Коль?..

Старик кивнул:

– Только это... На анекдот все похоже.

– А я не только стихи пишу, – широко улыбнулся Витька. – И кстати, эта история совсем не анекдот, а правда... То есть почти правда в моем творческом и поэтическом, так сказать, видении.

– Роман, что ли?

– А почему нет?.. Только на роман она эта история не тянет. Рассказ разве что получится... Так что, дядь Коль, я тебе что-то вроде черновика рассказываю. Короче говоря, когда худосочный тип закончил обрисовывать ситуацию, он про-

сверлил взглядом простодушного богатыря и задал ему только один вопрос: итак, что бы ты стал делать?

Богатырь почесал затылок и улыбнулся. Потом он задумался... После некоторого колебания богатырь осторожно сказал, что в первую очередь он поинтересовался мнением обо всем происходящем у своей жены. Сухой и скучный ответ!.. Худосочный развел руками. Оказывается женщина еще ничего не решила. Богатырь спросил про детей, но худосочный только отмахнулся. Ах, ну при чем здесь какие-то дети?!.. Ведь, в конце концов, речь идет о чисто теоретической ситуации.

Богатырь посмотрел в темное окно... Он не привык размышлять абстрактными категориями и незаметно для самого себя поставил на место теоретической женщины свою собственную жену – улыбчивую Танюшку с веселыми ямочками на щеках. Подмена произошла совершенно незаметно. И время вдруг останавливается! Богатырь принимается мысленно рассматривать потупленное и непривычно серьезное лицо своей супруги. Танюшка сидит за столом и думает... Она решает! Наверное, впервые в жизни в сердце богатыря закрадывается ревность.

Он говорит худосочному типу, что пока его жена думает, он посоветовал бы ее школьному другу покинуть их дом. Худосочный тип смеется как мелкий бес. Он даже понимающе подмигивает. Значит, покинуть, да?.. Но школьный друг не хочет никуда уходить. Он отлично понимает, что его присут-

ствие необходимо, и он не хочет давать мужу никакого преимущества. Вот так-с!..

Богатырь снисходительно улыбается и выкладывает на стол свой огромный, бронебойный кулачище. Увидев такой аргумент, любой колхозный бык наверняка упал в обморок. Но худосочный снова смеется.

«Дело в том, – вкрадчиво и тихо говорит он, – что ты не можешь его выставить!» Богатырь удивлен: как это?!.. «Я и вдруг не могу кого-то выгнать из своего дома?!» – написано на его лице. «Не можешь, – говорит худосочный, – не можешь, потому что гость больше и сильнее тебя».

Богатырь не понимает. Он искренне старается представить человека больше и сильнее себя и не может.

Худосочный вскакивает с места и, размахивая руками, словно входящий в экстаз шаман, начинает метаться по купе. «Бо-о-ольше-э, пойми ты, бо-о-ольше-э-э! – кричит он. – Во-о-от такой мужик!» Рука худосочного тянется к потолку. Он даже подпрыгивает.

У меня пропадают остатки сна. Я лежу, уткнувшись лицом в подушку, и с трудом удерживаюсь от хохота.

Богатырь как замороженный смотрит на шаманский танец худосочного. В его глазах наконец-то появляется сомнение относительно собственной неуязвимости. Значит больше, думает он, на целую голову, наверное, больше?..

Худосочный радостно кивает. Ну, конечно, же!..

Ах, черт возьми, стоило бы видеть глаза добродушного ги-

ганта в тот момент! Какое смятение чувств!.. Мир вдруг рухнул!! Оказывается, не только он может взять кого-то за шиворот и выставить вон... Могут и его. Жена, любимая Танюшка, будет решать его и свою судьбу, а он будет стоять у запертой двери, зная, что в это время возле нее вертится какой-то отвратительный тип. И он будет не в силах защитить свою Танюшку от страшной ошибки. Нет, мир даже не рухнул, Петрович!.. Хуже. Мир перевернулся кверху дном: потолок стал полом, белое – черным, а могучее собственное «я» богатыря вдруг превратилось в слабое, беззащитное создание.

Бо-о-о-о-ольше-э-э-э !..

Богатыря настолько поражает эта простая мысль, что он уже не в силах продолжить разговор. Он бормочет что-то невразумительное и несколько раз, смешно споткнувшись на ровном месте, лезет на верхнюю полку... Как раненый зверь в нору. Теперь он – весь в себе. Его больше ничего не интересует кроме той страшной, порожденной иезуитским умом чудосочного, картины.

Бо-о-о-льше-э-э-э !..

Богатырь ложится лицом в подушку. Но ощущение катастрофы не дает ему покоя ни через полчаса, ни через час, ни через три. С болезненным любопытством он снова и снова прокручивает перед собой различные варианты развития событий. Несколько раз он бросается в драку и побеждает своего соперника. Он валит его на пол, рвет на части, а то,

что остается от страшного гостя, еще долго топчет могучими ногами. Но враг неистребим. Он возникает снова и снова и его нельзя победить. Потому что он БОЛЬШЕ... Он СИЛЬНЕЕ!

Тяжелые, богатырские вздохи слышны, наверное, в конце вагона.

В конце концов тупиковая ситуация заставляет богатыря повнимательнее присмотреться к своей Танюшке. А она что же?.. Сидит и молча смотрит, как ее мужа во время драки за шкуру вытаскивают из дома? Да, сидит и смотрит, подсказывает богатырю внутренний голос чем-то очень похожий на голос худосочного. Потому что женщина еще ничего не решила. Богатырь готов вопить от боли. И он кричит, там, внутри себя, о том, что Танюшка его любит. Она любит только его и никого больше! Внутренний голос тут же противно хихикает. Ну, мало ли, шепчет голос, что ты там себе напридумывал? А вот теперь твоя Танюшка сидит и решает...

Богатырь рычит в подушку от собственного бессилия и тихо, почти по-детски, стонет. Он не спит всю ночь. Он страдает и страдает так сильно, что наверняка находится на грани безумия.

Утром богатырь выходит – он приехал... Я выхожу следом за ним, мне нужно купить сигареты. Богатырь долго стоит на перроне и оглядывается по сторонам. Потом, почему-то краснея, он подходит к старушке с цветами и протягивает ей деньги. Ах, черт возьми, – цветы!.. Цветы жене. Я готов хо-

хотать от восторга: по перрону идет гигант с беззащитными глазами ребенка, глазами, уставшими от ночного ужаса. Он держит перед собой, в огромном кулаке, крохотный букетик тюльпанов. И будь я проклят, если он не держал этот букетик так, как держат щит.

Богатырь нашел выход. Он отыскал его там, в глубине самого себя. Он еще не пришел домой, но его взгляд кричит: «Пожалуйста, люби меня! Пусть рухнет все, пусть исчезнут страны и континенты, пусть рухнет весь мир, но только ты люби меня! И тогда нет и не будет на всей Земле силы, которая смогла бы победить нас с тобой», – Витька громко рассмеялся. – Интересно, какой идиот сказал, что настоящую трагедию можно увидеть только на сцене театра? Наверное, он был худосочным, горбоносим типом в полосатой майке. Он выдумал бесчисленное множество историй об изменах, коварстве и предательстве, но так и не понял, что история разделенной и преданной любви в тысячу... Нет, в миллионы раз, трагичней!

– Это ты снова о себе, что ли? – перебил племянника Петрович.

– Нет, – быстро ответил Витька. Его лицо вдруг стало серьезным. – Кстати, я уже говорил, что это только рассказ... Ну, это самое... Забавно просто, понимаешь?

– Понимаю, – Петрович покосился на племянника и на мгновение в его взгляде вдруг промелькнула неожиданная жалость. – Придумываешь ты много, Витька... Только за-

чем? Может и забавный твой рассказ, только я с тем худым и горбоносым говорить бы не стал.

– Почему?

– Да потому что это все равно что с чертом беседовать.

Шагов десять или чуть больше компаньоны прошли молча.

– Может быть ты и прав, дядь Коль... – сказал Витька. Он болезненно поморщился и спустя еще пару шагов добавил. – Ну, придумал и ладно. Хотя, что я там придумал? А ничего!..

– А смеялся в конце зачем?

Витька отвернулся и глухо, мрачно сказал:

– От радости это я, дядь Коль...

Внутреннее оформление забегаловки выбранной племянником оказалось вполне приличным. По крайней мере, пол и стены питейного заведения были чистыми, а на подоконниках не лежали остатки обгрызенной снеди. В углу, за длинным столом о чем-то неторопливо беседовала группа мужчин в неброских, рабочих куртках.

Витька взял пару кружек пива и направился прямо к ней. Петрович устроился неподалеку за маленьким круглым столиком. Старик чувствовал себя явно не в своей тарелке. Сухой бутерброд не лез в горло, а пиво старик не любил...

Уже через пару минут мужчины за длинным столом весело смеялись над шутками Витьки.

– Мужики, сколько будет дважды два?

– Ну, четыре.

– Нет, семнадцать.

– Почему?

– Инфляция!

Вступительная часть, состоящая исключительно из анекдотов, заняла у Витьки не так немного времени. Переходя к делу и как бы между прочим, Витька рассказал, заранее придуманную «серьезную историю». Ее смысл заключался в том, что, оказывается, Витьке здорово помогла взятая в дом черная кошка.

– Что, и с водкой завязал? – удивился мужчина с измученным лицом неоднократно бросавшего пить человека.

– Бросить не бросил, но теперь меру знаю, – твердо сказал Витька.

Будущий монополист отлично понимал, что вряд ли кто из собравшихся за столом вот так, запросто, согласился бы расстаться со спиртным. С другой стороны он знал, что почти любой российский мужик довольно частенько (и особенно с похмелья) подумывает о том, как бы доказать себе и окружающим, что его привязанность к спиртному настолько ничтожна, что на нее не стоит обращать внимания.

– Так что теперь у меня есть и сто грамм, но есть и стоп-кран, – продолжил Витька. – Кстати, тут недалеко, на окраине, какой-то Петрович живет. Может, слышали? Вот у него я и взял эту кошку.

– Я слышал, – подтвердил один.

– И я...

– А я в газете недавно объявление прочитал, – сказал измученный. – Куплю, мол, черную кошку с зелеными глазами за любые деньги.

– О!.. – Витька многозначительно поднял вверх указательный палец. – А, между прочим, люди не дураки и деньги за ерунду платить не будут. Мне недавно один знающий человек объяснил, чем черные кошки от всех остальных отличаются. Вот, к примеру, возьмем ведьм. Кто знает, почему они у себя дома только черных кошек держат?

Мужчины задумались. Вопрос показался им довольно любопытным. Полный мужчина в очках приоткрыл было рот, что бы высказать свое предположение, но Витька снова заговорил первым.

– Оказывается все просто. Черная кошка из дома всю заразу выносит: злость, зависть и прочую нечисть. А иначе сами ведьмы захлебнулись бы в ней.

«Вот ведь черт, а?! – подумал Петрович. – Придумывает на ходу, то есть врет напропалую и даже не краснеет».

Но приведенное Витькой доказательство показалось собравшимся убедительным.

– А поэтому люди и не любят, когда им дорогу черные кошки перебегают? – продолжил развивать тему за Витьку полный мужчина в очках, очевидно уже забывший свое первоначальное предположение. – Черные кошки на дороге эту нечисть оставляют. А ведьмы радуются.

Разговор перешел на ведьм.

– Против ведьм самое верное средство – серебряная пуля, – заявил «измученный». Он посмотрел на Витьку, ожидая от него, как специалиста, подтверждения своих слов. – Только, значит, что бы без промаха.

– Правильно, – согласился Витька.

– Или серебряная дробь.

– На худой конец можно и серебряным ножиком по горлу, – вставил свое слово очкастый.

Собрание запротестовало. Никто и никогда не видел, что бы в кинофильмах резали ведьм серебряными ножиками.

– Да ерунда все это! – вдруг заявил до сих пор помалкивающий хмурый усач. – Все ерунда: и ведьмы ваши, и кошки, и серебряные ножики.

Все собравшиеся посмотрели на усача. Витька снисходительно усмехнулся. Он отлично знал, что когда дело касается мистики, сомневающиеся всегда остаются в меньшинстве. Ведь у большинства всегда найдется в запасе пара-тройка историй, подтверждающих, пусть и субъективно, существование потусторонних сил. По этой простой причине споры с сомневающимися материалистами всегда превращаются в их интеллектуальное избиение. Закономерность и сухость материализма просто не могла, не умела (да и хотела ли сама?) отражать напор аргументов сторонников мистицизма: всегда противоречивых, всегда слишком эмоциональных и почти всегда абсолютно глупых.

Хмурого усача быстро уговорили сдаться. Уже раскаиваясь в своих материалистических заблуждениях он признался в том, что не более как год назад видел в своей спальне тень усопшего прадедушки. Что делала в спальне загробная тень и почему только тень, а не сам дедушка собственной персоной, усачу сказать уже не дали. Сторонникам мистицизма был важен сам факт отречения от материалистических заблуждений, а не следующее за ним раскаяние.

– Я вот помню, с моим отцом такой случай был, – заговорил «измученный». – Вышел он как-то ночью покурить на веранду, а на веранде мать еще вечером три простыни сушить развесила. Покурил, значит, отец, а потом к окну за чем-то подойти ему захотелось. Нагнулся он... – рассказчик показал слушателям, как именно его отец нагнулся, не поясняя при этом, зачем человеку нагибаться, если он хочет заглянуть в окно. – А одна простыня возьми и упади ему на голову...

Дальнейшие приключения запутавшегося в простыне отца были ужасны, но настолько нелепы, что только ожидание страшного финала удерживало слушателей от очередного зевка.

Витька кусал губы и молчал... Если бы этот разговор происходил в деревне и Витьке не нужно было бы заботиться о предпродажной рекламе черных кошек, он с огромным удовольствием дал волю своему острому языку. Первое, о чем бы спросил Витька «измученного», это сколько стаканов са-

могона выпил папаша рассказчика прежде, чем выйти покурить на веранду. Но зарождающийся бизнес требовал ласковой, почти демократической, терпимости к ближнему и будущий монополист только согласно кивал головой. Он даже попытался подсказать рассказчику возможное развитие его истории, задавая наводящие вопросы: не было ли где поблизости черной кошки и если не было, то может быть после всего пережитого им папаша, наконец-то, решил ее приобрести? Но рассказчик упорно обыгрывал события вокруг загадочной простыни и оконной рамы, в которую благополучно вывалился его папаша, совсем не обращая внимания на предполагаемых Витькой кошек.

После нескольких тщетных попыток новообращенному усачу удалось вклиниться в разговор. Правда, только после того, как Витька предварительно убедился, что главным героем рассказа усатого является именно черная кошка.

Усатый начал свою историю так же, как это делали до него остальные: неторопливо отхлебывая пиво и со значением произнося каждое слово. Но по мере того, как слушатели начинали терять терпение, повествование рассказчика все более убыстрялось и ближе к концу рассказа усач уже хватал своих слушателей за руки и пытался перекрычать их.

Витька не выдержал и все-таки улыбнулся...

За день Витька и Петрович обошли шесть пивных. Старика приятно удивил тот факт, что Витька почти не притраги-

вался к спиртному. Точнее говоря, он делал это только для вида. Рано или поздно купленные племянником кружки пива доставались другим.

– Просто не хочу и все, – пояснил Витька Петровичу. – Не то настроение. О деле думать надо.

Вместе с тем племянник все больше мрачнел.

– Ерунда все это, – в конце концов, заявил он старику. – Не то все, не то!.. Большинство наших клиентов, уже завтра с чистой совестью забудет все услышанное. Нужно что-то другое.

– Что, Витьк?

Племянник вздохнул.

– Будем думать, дядь Коль.

Компаньоны зашли домой и, захватив с собой сумку с продуктами, направились на котоферму.

Размокшая от дождя проселочная дорога была скользкой как масло. Витька брел по обочине и ругал на погоду. Петрович шел следом за племянником. Днем он все-таки выпил пол-кружки пива и у него болела голова. Кроме того, Петровича мучила совесть. Несколько раз старик пытался присоединиться к компании любителей мистики. Но его попытки оказались настолько неумелыми и жалкими, что о них было стыдно вспоминать. Стыд был жгучим и почти детским. Старик прожил долгую жизнь, но так и научился врать.

На котоферме все было в порядке. Петрович расставил плошки с едой. Кошки и коты ели жадно с недоверием по-

смастривая друг на друга. Витька в очередной раз обследовал помещение в целях предотвращения возможного побега. Потом будущий монополист заменил песок в двух больших, плоских ящиках – запах в комнатах оставлял желать лучшего. Снаружи Витька вернулся с мокрой от дождя головой.

– Опять льет, – ворчал он. – Что за слезливая погода такая, а?

Петрович открыл окна. На подоконник прыгнула кошка. Она жадно понюхала свежий, сырой воздух и посмотрела вниз. Земля была далеко.

Старик погрозил кошке пальцем.

– Нельзя!.. Разобьешься.

– Слышь, дядь Коль, – окликнул старика Витька. – Ты помнишь кошку, которую ты первой принес?

– Ну?.. – старик насторожился. – А что?

– Окотилась она.

– Давно?

– Почти сразу же.

Петрович вспомнил свой визит к безобразной старухе и невольно поежился.

– Ну и хорошо, что окотилась, – нехотя буркнул он.

– Да ничего хорошего. Потому что получилось как в сказке Пушкина: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь...» Одним словом, уroda какого-то эта кошка принесла. Пошли-ка, посмотрим.

– Да ну его, Витьк!..

– Пошли, пошли. Интересно же.

Компаньоны спустились на второй этаж.

Кошка старухи с котенком приютилась в угловой комнате. Там было темно и тихо. Кошка лежала на старом ватнике, заботливо подложенном Петровичем, и тяжело дышала. Рядом с ней ворочалось что-то большое и лохматое. Витька безбоязненно взял это нечто в руки.

– Вот ведь дьявол, а? – удивился племянник. – Какой тяжелый стал. Растет так, как будто его насосом накачивают.

Петрович невольно попятился. Котенок был ужасен: очень крупный, с большой не по размеру головой и скошенной набок пастью, он производил по-настоящему отталкивающее впечатление. Нижняя, плоская челюсть уродца заметно шевелилась, но он не издавал ни звука. Ушей у котенка почти не было, а большие, на выкате, глаза были плотно закрыты. Короткий, рысий хвост судорожно дергался из стороны в сторону.

Витька хмыкнул.

– Ишь ты, какой нервный! – племянник взял уродца за шиворот. – Ты ему на зубы посмотри, дядь Коль. Прикус как у бульдога.

– Да он и на котенка-то не похож, – неприятно удивился старик.

– Мутант, – Витька кивнул на кошку. – Наверное, старая, а в последних пометах у них такое иногда встречается.

– Витьк, выбрось ты его, а? – попросил старик – Это же

выродок какой-то. Кто у нас его купит?

– Пусть живет, – Витька положил котенка рядом с кошкой. – Потом посмотрим и решим. А может быть, как раз за него мы неплохие деньги выручим, а?

Уродец подполз к сильно облысевшему животу матери и ткнулся в него уродливой головой. Кошка с трудом оторвала голову от подстилки, посмотрела на старика и жалобно мяукнула.

Петрович поставил на пол две миски с кашей и молоком. Компаньоны быстро вышли...

Глава тринадцатая

Рецептов семейного счастья не знает никто. Даже добрые сказочники обрывают свои истории на свадьбах, искренне полагая, что все интересное в жизни их героев уже произошло. Впрочем, сказочников можно легко понять: по-житейски грубое определение семьи, как ячейки общества, способно растерзать на клочки любую нежную мечтательность. Ячейка!.. Это что-то длинное, узкое и темное среди сотен миллионов таких же крошечных и одинаковых дырочек. Ячейка лишена лица, она только крохотная, типографская точка на газетном портрете общества. Одетое в отутюженный, серый костюм общество неподвижно и строго. И даже газетный лист, на котором оно изображено, кажется вечным.

– Послушайте, а куда направилась вон та парочка?

– В ячейку. Говорят, недавно одна освободилась.

– А зачем?

– Жить.

– Они что, с ума сошли?!..

– Нет, они хотят стать ячейкой общества.

Ячейкой... Частичкой... Маленькой крошкой, видимой только благодаря гораздо большему, то есть тому, что рядом с одной точкой находятся миллионы таких же.

Но давайте внимательнее присмотримся к вон той парочке. У девушки длинные ноги, милое лицо и нежная кожа. Она совсем не похожа на частичку. Ее муж умен, добр и великодушен. Господи, он же совсем не крошка, этот парень под метр девяносто! Но они живут вместе и каждый день смотрят друг на друга. А когда это уже порядком начинает надоедать обоим, они выглядывают из ячейки наружу. Там, снаружи, кипит жизнь!.. Там не пахнет пеленками. Там мужчины не зевают по вечерам и не расхаживают перед своими возлюбленными в семейных трусах. А женщины!.. Женщины не пилят своих мужчин. Они с такой отчаянной решимостью вешаются на шею своих любовников, что поневоле в голову закрадывается мысль: это любовь!.. Настоящая, а не та крохотная и будничная, которая прячется в серой ячейке общества.

Но, увы!.. Вы сами – уже в ячейке. Жизнь, жизнь данная вам только один раз, становится похожей на безбрежный океан, обозреваемый с одинокой и неудобной скалы. На телеэкране поют и дергают животами все те же певцы и певицы с улыбками профессиональных девушек, но вас уже нет в радостно размахивающей руками толпе.

Вы свили свое гнездо.

Вы свое отгуляли.

И вообще, вам нужно думать о менструальном цикле, что бы не залететь еще раз.

– Слушай, ты когда-нибудь вынесешь мусорное ведро?!..

И не забудь сегодня искупаться. От тебя воняет потом.

– Не воняет, а пахнет. Где мои тапочки?.. Тапки где, я тебя спрашиваю?!

– Не кричи. Я положила их на шкаф.

– Дура!

– Я не дура! Теперь ты будешь знать, где лежат твои тапочки, и перестанешь приставать ко мне с глупыми вопросами.

– Не ори на меня! Лучше успокой ребенка. Он уже в нас погремущками швыряется.

– Я занята.

– А я пошел выносить мусор.

– Нашел время!..

Паша Мушкин ушел от своей жены два года назад. Сначала брошенная женщина страдала. Один раз она даже пришла к Паше домой. Стесняясь присутствия свекрови, Надя скороговоркой попросила мужа вернуться. Паша посмотрел на скучное лицо жены, и отлично понимая, к чему ему придется возвращаться, сказал твердое мужское «нет». Надя облегченно вздохнула и ушла. Теперь, после отказа Паши молодая женщина смело могла считать себя брошенной женой, и уже никто не в праве был упрекнуть ее в том, что она заново занялась устройством личной жизни.

Через пару недель Паша сильно напился и зачем-то приперся к своей, теперь уже бывшей, супруге. К своему немалому удивлению Паша увидел перед собой совсем другую

женщину. Надя похудела, но это только больше подчеркивало какое-то новое, еще не виданное Пашей, сияющее выражение женских глаз. После недолгого разговора Паше удалось, наконец, выяснить, что теперь Надя любит другого человека. Он невольно сравнил то, как радостно блестят женские глаза сейчас и как тускло они мерцали две недели назад, когда его довольно формально уговаривали вернуться в лоно семьи. Результат сравнения получился явно не в пользу Паши. Ему стало обидно. За прошедшие две недели он так и не успел никого полюбить с такой же страстью, на которую вдруг оказалась способной Надя.

– Ты опоздал!..

Эта последняя фраза еще долго звучала в голове у Паши. Он никак не мог понять как, каким образом, прожив с любимой женщиной несколько лет, можно опоздать всего лишь за пару недель? И почему их общий багаж нажитого счастья оказался настолько скудным, что его не хватило даже на столь малое время?

Прошло два года. Сначала Паша откровенно наслаждался всеми прелестями холостой жизни, но однажды утром он проснулся в грязной, неухоженной квартире, в самом отвратительном настроении и с сильной головной болью после вчерашней выпивки. Стараясь не смотреть на окружающий его бардак, Паша быстро умылся, кое-как привел себя в порядок и быстро вышел на улицу.

«Все, теперь точно завязываю с пьянками! – зло думал

он. – Не могу больше пить. Это же чистое свинство, честное слово. Кажется, вчера чуть телевизор не продал. А зачем?.. Вот идиот!»

Вчерашнюю выпивку с друзьями Паша помнил смутно. Точнее говоря, в самом черном свете. А теперь на душе было пусто и холодно как в казенном вестибюле.

В течение двух последних лет Паша бросал пить чуть ли не каждый месяц. Но его самая существенная победа над собой – две недели воздержания от спиртного – была скорее уже фактом историческим, фактом годным лишь на то, что бы приводить его, как пример собственной силы воли в пьяных спорах с друзьями.

Продолжая размышлять о бесперспективности собственной жизни, Паша с трудом втиснулся в переполненный троллейбус. Салон стонал от переизбытка плотно спрессованных тел. Глупее всех в толпе выглядели люди с гордыми, независимыми лицами. Они явно не умели страдать и чаще других переходили на грубый, рыночный крик.

На следующей остановке вышло довольно много пассажиров. Оставшиеся облегченно вздохнули, но почти тотчас внутри устремился другой поток, встречный. Кандидаты в пассажиры врывались в салон с радостными лицами махновцев, наконец-то дорвавшихся до пугливого эшелона, и с ходу вступали в перепалку с коренными пассажирами. Особенно сильно свирепствовали пенсионеры и пожилые, но еще крепкие женщины с громоздкими, базарными сумками. Ед-

ва войдя в салон и боясь пропустить не такую уж далекую, судя по их поведению, остановку, они останавливались тут же, у входа, и завязывали словесную дуэль со всеми, кто подворачивался под руку. Следующим кандидатам в пассажиры приходилось продираться в салон через плотную баррикаду из многопудовых сумок, не до конца сложенных детских колясок с грязными колесиками, толстых и недвижимых торсов, а так же не совсем благих словесных пожеланий.

Салон трамбовался в течение двух долгих минут. Добродушный троллейбус, очевидно, решил разместить внутри себя всех желающих.

– Слышь, шеф! – наконец не выдержал и звонко крикнул кто-то. – Ты еще сверху ногами потопчи, тогда точно вдвое больше трупов уместится... Поехали, черт!

Многие рассмеялись.

Паша устроился довольно неплохо. По крайней мере, ему не пришлось стоять на одной ноге. Правда, сдвинуться с места или хоть как-то изменить положение тела он не мог: слева от Паши возвышался безразличный толстяк, справа на открытую Пашину ладонь давили пышные женские бедра, а за спиной устроилась девочка с кактусом. Любая попытка изменить положение тела грозила Паше или грубым непониманием, или скандалом, или заурядной физической болью.

«Как гвоздь!» – подумал Паша и улыбнулся.

В салон протискивались последние пассажиры. Толпа качнулась. Пронырнув под высоко поднятой рукой толстяка,

перед Пашей всплыло женское лицо. Он безразлично скользнул по нему глазами и... Вздрогнул. Прямо перед ним, на расстоянии каких-то пяти сантиметров, замерло лицо Нади. Бывшие супруги стояли так близко, что ощущали дыхание друг друга.

Встретившись глазами, они тут же попытались отвернуться друг от друга. Паше сразу же сильно укололо под лопатку. Надю грубо толкнули в плечо. Следующие попытки бывших супругов разойтись оказалась не такими же неудачными.

Паша криво усмехнулся. Он чуть было не сказал вслух: «Надо же, елки-палки, а?!..» Усмешка бывшего мужа оказалась Наде обидной.

Молодая женщина постаралась усмехнуться точно также и иронично сказала:

– Привет, Паша.

– Здравствуй, – нехотя буркнул в ответ бывший супруг.

Оба немного помолчали. Паша повертел шеей, но лицо Нади было настолько близко, что отвернуться от него можно было только добровольно вывихнув позвоночник.

«Везет как последнему идиоту, – с горечью подумал бывший муж. – Честное слово, бросаю пить и баста!»

– Дочка как?.. – уже вслух и безразлично спросил он.

– Жива-здорова, – резко ответила Надя.

Бывший муж продолжал глупо улыбаться, и эта улыбка окончательно вывела женщину из себя.

– Слушай, Паша, ты работу, что ли, поприличнее себе на-

шел, а? – громко, так что бы слышали другие пассажиры, сказала Надя. – Не алименты, а гроши какие-то получаю.

– Денег не хватает? – огрызнулся Паша.

Замечание Нади укололо его больше кактуса.

– Хватает. Просто мне твои гроши стыдно на почте получать.

Паша попытался пожать плечами.

– Так откажись.

Надя сузила глаза. Выход, подсказанный бывшим мужем, звучал как издевательство. Женщина смерила Пашу презрительным взглядом.

– Плоховато, как я погляжу, ты живешь, – холодно сказала она. – Рубашка грязная, небритый и пахнет от тебя как от помойного ведра. Совсем одичал, да? Кстати, я слышала, что от тебя недавно моя заместительница сбежала.

Пашу передернуло. «Как от помойного ведра!..» Что касается «заместительницы», то Паша искренне хотел забыть женщину, с которой расстался месяц назад. Она была толста, криклива и Паша терпел ее только из-за своих хронических пьянок.

– А тебе-то что? – грозно спросил Паша.

– Просто интересно, – продолжала издеваться Надя. – Как-то раз я твою «любовь» на рынке видела. Ух, и горластая бабенка!

Паша покраснел и тихо выругался.

– А иди ты!..

– Рада бы да не пускают, – Надя притворно вздохнула. – Откровенно говоря, мне с тобой даже стоять рядом противно.

– Из золота, что ли, сделана?

– А ты завидуешь?

– Тебе?!..

– Мне.

Паша более внимательно присмотрелся к бывшей жене. За последнее время она сильно изменилось и на этот раз совсем не в лучшую сторону. Лицо Нади осунулось и пожелтело. Под глазами, не смотря на слой пудры, отчетливо виднелись, темные круги. Когда-то пухлые и красивые губы потеряли свою прежнюю привлекательность и стали похожи на бесформенное пятно.

– А чему мне завидовать? – делано удивился Паша. – Куртку вот, что на тебе сейчас, кажется, я еще три года назад покупал?

Надя прикусила нижнюю губу. Бывший муж был прав.

– А еще я слышал, что и от тебя сожитель сбежал, – продолжил Паша. – Сел в свой «Мерседес» и укатил. Ты металась возле машины, заламывала руки, а этот тип даже не опустил стекло. Тебе нужно было попробовать удержать его за бампер. Кстати, каким по счету он у тебя был? Пятым или шестым?.. Хотя, я понимаю, тебе не везет и ты постоянно опаздываешь.

Надя попыталась поднять плотно прижатую к телу руку,

но не смогла.

– Ох, и гад же ты, Паша! – тихо и хрипло сказала она.

– А ты на меня глаза не выкатывай, – сквозь зубы проговорил Паша. – Ты говоришь, я плохо живу?.. Ты лучше на себя посмотри. У тебя же уже не лицо, а морда последней стервы.

Надя плюнула своему бывшему мужу в лицо. Не раздумывая, Паша сделал тоже самое. Надя плюнула еще раз. Паша тоже.

Безразличный толстяк покосился на Пашу и когда тот попытался вытащить руку, шевельнул своим массивным телом так, что Паша едва не вывихнул плечо.

– Дядя, не дергайтесь, пожалуйста! – подала свой голос девочка с кактусом. – Стойте тихо. Я у вас сейчас из спины иголки вытащу.

Надя рычала от бешенства. Ей удалось вытащить одну руку. Даже не попытавшись вытереть лицо, она замахнулась, но руку перехватил толстяк. Он по-прежнему смотрел в окно и делал вид, что ничего не происходит.

Троллейбус остановился на перекрестке.

Бывшие супруги смотрели друг на друга с нескрываемой ненавистью.

– Подонок! – громко сказала Надя.

– А ты сука! – не остался в долгу Паша.

Плевки в лица друг другу возобновились. И самым страшным было то, что такая дуэль могла продолжаться бесконеч-

но долго. А троллейбус стоял и стоял... Время текло медленно, как самое страшное наказание.

На ближайшей остановке толстяк, молча ворочая животом, вытеснил Пашу из салона. Он немного подождал, пока не закроются двери троллейбуса, и быстро пошел прочь.

Паша вытер лицо и сел на лавочку. Сердце бешено стучало, в висках с гулом пульсировала кровь. Паша попробовал закурить, но его едва не вырвало. В горле комом стояла похмельная тошнота.

«К черту все, к черту, к черту!.. – зло и безостановочно думал Паша. – Если бы не толстяк, я бы ее убил... Честное слово, убил бы! – Паша закрыл лицо руками и застонал. – Господи, за что меня так, за что?!.. Что я такого сделал?.. Чем я хуже других?.. Почему мне так плохо? Господи, если бы ты только знал, как же мне плохо!..»

Паша вспомнил, что совсем недавно видел Надю во сне. Она стояла на пороге квартиры и улыбалась. Паша посторожился. Надя прошла в комнату, поставила на стол сумку с продуктами и осмотрелась.

– У тебя беспорядок, – просто сказала она. – Я сейчас все уберу...

Там, во сне, Паша спросил, что именно Надя хочет убрать. Она засмеялась и коротко ответила:

– Все лишнее.

Сон Паша запомнил смутно. Но ему врезалось в память то удивительное, почти реальное ощущение покоя, которое он

испытывал, рассматривая счастливое лицо Нади. Этот покой был похож на тишину после майского, теплого дождя. Еще Паша очень хорошо запомнил последнюю фразу жены:

– Вот видишь, ты же можешь не пить...

Что-то осторожно прикоснулось к ноге Паши. Он убрал от лица руки и посмотрел вниз. Перед ним, на земле, стоял крошечный, черный, очень худой и грязный котенок. Он смотрел на человека огромными зелеными глазами и словно чего-то ждал.

Паша вымучено улыбнулся.

– Ты что тут делаешь, бродяга? – спросил он.

Котенок тихо, почти беззвучно мяукнул.

– Плохо, да?.. И мне тоже, брат, совсем хреново.

Котенок доверчиво потерся о штанину.

«Хоть кота себе заведу, – с горечью подумал Паша. – Иначе от одиночества скоро в петлю полезу или в психушку попаду...»

Он оглянулся по сторонам. Где-то недалеко должны были продавать пирожки. Паша встал.

– Пошли со мной, бродяга!.. Кис-кис-кис, – позвал он. – Пошли, накормлю тебя.

Котенок охотно побежал следом. Он торопился и то и дело налетал на ногу Паши. Желая угодить новому хозяину, он несколько раз пытался игриво ударить когтистой лапкой по штанине, но тут же, от слабости, валился на бок.

«Хоть какая-то забота будет, – продолжал размышлять

Паша. – А, кроме того, люди говорят, что приبلудные коты – всегда к счастью...»

Мимо Паши, едва не задев его плечом, прошагал высокий мужчина в кожаной куртке. Мужчина внимательно оглядывался по сторонам, как будто что-то искал. В руках он держал хозяйственную сумку.

Увлеченный своими мыслями Паша оглянулся только возле лотка с пирожками. Котенок исчез.

– Кис-кис-кис... – растерянно позвал Паша.

– Не приманивай сюда этих блохастых – строго сказала продавщица. – Только что разогнала их.

Высокий мужчина в кожаной куртке свернул за угол и исчез.

Паша ждал котенка целых пять минут. Только когда надежда полностью исчезла, он, ссутулившись, побрел прочь...

За углом Витька тщательно осмотрел котенка.

«Худой очень, но сойдет, – решил он. – Подкормим, станет не хуже других. Нужно только его на котоферму так подбросить, что бы Ленка и Петрович не догадались. Иначе, ругаться будут...»

Витька вытащил из кармана листок с адресом и пробежал его глазами.

– Должно быть где-то здесь... – пробормотал он.

Глава четырнадцатая

Проводы на работу любимого мужа – прежде всего ритуал и в каком-то смысле этот ритуал не лишен и мистики. Конечно, дымящаяся чашечка кофе – не котел с волшебным варевом, но весь вопрос в том, для кого готовит кофе женщина. Пусть приносимая на алтарь любви жертва – лишняя полчаша сладкого, утреннего сна – не велика, но зато она постоянна как любящее, женское сердце. Ох, уж это женское сердце!.. Еще пару тысяч лет назад какая-нибудь индианка подбрасывала мужу в утренний кофе мышиную лапку и шептала волшебные слова: «Приворожи моего блудливого мужа, о Великий Монтесума. Пусть мой супруг Быстроногий Гуляющий Кобель знает только свой вигвам и не сует горбатый нос между грудей чужих женщин!» Впрочем, как утверждал один деревенский философ, женщине всегда свойственно переделывать мужчину на свой лад.

Елизавете Сергеевне недавно исполнилось двадцать девять лет. Этот чудесный, переходный возраст между молодостью и окончательной зрелостью, когда большинство интеллигентных женщин еще не лишены романтических устремлений, но уже, пусть еще и робко, начинающих проявлять к мужчинам и чисто меркантильный интерес, не внес в тонкую, лирическую душу Лизы прозаического диссонанса.

Вечный женский вопрос: быть любимой или любить самой никогда не мучил девушку. Она любила сама. Ее любовь была долгой и страстной. Лиза боролась за любимого человека целых пять лет и, в конце концов, одержала чистую победу: сочный, по-голливудски красивый Игорь Николаевич внес ее в загс на руках. Но если мужчина праздновал только свадьбу, то Лиза, кроме этого, и свою чисто женскую победу. Впрочем, она была достаточно умна и никогда не говорила о ней вслух...

Лиза поставила поднос с горячим кофе на столик, села на кровать и склонилась над мужем.

– Киск, а Киск, – ласково пропела она. – Пора вставать.

«Киск» лениво приоткрыл один глаз.

– Сколько раз можно просить, – пробормотал Игорь Николаевич, поворачиваясь на другой бок. – Не называй меня кошачьими именами. Терпеть не могу кошек. Кофе готов?

– Да, сэр!

Муж зевнул и открыл второй глаз. Лиза поцеловала Игоря в щеку. Мужественное лицо возлюбленного, немного припухшее после сна, подобрело. Он взъерошил волосы жены и снисходительно спросил:

– Как дела, Малыш?

– Все отлично, сэр! – бойко отрапортовала Лиза – В каком часу вы прибудете сегодня вечером?

– К восьми буду.

– А раньше?

– Куда уж раньше, – Игорь сладко потянулся. – Боже, как не хочется вставать!

Сборы мужа на работу заняли чуть меньше академического часа. Как и положено любящей женщине, Лиза принимала в них самое непосредственное участие: она приносила мужу горячую воду, когда он брился, искала второй, пропавший носок и заботливо одергивала сзади строгий, деловой костюм супруга.

У порога квартиры Игорь поцеловал жену в щеку. Лиза прижалась к крепкому, мужскому плечу и скользнула взглядом по тщательно отглаженным брюкам. На правой штанине мужа висела ярко красная нитка. Один ее конец цепко держался за ворсистую ткань, а второй лежал на полу.

«Как хвостик какой-то, – подумала Лиза. – Сейчас я ее сниму...»

И уже вслух спросила:

– Так, когда ты вернешься?

– В девять.

Лиза удивилась и забыла о нитке.

– Ты же говорил, что в восемь.

– Подлизочка, я не могу прийти в восемь, – улыбнулся Игорь. – Сегодня я встречаюсь с губернатором. Боюсь, что эта деловая встреча не обойдется без застолья.

– Ладно, так и быть, – «Подлизочка» вздохнула. – Только не пей много. Хорошо? – женщина посмотрела мужу в глаза и с тихой, улыбчивой надеждой спросила: – Я тебе ведь еще

не надоела, правда?

– Ну что ты! Наш медовый месяц продолжается только полгода, – Игорь Николаевич мягко освободился от объятий. – Ну, пока!..

Дверь захлопнулась.

Лиза посмотрела на часы. Сегодня у нее был операционный день и на работе ее ждали только к одиннадцати часам. После недолгих колебаний Лиза решила вынести мусор. Она не хотела беспокоить лишний раз вечером своего мужа. Захватив ведро, и весело напевая под нос «А ты такой холодный, как айсберг в океане...», женщина сбежала вниз по лестнице.

«Скоро мы переезжаем! – радостно думала Лиза. – И тогда мне совсем не надо будет бегать с мусорным ведром во двор. Ур-р-ра!!..»

На площадке второго этажа Лиза скользнула взглядом по двери с бирочкой «5». Там жила ее давняя школьная подруга Ира. На последней вечеринке, танцуя с Игорем, Ира слишком откровенно прижималась к нему и часто, до неприличия громко, хохотала.

«Что б тебя разорвало, дура!» – беззлобно подумала Лиза.

Она шагнула дальше, но неожиданно ее взгляд споткнулся на ярко красной нити. Один конец нити лежал на полу, второй исчезал за закрытой дверью.

«Забыла снять... – подумала Лиза. – Забыла...»

Она уронила мусорное ведро. Целую минуту Лиза пыта-

лась осознать случившееся, потом повернулась и, часто моргая потускневшими глазами, пошла наверх. Добравшись до квартиры, Лиза упала на диван и обхватила голову руками.

Радостный, блистающий мир семейного счастья, оказываясь, висел на тонкой, красной ниточке, как елочная игрушка. Теперь ниточка оборвалась и мир рухнул. Черное, беспросветное горе захлестнуло Лизу с головой, и она потеряла счет времени. Наступила темнота...

Из небытия Лизу вывел чужой, мужской голос.

– Извините, – сказал голос. – Я за кошкой, по объявлению.

– Берите и уходите, – не отрывая голову от подушки, глухо сказала несчастная женщина.

– А где кошка?

– Наверное, в другой комнате.

– Там я уже смотрел.

– Когда? – безразлично спросила Лиза.

– Только что.

Лизу совсем не удивило, что по ее квартире бродит незнакомый человек.

– Идите вы к черту!.. – закричала она в подушку.

Витька пожал плечами и повернулся в сторону двери. Внизу обиженно и громко вскрикнула кошка. Витька поднял ногу. Под диван метнулась черная тень.

Витька потоптался и подошел поближе.

– Она под диваном, – сказал он Лизе.

– Кто?

– Кошка. Если вы уберете ноги я смогу ее достать.

Лиза села. У незнакомца было простое, открытое лицо и широкие плечи.

«Сельский житель, – решила Лиза. – Читал стихи только в объеме школьной программы, терпеть не может философии и от всех болезней лечится спиртным. Довольно цельная натура...»

Витька улыбнулся несчастной женщине и спросил:

– Простите, у вас, наверное, неприятности?

Сама не зная почему, сбиваясь и плача, женщина рассказала незнакомцу все.

– Помогите, пожалуйста! – жалобно попросила она. – Морду Игорю набейте или еще что-нибудь... Кстати, и Ирке тоже можно набить. Наверное, кроме вас мне и попросить некого, – сквозь слезы пояснила Лиза. – Все мои знакомые интеллигентные люди. Они будут только хихикать и издеваться за глаза... Хотите, я вам заплачу?

Витька достал из-под дивана кошку. Он бегло осмотрел ее и затем куда более внимательно и задумчиво осмотрел комнату. Новобрачные жили совсем не бедно и, судя по всему, обладали достаточными ресурсами для того, что бы уже в ближайшем будущем свить более уютное семейное гнездышко. Но больше всего Витьке понравился портрет улыбочивого, толстого мужчины написанный акварелью. Его украшала шутивная, дарственная надпись: «Хирург, как и скульптор, убирает все лишнее. Лиза, не перестарайся!»

Витька опустил кошку на пол и достал сигареты.

«Дуракам везет», – подумал он.

– Во-первых, деньги это лишнее, – твердо сказал Витька вслух. – А во-вторых, проблемы есть у всех людей. Правильно?

В глазах молодой женщины появился проблеск надежды. Она прикусила свой кулачок и кивнула.

Наступила пауза. Витька многозначительно улыбнулся. Момент истины созрел со скоростью среднестатистического российского кризиса.

Лиза потеряла свой лоб и, наконец, собравшись с мыслями спросила:

– Простите, а чем я могу помочь вам в решении ваших проблем?

Витька кивнул в сторону акварельного портрета.

– Ваш знакомый?

– Да, – свой следующий монолог Лиза произнесла скороговоркой неопытного продавца неуверенного в качестве предлагаемого товара. – Это Иван Тимофеевич Кругликов. Он мой школьный друг, постоянный пациент и ведущий местного телеканала "ТВ-10". Сейчас он проходит курс восстановительной терапии в областной больнице. В моем отделении...

Витька поймал себя на мысли, что если сейчас он даст твердые гарантии относительно дальнейшей судьбы блудного мужа, сидящая напротив него женщина легко согласится

на любое преступление.

Витька встал и принялся расхаживать по комнате. У него радостно пульсировало в висках.

– Вы должны познакомить меня с вашим другом детства, – сказал он. – Легче всего, если я лягу в больницу. Рядом с Иваном Кругликовым, разумеется.

Лиза насторожилась.

– Простите, а кто вы? – тихо спросила она.

Но голос придавленного чувствами женского разума был слишком тонок и слаб.

– Я – заурядный сельский житель, – Витька остановился и, наконец, представился. Он сделал это довольно шутливо, и молодая женщина робко улыбнулась в ответ.

После непродолжительного торга оскорбленная жена и сельский житель, он же будущий монополист кошачьей торговли, ударили по рукам.

– Наказывать вашего мужа будем прямо сейчас, – бодро сказал Витька.

– Как именно? – жадно спросила Лиза.

– По-хитрому. И так, что он запомнит урок на всю оставшуюся жизнь.

Лиза приободрилась. Больше всего ей понравилось гарантия «на всю оставшуюся жизнь». Что же касается самого «урока», то выбор метода перевоспитания блудного мужа несчастная женщина с чистой совестью доверила первому встречному оказавшемуся, к ее счастью, всего лишь буду-

щим монополистом.

Витька потребовал белый халат, врачебный ридикюльчик и много разной мелочи начиная от бумаг похожих, хотя бы издали, на что-то медицинское и, кончая, обрезками стекла. Лиза суетливо заметалась по квартире.

Между делом выяснилось, что двоюродный брат Лизы Антон работает водителем «скорой помощи».

– Ваш муж его знает? – быстро спросил Витька.

– Нет... – женщина немного смутилась. – Антоши не было на нашей свадьбе.

Лиза хотела добавить, что в то время ее двоюродный брат отбывал небольшой срок за драку в ресторане, но вовремя сдержалась.

Впрочем, Витьке как всегда хватило минимума информации.

– Окна вашей подруги выходят во двор? – спросил он.

– Да...

– Позвоните своему брату. Пусть он поставит машину «скорой» под ее окнами. Кстати, если у вашего двоюродного брата появится желание, он может мне помочь. Свою роль он очень легко поймет по ходу действия. Еще мне нужна медсестра.

– А главврач вам не нужен? – сострила Лиза.

– Только в качестве пациента, – снова улыбнулся Витька.

Оптимизм «сельского жителя» явно нравился Лизе. Она послушно сняла телефонную трубку. Разговор с подругой со

станции «Скорой помощи» занял у страдающей женщины меньше минуты.

– Ох, уж эти мужики!.. – между тем лицемерно сокрушался Витька, примеривая перед зеркалом белый халат. – Всегда, понимаешь, их на сторону тянет... Халатик-то, кстати, мал. Нужно что-то придумать.

– Снимайте... – Лиза немного подумала и, решив, что стесняться особенного нечего спросила: – Простите, а вас тоже тянет?

– Куда?

– В ту самую сторону, о которой вы только что сказали?

– Ну что вы! – простодушно возмутился Витька. – Я примерный муж. Помню как-то, в шутку, конечно, заговорил со своей женой о разводе. От неожиданности она чуть не упала в обморок. Три дня за мной следом ходила, даже в баню. Все выясняла, не задумал ли, мол, чего нехорошего? А вообще-то я вам так скажу, Лиза, нет на свете живого существа способного воспринимать окружающий мир более субъективно, чем вы женщины. Например, женщины никогда не верят обещаниям, они верят тому, кто их дает...

– Вы философ?! – удивилась Лиза.

– Нет, скорее созерцатель и рассказчик чукотского типа. Я рассказываю людям о том, что вижу. Хотите, поведаю вам одну занимательную историю?

– Если есть время, то, пожалуйста, – согласилась Лиза.

История о глупом муже и хитрой жене рассказанная Витькой между делом

– Деревня, Лиза, это вам не многоэтажный город. Человека в деревне, как на ладошке, за версту, а то и за три, видно. Ну и вот, значит, пошел как-то раз муж одной нашей селянки Ольки на работу, а попал к соседке в гости. Житейское дело, в общем... Оляка это и увидела: вильнул ее муженек Петька в чужую калитку и был таков. Спрашивается, что делать? Можно было, конечно, скандал поднять или на честную драку соседку вызвать. Но Оляка по иному поступить решила: выждала она часа полтора, потом прическу свою взъерошила, кофточку разорвала и изобразила на улице такое невменяемое горе, что все соседи, за исключением любовницы ее мужа, на вопли сбежались.

Смотрят, значит, люди, а Оляка в три ручья ревет. Стали ее расспрашивать, а Оляка сквозь слезы говорит: «Соседи мои дорогие, люди добрые, муж-то мой Петечка, сволочь лысая, только что богу душу отдал». Соседи только рты открыли. Как это, мол, отдал, когда отдал и каким образом?! Оляка объясняет, так, мол, и так, только что звонили мне из милиции и сообщили, что муж ваш Петр скончался в виду полного утонутия на почве геройского подвига. Чуть позже, когда Оляка в себя от «горя» пришла, объяснила она людям,

что с ее мужем приключилось.

Многие наши деревенские мужики, Лиза, в городе работают. Город от нас совсем близко, да и автобусы через каждые полчаса ходят. Вот и привыкли наши мужики совмещать пролетарские привычки с крестьянской занятостью. С Петькой же, по словам Ольки, вот какая штука произошла: когда автобус через дамбу, что на водохранилище, переезжал, увидели вдруг пассажиры, что на воде лодка с детьми опрокинулась. Трагедия да и только! Правда, трагедия-то почти кинематографическая. Кто же, спрашивается, хоть раз видел, что бы на городском водохранилище лодки с детьми плавали? Но народ уши развесил – верит. Да оно и понятно, с чего, мол, несчастной бабе брехать-то? Короче говоря, Олькин муж Петечка первым в воду бросился детей спасать. Всех спас, а сам утонул. Вытащили пассажиры героя-Петечку на берег, а он пустил изо рта пару пузырей, да и все... Кончился мужик. Соседи, конечно, заахали. Вот ведь, мол, Петька каким героем оказался, а?! И кто бы мог подумать? С виду-то Петька всегда самым что ни на есть заурядным мужиком казался: выпить любил, от жены гульнуть. Короче говоря, никогда себе ни в чем сладком не отказывал. Но вот поди-ка ты, как развернулся в критической ситуации человек.

– А что же ее муж? – слабо улыбнулась Лиза.

– Обалдел, конечно. Вы только представьте: на улице толпа стоит и все, можно сказать, дружно оплакивают смерть героя. А сам герой в это время у любовницы из-за занавесочки

выглядывает. И главное, что деться-то ему некуда. Ведь не выйдешь же просто так от чужой бабы – здравствуйте, мол, вот он я.

Сидит Петька и думает: что это, мол, за ошибка дурацкая такая? Какой идиот моей жене позвонил и каких таких детей я спасал? Да вот он же я, живой и здоровый! Правда, здравствую я не на работе, в городе, а у грудастой соседки на диване.

А Оляка дальше свирепствует. Открыла она хозяйственную самогонную заначку и давай мужиков спиртным угощать. Помяните, мол, люди добрые, светлую душу дружка своего, а заодно уж помогите мне к встрече его геройского тела подготовиться. Похороны – не шутка. Они простора требуют – хоть всю мебель из дома выноси. А мужикам что, спрашивается?.. За дело так взялись, что только самогон наливать успевай да пальцем показывать, куда и что поставить нужно и куда что тащить. Ну, а потом добровольцы и на саму Оляку посматривать стали. Баба-то она еще совсем молодая, пышная и к тому же уже вдовая. В общем, все Петькины друзья стали к Оляке все ближе подступать со своими сочувствиями...

Смотрит Петька из чужого окошка на эту картину и думает: ведь это уже не мои похороны, а какие-то смотрины вдовы получают! А мужики все ближе и ближе к Оляке подкрадываются и каждому из них вдову утешить хочется. Нет, ну что это за прелесть такая, утешение вдовы! – Витька рас-

смеялся. – Черт меня возьми, если это не целое искусство! Поплакать вдове захотелось? А вот тебе любое мужское плечо на выбор. Кстати, и по спинке погладить могут, пока рыдаешь... Ты только не горюй, Олька!

Ближе к обеду смотрит Петечка, весь народ на улицу вышел, а жена его Олька и дружок Васька дома остались. Чуть позже Олька из дома выглянула, осмотрелась подозрительно по сторонам и дверь потихонечку закрыла. Екнуло сердце у Петьки. Неужели, думает он, моя вдова (тьфу ты черт, то есть жена пока что!) так быстро смотрины деревенских жеребцов закончила, и свой выбор уже сделала?!.. Тут надо заметить, Лиза, что мужская ревность штука довольно ядовитая. А самый худший ее вариант тогда получается, когда мужик на все происходящее со стороны смотрит, и по каким-то причинам вмешаться в происходящее не имеет права. Здесь уж его воображение такие, извините, эротические картины рисовать принимается, что хоть в петлю лезь.

Короче говоря, бедного мужика чуть инфаркт не хватил. Все на свете позабыл Петечка в тот момент, выбежал он на улицу и галопом к себе домой. Вышиб он дверь с бычьего разгона, влетел в комнату и что за черт! Не с одним соседом его жена, оказывается, была, а человек восемь мужиков и баб как раз ужинать сели. Люди, конечно, в ужас пришли: покойник-то сам домой прибежал! Одна бабенка даже сомлела и на пол обрушилась. А Олька отставила в сторону стакан с чаем и говорит: «Что, милоч, на побывку с того света прибыл?»

Ну и как там поживает твой ангелок Нинка?» Дошло тут до Петьки, что за потеху его жена выдумала. Бедный муж от позора чуть не свихнулся. Но потом ничего, притих... Даже от жены никуда не ушел. Да оно и понятно почему – гордость не позволила. Если жена мужа в дураках оставила, то никуда он от нее не денется. Ведь мужска гордость – штука нежная и хрупкая. Вот на это мы с вами и сыграем, Лиза...

Лиза горько улыбнулась и подошла к окну.

– «Скорая помощь» пришла, – сказала женщина и с надеждой посмотрела на Витьку.

Тот встал.

– Ну, тогда, как говорится, поехали.

На лестничной площадке, возле двери с табличкой номер «5», Витька дождался слегка запыхавшуюся молоденькую медсестру. Больше всего Витьке понравились ее невинные, школьные косички. Впрочем, это говорило только о силе характера девушки – она не боялась выглядеть среди своих подруг белой вороной.

– Главное молчи и слушай, – строго сказал Витька медсестре. – Это все, что от тебя требуется. Тебя как зовут?

– Вера, – улыбнулась девушка и тут же робко спросила. – А вас?

– Нас – Леопольд Валерьянович. Я врач-венеролог с двадцатилетним стажем. Личность с потрепанными нервами и взрывным темпераментом. – Витька протянул медсестре

только что изготовленную в домашних условиях карточку. Карточка была обтянута пластиком и красиво блестела. – Приколи на грудь.

– Сами сделали? – спросила Вера, рассматривая карточку.

– Дед Мороз о тебе вспомнил и на Новый год подарил.

Витька нажал кнопку звонка.

Щелкнул замок, и на пороге появилась раскрасневшаяся женщина. На ее мягком лице все еще светилась победная улыбка.

– Здравствуйте, – грубо сказал Витька. – Мы из венерического диспансера.

Женщина удивилась. Ее улыбка исчезла так быстро, словно ее никогда не было.

– Я вас не вызывала, – тихо ответила женщина.

– А нас никто не вызывает, – буркнул Витька. – Мы всегда приходим сами.

– Как рок! – добавила медсестра.

«А девочка, оказывается, с юмором – подумал Витька. – С такой не пропадешь».

Не дожидаясь приглашения, лже-венеролог проник в квартиру. Следом за ним, пронырнув под рукой растерявшейся хозяйки, протиснулась Верочка.

Женщина начала заметно нервничать.

– Что вам нужно?! – звонко спросила она.

– Мы хотим получить от вас ответ на один вопрос, – твердо сказал Витька. – Почему вы не являетесь на наши вызовы?

– Какие вызовы?!

Не торопясь с объяснениями, Витька оглянулся по сторонам. В коридоре было довольно уютно. Стойкий запах одинокой женщины: запах дорогих духов и дезодорантов казалось, источала даже миниатюрная люстра. Натертый паркет уверенно отражал Витькины ботинки и другие, гораздо чистые, предметы. За стеклянной дверью, ведущей очевидно в зал, виднелась чья-то тень.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал Витька.

– Я ничего не понимаю! – перешла на крик женщина – Это какая-то дурацкая шутка!

– Да, научная шутка. От микробиологии, – довольно мрачно сказал Витька.

За стеклянной дверью что-то упало...

Верочка улыбнулась и посмотрела на Витьку. Тот кивнул.

– Вы не одни? – спросил Витька хозяйку квартиры.

Пауза получилась очень тяжелой. Потрясенная женщина искренне не знала, что ей делать.

– Вообще-то, мы не вмешиваемся в личную жизнь наших пациентов, – наконец заговорил Витька. – Но в исключительных случаях, как вы понимаете, закон всегда на нашей стороне.

– Это просто чудовищно! – выдохнула женщина. – Немедленно уходите отсюда!

Дверь в зал широко распахнулась. На пороге стоял красивый мужчина в белой, деловой рубашке. Он сжимал кулаки

и нехорошо улыбался.

– Сейчас нас попытаются выставить, – сказала Витьке Верочка.

– Первый раз, что ли? – Витька окинул крепкую фигуру блудливого мужа оценивающим взглядом. – Что ж, придется брать мазок в боевых, домашних условиях. Надеюсь, вы не возражаете?..

Лиза стояла на лестничной площадке между вторым и третьим этажом и тихо страдала. Из-за полуоткрытой двери с бирочкой «5» доносились частые, грубые восклицания. Потом громко вскрикнула Ирка и послышался шум падающего тела.

– Ой, больно! – вскрикнул Игорь.

У Лизы радостно застучало сердце. Она перегнулась через перила и чуть было не захлопала в ладоши.

Между тем вверх по лестнице не спеша, поднимался человек с лицом профессионального громилы. Он улыбнулся Лизе и показал на полуоткрытую дверь.

– Привет, сестричка... Там?

Лиза кивнула. Громила выбросил сигарету и вошел в квартиру.

Витька лежал на полу и производил удержание пациента в положении партера. Мужчины тяжело дышали и пытались выкрутить друг другу руки. Верочка стояла в стороне и, держа на весу толстую папку, что-то в нее записывала.

– Леопольд Валерьянович, а кровь на СПИД брать будем?
– Будем, – пропыхтел Витька. – Из носа!

Неожиданно чья-то тень закрыла падающий со стороны дверного проема свет. Витька поднял голову. На какое-то мгновение ему показалось, что это просто штора.

«Штора» грубо кашлянула и присела на корточки.

«Ни фига себе двоюродный братик, – подумал Витька. – Имея в родственниках человека с такой комплекцией и физиономией, по-моему, просто глупо нанимать частного детектива».

– Помочь? – сипло спросил Витьку верзила.

– С него нужно снять штаны, – пояснил Витька. – Будем брать мазок. Кроме того, у гражданина нет с собой паспорта. Придется доставить по месту его жительства и выяснить его личность.

Толстые пальцы с вытатуированными на них перстнями схватили Игоря Николаевича за ремень брюк. Мнимый врач, и пациент легко заскользили по паркету.

Игорь Николаевич дико взвизгнул.

– Тихо у меня, фраер, – улыбнулся громила.

– Прекратите! – безнадежно простонала Ира.

– Уберите руки! – завопил Игорь Николаевич. – Давайте договоримся по-хорошему!

– Если хочешь по-хорошему, сам снимай штаны, – сказал Витька. Он тут же поймал себя на мысли, что, пожалуй, если пациент согласится с ультиматумом, то он, как мнимый

врач, попадет в идиотское положение. Мазков Витька брат не умел.

– Я дам вам денег, – жалобно и жарко пообещал Витьке Игорь Николаевич.

– Иди к черту!

– Три тысячи долларов.

– Ладно, – согласился Витька. – Но нам нужен твой домашний адрес.

Лже-врач действительно начал побаиваться, что верзила легко и быстро стащит с пациента штаны. Он подмигнул верзиле. Тот чуть-чуть ослабил свою хватку.

– Четыре тысячи!

– Хорошо. Мы обследуем только ваших ближайших родственников.

– Пять!!

– Впрочем, можно обойтись только женой.

Игорь Николаевич застонал. Только здесь, лежа на полу в чужой квартире, он вдруг понял, как любит свою Лизочку. Довольно часто Игорь Николаевич называл свою жену Малышом и вот теперь вдруг сам ощутил себя напроказившим карапузом.

Слабо звякнул ремень брюк.

– Семь с половиной тысяч! – завопил Игорь Николаевич. – И, честно слово, у меня больше нет с собой денег.

Витька кивнул верзиле. Урок был окончен. Судя по тому, как кричал страдающий муж, большей суммы у него при себе

действительно не было.

Тяжело отдуваясь, Игорь Николаевич оторвал торс от пола и сел.

– Деньги, – сказал верзила и протянул руку.

Игорь Николаевич послушно достал бумажник. Через несколько секунд он пулей вылетел за дверь, придерживая спадающие штаны. Покинутая женщина плакала. Красавец-любовник дарил ей только цветы и до выше перечисленных сумм дело так и не дошло.

Поднимаясь вверх по лестнице, громила пересчитал деньги. Потом он поцеловал Лизу в щеку и протянул ей деньги мужа уже скатанные в рулончик. Счастливая Лиза кивнула на Витьку, но врач-любитель быстро спрятал за спину руки.

– Мы так не договаривались. Вы обещали мне койку в вашем отделении.

Лиза вытерла остатки счастливых слез, взяла деньги мужа и подтвердила прежний договор с будущим монополистом кошачьего бизнеса.

Витька быстро выяснил некоторые подробности своего завтрашнего визита в областную больницу, а затем, весело посвистывая под нос, сбежал по лестнице вниз. Ему предстояло сделать за день еще не мало дел.

– Рисковый малый, – сказал Лизе брат. – Иногда такие нарываються на большие неприятности.

Лиза только облегченно вздохнула.

К сожалению бывший уголовник оказался прав. Хорошо начатый день завершился для Витьки не совсем удачно. Когда Петрович открыл племяннику дверь, он только охнул от изумления и, попятившись назад, опрокинул табуретку.

Витька тяжело опирался на плечо Лены и вытирал с разбитого лица кровь. От него пахло землей и лужами.

– Сволочи... – бормотал племянник. – Боксеры, наверное... Верткие как мангусты. Прежде чем по физиономии попасть, три раза промахнешься.

– Дружки Серегины постарались, – пояснила Лена, усаживая мужа на диван. – Я из магазина шла. Вдруг смотрю, из автобуса Витька вышел и в наш проулок направился. А следом за ним – трое. В переулке темно как в гробу... Короче говоря, дядь Коль, такое началось, что ни какими словами не перескажешь.

Лена была спокойна и деловита. Она раздела мужа и уложила его на диван.

– Дядь Коль, нагрей воды, пожалуйста, – попросила она. – Еще полотенце нужно, бинты, йод...

– Может, в больницу его отвезти? – забеспокоился старик.

– Больница будет завтра, – хрипло пообещал Витька. – Успеем еще...

Витьку осмотрели. Больше всего пострадало левое плечо. Кроваво-синяя опухоль была величиной с ладонь.

– Чем били-то его, Лен? – спросил Петрович.

– Из забора пару кольев вывернули.

В ход пошли примочки, йод, бинты и даже случайно оказавшийся в холодильнике лед.

– Лицо йодом мазать не дам, – отбивался Витька.

– Господи, да тебя хоть всего целиком в бочку с йодом опускай!

Витька курил сигарету за сигаретой и переживал подробности недавней драки. Иногда его лицо искажала грубая усмешка, а в глазах загорался холодный огонек.

«Это он сейчас по морде кому-то из тех ребят попал», – догадывалась Лена.

Но вот огонек в глазах Витьки исчезал и он начинал презрительно морщиться. Из широкой грудной клетки доносилось глухое, звериное рычание.

«А сейчас уже ему заехали», – вздыхала Лена.

– На, выпей, – Петрович протянул племяннику полстакана самогона. – Крепче спать будешь.

Витька послушно выпил и благодарно улыбнулся. Через пятнадцать минут племянник повторил прием лекарства, а еще через час уснул на диване, не сняв обувь.

За ужином Петрович заметил, что у Лены дрожат руки.

– Переживаешь? – спросил он.

– Боюсь я, дядь Коль, – кивнула Лена. – Мало ли что?

– Ничего, живой он. Голова, главное, цела, а синяки пройдут. Тех, кто Витьку бил не запомнила?

– Темно было... – вздохнула Лена. – А потом один убежал, а двух других Витька за забор загнал. Там еще собака такая

злющая оказалась...

– Подожди, – удивился старик. – Так кто кого бил-то?!

– Разве увидишь что толком в такой куче, дядь Коль? – отмахнулась Лена – А Витька, он же в драке никогда меры не знает...

Старик покачал головой и пошел одеваться.

Лена раздела спящего мужа, уложила его и потом заметила на столе Витькину тетрадку. Она взяла ее в руки и долго листала, внимательно рассматривая неровные, нервные строчки. Подчерк Витьки было довольно трудно разобрать. В самом конце тетрадки Лена прочла переписанное набело стихотворение:

Что может быть прекрасней ноября,
Когда уже мертва природа,
Когда у карнавального уroda,
Дождь растворил безумные глаза,
Когда опала мишура,
Когда до дна вдруг опустела сцена
И на висках жгут мысли вены,
Что может быть прекрасней ноября?..
Что может быть правдивее конца
В веселой пьесе с пьяными шутами,
Когда под занавес встречаешься с глазами
Печального и трезвого шута?..

«Хоть бы одно слово обо мне написал, – с горечью подумала Лена. – Ни одного. Ни раньше, ни даже сейчас, когда разводимся. А еще говорит, что не подлец!..»

Ниже стихотворения Витька трижды, размашисто написал число «666». Там же стояла его заметка, судя по всему, цитата откуда-то: «...Ибо есть число человеческое». Прилагательное «человеческое» было трижды подчеркнуто. Еще ниже Витька сделал приписку. Она гласила: «Бог создал человека на шестой день творения. Шестой! А в «Исходе» говорится о шестистах тысячах пеших мужчин... Просто совпадение или нет?»

Хлопнула входная дверь. Лена подняла глаза.

– Все в порядке, Лен, – улыбнулся Петрович, снимая дождевик. – Ушли те ребята, значит живы они. Ложись спать.

Лена отбросила тетрадку и легла. Уткнувшись носом в Витькино плечо, она долго думала, но уже в который раз, не придя ни к чему определенному, уснула...

Глава пятнадцатая

Витька разбудил жену в восемь утра. Лена сладко зевнула и посмотрела на мужа.

– Я поехал, – сказал Витька.

– Куда?

– В областную больницу.

Забота мужа о своем здоровье удивила женщину.

– И я с тобой, – твердо сказала Лена.

За завтраком Витька изложил цель своего визита в больницу и примерный план своих дальнейших действий.

– Ты главное не волнуйся, дядь Коль, нам нужно заняться телерекламой, – улыбнулся он Петровичу. – Возможно, к тебе скоро приедут телевизионщики. Сам я во время съемок присутствовать не смогу. Ты уж без меня постарайся.

Витькам явно избегал подробностей.

– Мне, Вить, каждую ночь деревня снится, – спокойно ответил старик. – Так что пусть снимают. Я потерплю.

– Отлично! Ты, как я погляжу, побойчее в последнее время стал.

– А чем мы с тобой хуже других?

– Золотые слова, дядь Коль.

В дороге Лена часто посматривала на мужа. Витька сидел на пассажирском кресле и сосредоточенно думал. «Моск-

вич» вырулил на окружную трассу и прибавил ходу. За окном мелькали мокрые деревья и белые, похожие на памятники, придорожные киоски.

– Все будет хорошо, – неожиданно сказал Витька. – Все должно быть хорошо!

– Рука болит? – спросила Лена.

– Не очень.

– А физиономия?

– По ней почти не попали.

– Жа-а-аль!.. – выразительно протянула Лена.

В холле больницы Витьку ждала молодая, симпатичная женщина в белом халате.

– Боже мой, что с вами? – удивленно воскликнула Лиза, едва взглянув на лицо Витьки.

– Хулиганы к девушке приставали, – улыбаясь, пояснил Витька. Его дальнейшие слова прозвучали довольно деловито: – После драки мне стало плохо с сердцем, доктор. Нужно проверить, что с ним.

Лиза понимающе кивнула.

– Хорошо. Но для начала вам необходимо сделать рентген головы.

– Я лучше рентгена знаю, что у него в голове, – вмешалась в разговор Лена. – Она у него пустая, как лампочка.

Доверяя легкомысленного супруга другой женщине, Лена считала своим долгом предупредить ее, с кем та имеет дело.

Витька только отмахнулся.

– Завтра поесть что-нибудь привези, – Витька поцеловал жену в щеку. – Купи колбасы и курицу.

– Курицу ты и без меня найдешь, – фыркнула Лена и направилась к выходу.

Лиза проводила Витьку на второй этаж.

– Вам нужна плохая кардиограмма сердца, – озабочено сказала она.

– А где их делают?

– В конце коридора, – показала Лиза. – Кабинет номер двадцать девять. На всякий случай держите направление. Сами справитесь?

– Ну, еще бы!

Возле кабинета двадцать девять на медицинской каталке лежал мужчина и хмуро рассматривал потолок. Витька поздоровался и спросил:

– Вы туда? – он кивнул он на дверь кабинета.

– Скорее туда, – больной показал на потолок. – Остались только формальности.

– Слушай, друг, одолжи «пропуск», а? – физиономию будущего монополиста украсила очередная простодушная улыбка. – Очень нужно. А я тебе за это анекдот расскажу.

– Рассказывай.

– После дикой пьянки мужик проснулся в разгромленной квартире. Встал, осмотрелся: жены и детей нет, телевизор на полу, везде перья от подушки. Мужик почесал затылок: «Е-

мое!.. Да что же такое я вчера вытворял?!» Прощел на кухню. Борщ и котлеты – по стенам, а из окна торчит холодильник. – «Господи, что я вчера делал-то?!» В дверь позвонили. Мужик подошел поближе и спрашивает: «Кто там?» Жена: «Открывай, идиот, это я, твоя память!..»

Больной слабо улыбнулся и вытащил из-под простыни руку с бумажными ленточками.

– Тебе похуже или получше?

– А у тебя что, разные есть?

– Ага. Например, до и после разговора с женой.

Витька решил, что слишком сильно пугать врачей, пожалуйста, не стоит.

– Мне «до», пожалуйста.

– Держи вот эту. Только не забудь свою фамилию написать.

Витька поблагодарил.

Чуть позже, после консультации с главврачом, Лизе не без труда удалось добиться места для Витьки в курируемой ей палате. Более опытные врачи настаивали на немедленной операции на сердечном клапане будущего монополиста. Лиза объяснила плохую работу клапана последствиями вчерашней Витькиной драки.

– Ну, если вам не жалко больного, тогда... – главврач поставил свою подпись на бумаге.

Витька получил белье и, весело насвистывая, направился в палату.

После отъезда Витьки Петрович достал из сундука двустволку и тщательно осмотрел ее.

«Пусть только попробует сунуться Серега, – подумал старик. – В случае чего, рука у меня не дрогнет».

После обеда Петрович направился на котоферму. Накормив животных он, перед уходом, заглянул в угловую комнату. Там было тихо и холодно. Подсвечивая себе фонариком, старик подошел к подстилке. На ней лежала мертвая кошка, в луче фонарика тускло блеснули зеленые, широко открытые глаза. Поза кошки была такой, словно перед смертью она пыталась перевернуться с боку на бок, перекатившись через спину, но начатое движение так и не было завершено. Левая передняя лапа кошки застыла в воздухе. С уголков оскаленного рта свисали клочки пены. Уродливый котенок исчез.

Петрович присел на корточки и осмотрел пыльный пол. Едва заметная цепочка довольно крупных следов тянулась в темный угол комнаты.

Что-то легонько коснулось ноги старика. Он вздрогнул и посмотрел вниз. Возле ноги сидел крупный, молодой кот. Рядом прогуливалась молодая кошка с едва заметным белым пятном на груди. Петрович узнал своих прежних домашних обитателей отправленных Витькой на котоферму. Кот оперся лапами на согнутое колено Петровича, высоко поднял голову и громко мяукнул. Старик погладил кота, тот громко заурчал.

В темном углу фыркнула кошка. Петрович осветил фонариком. Кошка осматривала уходящую в глубь стены трубу. Темный, не менее трети метра в диаметре, лаз лишь чуть-чуть возвышался над полом.

«Наверное, военные для своих нужд воздуховод делали...» – подумал Петрович.

Он подошел поближе. Следы гигантского котенка исчезали в темной дыре.

Кошка взволнованно тянула ноздрями воздух и часто поглядывала на старика. Петрович встал на одно колено, нагнулся и заглянул в трубу.

Узкий луч света метнулся из стороны в сторону, высвечивая по пути ржавые круглые стенки. На какое-то мгновение старику показалось что там, где труба резко поворачивала за угол, мелькнули две красные, похожие на глаза, точки.

– Кис-кис-кис! – позвал он.

В трубе послышался легкий, удаляющийся шорох и вскоре все стихло.

– Ох, Витька, Витька!.. – заворчал старик. – Говорил же тебе, давай выбросим эту гадость, так ведь нет...

Петрович разорвал подстилку-ватник на две части и одной половиной заткнул лаз. В другую он завернул мертвую кошку. Выходя из комнаты, старик плотно закрыл за собой дверь, потом немного подумал и подоткнул под дверную ручку доску.

Домашние кот и кошка проводили Петровича до конца

коридора выходящего на лестничную клетку.

– Что, ребята, скучновато здесь вам? – улыбнувшись, спросил старик.

Кошка громко мяукнула. Кот снова потерял о ногу.

– Если так, то пошли домой, – после некоторого колебания решил Петрович. – Нечего вам тут делать. Да и продавать нам с Витькой вашу кошачью братию пока некому.

В открытую дверь попытался проскочить старый, взломаченный котик. Старик оттолкнул ногой чужака и взял своих домашних на руки.

На первом этаже Петрович остановился возле двери ведущей в подвал. Труба, похожая на ту, вмурованную в стену на втором этаже, тянулась сверху и, изогнувшись, уходила вниз.

Старик открыл громко скрипнувшие дверь в подвал и осветил фонариком. Густая темнота жалась к стенам. Луч света метнулся в глубину и в метрах пяти наткнулся на кирпичную кладку. Ниже отсвечивали белым бетонные порожки. В темном провале ниже стены мелькнули обрезки алюминиевых труб.

– Вот сам и лезь туда, – буркнул Петрович, имея в виду нерадивого племянника. – Поищи-ка эту кикимору! Такая животинка на голову свалится – от страха помрешь...

Старик захлопнул двери.

Возле подъезда Петровича ждала Багира. Последние несколько дней кошка упрямо сопровождала старика во время его визитов на котоферму. Сначала немного удивленный

такой чисто собачьей повадкой старик гнал ее. Но Багира только отходила в сторону и упорно продолжала преследование. В конце концов, старик смирился.

«Увидят люди, засмеют, – вздыхал он. – Скажут, нашел, мол, себе собачонку на старости лет...»

– На вот, пополнение тебе привел, – улыбнулся Петрович и подтолкнул ногой к Багире молодого кота. – Наверное, соскучились уже друг по дружке?

Старик отложил в сторону скомканную фуфайку и принялся ковырять землю подвернувшейся под руку железкой. Мокрая земля была податливой.

Багира отогнала заигрывающего с ней молодого кота и обнюхала фуфайку. Рядом стояла кошка с чуть заметным белым пятном на груди и внимательно смотрела на старшую подругу. Багира сердито фыркнула и тронула лапой сверток. Из-под сдвинувшейся в сторону полы выглянула черная шерсть. Молодая кошка боязливо отбежала в сторону. Багира осмотрелась по сторонам, в ее глазах засветился недобрый, боевой огонек...

Между тем, не совсем лестно поминаемый племянник лежал на кровати и сосредоточенно рассматривал больничную палату.

В палате-люкс рассчитанной на одного человека, стояло три койки. Впрочем, эта кажущаяся на первый взгляд, теснота не была столь уж чрезмерной. На подоконнике расто-

пырилась герань. Цветные шторы были почти новыми. Комната казалась даже уютной, если бы не запах лекарств и доносившийся из коридора шум голосов свойственный только казенным учреждениям.

На одной из коек, отвернувшись лицом к стене, лежал бо-соногий человек в полосатой пижаме. Другой обитатель палаты сидел за столом и читал книгу. У него было полное, доброе лицо отца многочисленного семейства. Иногда, переворачивая страницы, Иван Кругликов добродушно улыбался.

Витька почесал лоб. До сегодняшнего дня он не пропустил ни одной передачи «Артефакт» о необъяснимых и загадочных явлениях, которые вел Иван Кругликов. Витька любил оттачивать свое остроумие, глядя на экран.

– Смотри, – говорил он Лене, показывая пальцем на расплывчатую фотографию очередного загадочного феномена на телеэкране. – По-моему, это сохнувшие на веревке трусы.

– Объект был замечен на юго-западной стороне деревни Пронькино, – между тем пояснял с телеэкрана Иван Кругликов – Он был снят примерно в час ночи...

– Объект высохнуть-то успел? – вопрошал Витька.

– ...Погода была пасмурной, – оправдывался журналист.

– Тогда нужно было спешить – улыбался Витька.

– По словам очевидцев... – продолжал Иван Кругликов, даже не подозревая о том, с каким острословом ему придется иметь дело.

– Соседки Лукерьи и ночного сторожа деда Ибрагимыча, –

глумился Витька.

– ...Зависший над землей примерно в полутора метрах объект долгое время оставался неподвижным...

– Пока его не сняла женщина с тазиком.

В конце концов, Лена начинала смеяться. Витька считал свою миссию выполненной и переключал телевизор на другой канал.

В силу сложившихся обстоятельств прежний способ общения с журналистом Иваном Кругликовым исключался напроць. Витька почесал лоб.

«Интересно, что он сейчас читает? – подумал будущий монополист. – Можно бы было сыграть на общности интересов. А потом, между делом, рассказать историю о загадочном старике и его зеленоглазых котах. Чем не сюжет для очередной телепередачи? Тем более, что мне не нужно предъявлять никаких расплывчатых фотографий. Соседи Петровича будут только рады заглянуть в объектив видеокамеры и подтвердить самые смелые предположения. Боже мой, это же такой простор для импровизации, какой не приснится даже писателю-фантасту!...»

Витька снова и очень осторожно покосился в сторону толстяка. Тот держал книгу слишком близко к столу. Названия не было видно.

Мнимый больной перевел взгляд на потолок. Сам Витька читал не очень много, предпочитая классику самых различных жанров. Все сиюминутное, остро модное и напи-

санное на грани эксперимента над наивным читателем он не любил. Психологический, исторический или даже эротический бестселлер, нарушающий древнекитайский постулат «Ты придумал мысль? Сейчас же высмей ее!» вызывал у Витьки острое чувство неприятия. Хотя, следует отметить, что его протест не заходил слишком далеко. Витька бережно хранил все нелюбимые книги. Страсть к обличению различных «правд», рисующих мир в сюрреалистических, неживых красках, уживалась в Витьке рядом с вселенской веротерпимостью. Впрочем, сам Витька объяснял такой факт довольно просто: он коллекционировал человеческую глупость и мир, лишенный этой «добродетели», казался ему скучным.

В коридоре, поскрипывая колесиками, проехала медицинская каталка. На ней лежал больной и рассказывал медсестре анекдот про забывчивого пьяницу.

Иван Кругликов оторвал взгляд от книги и улыбнулся.

– Что читаете? – как бы между прочим, но торопливо спросил Витька.

– Сборник анекдотов, – продолжая улыбаться, ответил толстяк.

«Все, попался!..» – решил Витька.

– Интересуетесь анекдотами?

– Да, это мое хобби. И вообще, – Иван Кругликов снял очки и потер ладонями глаза. – Я хотел бы издать книгу с лучшими из них. – Он постучал дужкой очков по обложке книги. – Это не совсем то, много лишнего и мало действи-

тельно смешного.

В глазах мнимого больного вспыхнул уже откровенно хищный огонек.

– Хотите, я вам помогу? – спросил он.

Босоногий мужчина на койке заворочался и тяжело вздохнул.

– Давайте, – охотно согласился толстяк.

За двадцать минут Витька рассказал шестьдесят два анекдота. Пятьдесят девять из них Иван Кругликов знал и выслушал с дежурной улыбкой. Три оставшихся он счел откровенно пошлыми.

У Витьки сжалось сердце. Он впервые в жизни встречал человека, обладающего почти энциклопедическим знанием анекдотов. Журналист потерял к Витьке всякий интерес. Он вежливо поблагодарил его и направился в курилку.

Растерявшийся Витька догнал толстяка в конце коридора.

– Я еще много анекдотов знаю, – заверил он.

– Очень хорошо, – мягко улыбаясь, согласился Кругликов.

Витька почувствовал, что теряет лицо – толстенная, казалось бы, беззащитная и аппетитная жертва ускользала прямо на глазах. Витька был готов схватить журналиста за шиворот и приступить к изложению очередной серии анекдотов тут же, в коридоре. Только огромным усилием воли будущий монополист сумел сдержать себя и опустил уже было поднятую вверх руку.

– Я вам потом расскажу, – сказал он в спину удалявшегося толстяка.

– Прекрасно, – прохладно согласился тот.

Витька вернулся в палату.

Босоногий мужчина сидел на кровати и пил пиво из горлышка бутылки. У него было горестное лицо человека недавно понесшего тяжелую утрату.

– Бесплезно все, – сказал мужчина, оторвавшись от бутылки. – Я уже пробовал.

– Что пробовал? – притворно удивился Витька.

– Анекдоты ему рассказывать, – босоногий отхлебнул из бутылки. – Тебя как зовут?

– Виктор.

– А меня Гена. Третий день тут прохлаждаюсь.

– Ты бизнесмен, что ли?

– Ага. У меня два кондитерских цеха простаивают. Рекламы нет – сбыта никакой. А если я буду покупать рекламу по официальным расценкам, я останусь даже без этой пижамы, – босоногий Гена погладил себя по груди. – А у тебя какие проблемы?

У Гены был умный взгляд и Витька понял, что притворяться бесполезно.

– У меня другое, – уклончиво ответил он. – Можно сказать ноу-хау. Но без рекламы дело тоже стоит на месте.

Гена кивнул.

– Если ноу-хау, то можешь ничего не объяснять. Пони-

маю, что секрет. С тортами, конечно, проще. Но торт нужно продать в течение сорока четырех часов или потом придется выбросить. Неделю назад на территорию моего цеха свалился маленький метеорит. Пробил крышу, подлец, и угодил в котел с тестом. Я думал, Кругликов клюнет на это... – Гена ударил кулаком по открытой ладони. – Мне же нужен ажиотажный спрос! Понимаешь? Я Ване Кругликову все армянское радио рассказал. За неделю восемнадцать машинописных листов выучил. Чуть с ума не сошел.

– Ну и как?

– Он мне добавил еще листа на три, – Гена положил ногу на ногу и с озабоченным видом потрогал пятку. – Раньше у меня ничего никогда не болело. А теперь почему-то пятки ноют. Может это от нервов, а?

До возвращения Ивана Кругликова мужчины успели обменяться возможными планами действий. Но ни один из них не казался им достаточно убедительным.

– К Ване невозможно влезть в душу, – жаловался Гена. – Слишком уж многие пытались сделать это. Кроме того, он специалист в своем деле и чувствует выдумку за версту.

Гена поведал грустную историю о том, как обманутый простодушной внешностью Вани Кругликова, он попытался выдать заурядный метеорит, за обломок корабля пришельцев.

– Бес-по-лез-но! – по слогам завершил Гена свой рассказ.

– Он женат? – на всякий случай поинтересовался Витька.

– Нет. Но я уже думал о роковой красотке. Она обойдется мне дороже рекламы. – Гена достал из-под кровати пару бутылочек пива и протянул одну Витьке. – Угощайся. Без пива в этом каше-молочном заведении можно рехнуться от скуки.

Вернувшийся в палату Иван Кругликов застал своих соседей лежащими на кроватях. Оба разглядывали потолок и сосредоточенно морщили лбы.

– О чем размышляете, граждане? – весело спросил журналист.

Гена приподнялся на локте.

– Слышь, Вань, вопрос армянского радио: что может быть общего между двумя совершенно различными женщинами?

– Мужчина, – быстро ответил толстяк.

– Винтовка рождает власть. Что может быть хуже?

– Хуже, когда она рождает двойню.

– Вань, ты – профессор! – в широко раскрытых глазах Гены появились слезы отчаяния. – Я эти вопросы сам сегодня придумал. Только у меня ответы на них хуже твоих.

Глава шестнадцатая

Проглотив за завтраком тарелку манной каши, Витька почувствовал, что по-настоящему хочет есть. Но сумка с продуктами, в сопровождении Лены, почему-то опаздывала.

Томимый зверским аппетитом мнимый больной бродил по коридору и рассматривал медицинские плакаты. Большинство из них призывало не курить и не злоупотреблять спиртным. Изображенное кроваво-красным сердце задыхалось в дыму и тонуло в рюмке. Кроме того, официальная медицина, пусть пока еще и довольно робко, начинала обращать свое внимание и на другие человеческие пороки. Больше всего Витьке понравился плакат, на котором три ярко раскрашенные, хищного вида, красотки разрывали впалую грудь худосочного мужчины. Любвеобильный дистрофик блаженно улыбался и поглаживал слабеющей рукой бедра одной из фурий. «Такая любовь не исцеляет!» – кричала надпись. Витька поморщился. Вывод сделанный художником показался ему слабым. Например, значительно выразительнее, по его мнению, прозвучала бы надпись: «Одна капля женской любви может убить трижды оправданную в трибунале лошадь!» То, что никакой лошади на рисунке не было, Витьку не волновало. Ему как всегда была важна суть ответа, а не его формальное звучание.

В конце коридора послышался твердый перестук каблучков. Витька прищурился. Он впервые в жизни видел свою жену в брюках. На какое-то мгновение Витьке показалось, что он смотрит рекламный ролик. Перед его взором промелькнул, воспринимаемый по частям, калейдоскопический теленабор: длинные ноги, прекрасно сохранившаяся талия и красивая грудь обтянутая чем-то блестящим. Остромодный, свободный блейзер придавал женской фигуре законченное изящество. Но даже неожиданные брюки померкли перед прической и макияжем лица. Высокопрофессиональные парикмахеры и косметологи не без собственного удовольствия помогли создать мстительной Лене совершенный образ прекрасной и холодной Снегурочки. Лево́й рукой женщина прижимала к груди молодого, черного кота, в правой держала сетку с апельсинами.

«А апельсины-то мне зачем?!.. – подумал ошеломленный Витька. – Я же курицу и колбасу просил».

Лена прошла мимо мужа, даже не взглянув на него. Облако тончайшего запаха духов коснулось лица будущего монополиста и унеслось вслед за женщиной.

Витька повернулся и пошел следом за женой.

Лена вошла в палату и широко улыбнулась Ивану Кругликову. Тот не остался в долгу. Полное лицо журналиста расплылось в немного смущенной улыбке.

– Вы все-таки пришли? – спросил он.

– Да, я все-таки пришла, – чуть-чуть томно и многозна-

чительно сказала Лена. – Как вы себя чувствуете?

Лена оглянулась вокруг. Гена вскочил с кровати и пододвинул женщине стул. Журналисту наконец удалось справиться со смущением.

– Спасибо, Леночка, я прекрасно себя чувствую.

– Отлично! Я принесла вам апельсины.

– Ну, стоило ли так беспокоиться...

«Где моя колбаса, дура?! – чуть было не рявкнул застывший в дверях Витька, но, своевременно вспомнив о планируемом женой разводе, сдержался.

«Издевается просто, – решил Витька. – Ну-ну... Посмотрим, что дальше будет. Одного понять не могу, откуда она знает этого толстого пижона?»

Между тем разговор Лены и Ивана Кругликова с каждой минутой становился все более непринужденным.

– А это кто? – спросил журналист, кивая на кота.

– Это подарок, – лукаво улыбнулась Лена.

– Мне?

– Вам. Видите ли, в чем дело, – Лена опустила кота на пол. – Это не совсем обычный кот.

– Я вижу, – согласился Кругликов. – Он черный и зеленоглазый.

– Не только. Вы что-нибудь слышали о дяде Коле?

– Ни краем уха.

– Как же так?! – довольно искренне удивилась Лена. – Вы же тележурналист и занимаетесь изучением... М-м-м... Ну,

в общем, не совсем обычных явлений.

Красивая женщина, интересующаяся творческими стремлениями мужчины, всегда вызывает у последних неподдельное восхищение. Иван Кругликов покраснел от удовольствия.

– Подождите, подождите... – он наморщил лоб. – Если мне не изменяет память, совсем недавно вы что-то говорили мне про какого-то дядю Колю... Помните, тогда в кафе?

Витька улыбнулся, стараясь вложить в эту улыбку как можно больше безразличия, но на него снова не обратили внимания.

– Правильно, – согласилась Лена. – Но мы опаздывали в кино, и я не успела вам все рассказать.

«Она еще и по кино шляется, – подумал Витька. – Молодость вспомнить решила!».

– Это было три дня назад, – продолжил приятные, общие воспоминания журналист. – Вы тогда выглядели чуточку иначе.

– Хуже?

– Ну что вы!

Лена игриво улыбнулась.

Витьку передернуло.

– Нет, вы все-таки признайтесь, – настаивала Лена – Наверное, раньше я выглядела как Золушка.

– Как прекрасная Золушка. Вы прекрасны всегда!

«Еще бы! – подумал Витька. – Сперла у мужа деньги и

накупила себе разного тряпья».

– Так что же вы мне хотели рассказать про таинственного дядю Колю? – спросил Кругликов.

Прежде чем приступить к рассказу Лена огляделась по сторонам.

– Вы Виктор? – спросила она босоного Гену.

Гена глупо улыбнулся и кивнул на Витьку. Лена недоброжелательно осмотрела мужа с ног до головы.

– Вас ждут внизу, – сухо сказала она и отвернулась.

Витька сунул руки в карманы пижамных штанов и удалился с самым независимым видом.

На первом этаже его ждал Петрович. Возле ног старика стояла большая, хозяйственная сумка.

– Это все тебе, Витьк, – улыбнулся Петрович. – Больше пуда, наверное. Так что на пару дней хватит. А Ленка где?

– Замуж выходит, – Витька взял сумку и направился к выходу. – Пошли-ка, покурим на свежем воздухе, дядь Коля.

Разговор со стариком получился долгим. Витька часто поглядывал на дверь, но Лена не спешила завершать свой визит. За полчаса Витька выкурил три сигареты и начал мерзнуть. Не прерывая разговора с Петровичем, Витька думал о Лене и, может быть, впервые в жизни честно признался себе, что он способен ревновать. Но удерживать Ленку за подол со слезами на физиономии он, конечно же, не собирается! А с журналистом пусть поговорит. Для дела стодитесь. Витьку смущало только одно, он не знал, как давно знакомы Лена и

Иван Кругликов.

– Ну, а у тебя как дела? – поинтересовался у племянника Петрович.

– Все хорошо, дядь Коль, – кивнул Витька. – Скоро жди гостей.

– Телевизионщиков?

– Их, родимых. Только не волнуйся.

– Ты уже предупреждал.

– Ага...

Витька поежился и снова оглянулся на дверь. Лены не было.

– Замерз, что ли? – спросил старик.

– Осень уже, дядь Коль...

– Иди, а я тут Ленку подожду.

– Сейчас...

Витька вытащил четвертую сигарету.

Старик решил сообщить племяннику последнюю новость.

– Слышь, Вить, а котенок-то тот страшный сбежал.

К удивлению старика Витька равнодушно пожал плечами.

Он жадно курил, щурился и рассматривал низкие облака.

– Ну, и шут с ним, дядь Коль. Нам забот меньше.

– Я к тому говорю, что плохой был котенок тот. Дурной какой-то...

– Тем более. Пропал, туда ему и дорога.

Сигарета кончилась. Витька пожал руку Петровича и улыбнулся на прощание.

– Не тяжело тебе одному с котами возиться?

– Нет... Я с кроликами к такому же труду давно привык.

Справлюсь, не волнуйся.

– Хорошо, если так. Ну, до скорого...

Витька взял сумку и направился в здание.

В палате было шумно и весело. Улыбался даже мрачный Гена. Витька скромно остался стоять в дверях за спинами заглянувших на смех больных из соседней палаты. В центре палаты стояла Елизавета Сергеевна.

– Елизавета Сергеевна, ну чем этот кот вам может помешать?! – убеждал лечащего врача Иван Кругликов. – Посмотрите, ведь это же просто красавец! И к тому же он волшебный.

– А блохи у него тоже волшебные?

– Да вы понюхайте, он же мылом пахнет!

Кота взяли на руки и предложили врачу понюхать. Елизавета Сергеевна замахала руками и изобразила на лице явно притворную гримаску недоброжелательности.

– Это же не кот, а клякса какая-то! – не сдавалась она.

– А если мы ему белый халат сошьем? Представляете, лечебно-волшебный кот в белом халате!

– А в качестве кого он будет тут разгуливать? В качестве консультанта, что ли?

Кот ел красную рыбу из консервной баночки и внимательно слушал. Когда увлеченный диспутом Гена совершенно случайно наступил ему на хвост, кот молча царапнул босую,

розовую ступню и снова склонился над баночкой.

– Вот видите! – строго сказала врач.

Гена осмотрел царапину.

– Ерунда!

Не зная чем доказать, что произошедший инцидент и в самом деле ерунда, Гена топнул ногой по полу. Потом еще раз... И еще.

– Не болит... – удивленно моргая округлившимися глазами Гена осмотрел присутствующих. – Честное слово, не болит!

– Что не болит?

– Пятка не болит. Раньше болела, а теперь не болит.

– Выдумываете.

– Что б я сдох на операционном столе.

– Чушь! – отбивалась врач. – Обычное самовнушение.

Кот оставил в покое пустую банку, подошел к Елизавете Сергеевне и потерял лобастой головой ногу врача. Молодая женщина невольно подумала о том, что совсем недавно у нее дома жила такая же черная, зеленоглазая кошка. Если бы не постоянные капризы мужа, Лиза ни за что не согласилась с ней расстаться.

Между тем сытый кот совершал свой вояж вокруг женской ноги. Высоко поднятый хвост нырнул под белый халат и коснулся нежной кожи. Задумавшаяся было Лиза громко ойкнула. Все рассмеялись.

– Ладно, пусть пока останется, – улыбнувшись, согласи-

лась Лиза. – Но только пока. Не известно, что еще скажет главврач.

Выходя из палаты, Лиза потянула за собой Витьку. Лена проводила мужа и женщину-врача долгим, подозрительным взглядом.

В кабинете дежурного врача никого не было.

– Волшебный кот – ваша работа? – строго спросила Лиза.

Отпираться не было никакого смысла. Как раз в это время кошка Лизы знакоилась с обитателями Витькиной котофермы.

– Моя, – простодушно признался будущий монополист.

– Хотите продавать целебных котов?

– Не целебных, а волшебных. Мне очень нужно помочь одному человеку, – спокойно сказал Витька. – Но без определенной суммы я не смогу этого сделать.

– А разве помочь человеку можно только деньгами?

Витька снисходительно усмехнулся.

– Когда-то очень давно у меня был папа. Он ушел от матери и предпочитал помогать мне одними добрыми советами. Заметьте себе, не какими-нибудь, а именно добрыми. С тех пор я не люблю советы, какими бы хорошими они не казались. Отец работал в городе. Когда я от него уходил он давал мне двадцать копеек на мороженное. Эта монетка до сих пор стоит у меня перед глазами. За дорогу в оба конца, из деревни и обратно, я платил тридцать копеек, которые брал у матери. Примерно тогда же, я прочитал в журнале «Кроко-

дил» один замечательный афоризм: на деньги следует смотреть свысока, но никогда не следует терять их из виду. Я благодарен его автору значительно больше, чем родному отцу.

Когда Витька вернулся в палату, Лены там уже не было. Задумавшийся о грустном будущий монополист не заметил, что после того, как он покинул кабинет врача, в него быстро нырнула Лена.

Кот дремал на койке Ивана Кругликова.

– Тише! – журналист приложил к губам палец. – Пусть привыкает к новому месту. Сегодня я буду спать вместе с ним. Посмотрим, какой получится эффект.

– Одолжи его мне на пару часиков, – канючил Гена. – Вторая пятка болит, сил нет!

– Попробуй посамовнушаться без кота.

– Без кота я не умею, – Гена лег и попытался дотянуться ногой до койки журналиста. – А можно я так попробую?

– Убери костыль с чужой кровати!

Через час о волшебном коте знал весь корпус. Больные столпились в дверях.

– Глянь, спит!.. – раздавался в толпе восхищенный шепот.

– Сытый, наверное.

– Черный же, черт, как смола.

– А, правда, такие коты хорошо от сердца помогают?

– Правда. Кстати, я про этого Петровича тоже слышал...

– И мне про него рассказывали!

Пришли даже врачи. В крошечную палату набилось боль-

ше десятка человек. Гена ругался и предлагал устроить живую очередь, а не лезть всем без разбора.

Кота разбудили и снова, взяв на руки, принялись тщательно изучать. Снова послышались восторженные восклицания.

– Ой, а какой он теплый!.. Ну, прямо как печка.

– И шерстка мягкая...

– Посмотрите, у него же глаза светятся!

Вскоре у кота было найдено не менее трех десятков отличий от его не волшебных собратьев. Правда, все эти детали были довольно мелкими и мягко говоря, спорными.

Витька вздохнул. Если бы не отвратительное поведение Лены, его настроение было бы совсем замечательным. Рекламная компания шла без его малейшего вмешательства. Впрочем, именно это обстоятельство позволяло выглядеть ей абсолютно естественной.

Привыкший сразу приступать к разработке горячих тем Иван Кругликов не знал куда деть руки. Когда, воспользовавшись сутолокой, кота попытались утащить в другую палату, сердце журналиста не выдержало. Он вернул кота и вытащил из-под подушки сотовый телефон.

– Я отлично понимаю, что сегодня суббота, – кричал он кому-то. – Я понимаю, что очень трудно собрать всю группу, но вы представляете, если у нас перехватят тему?!.. Как это кто? Хотя бы негодяи-газетчики. Собрать всех и немедленно. И что бы через пару часов заехали за мной... К черту сердце! Я профессионал и у меня нет сердца. Да, да!.. Иначе

я приеду сам и начну выбрасывать в окна столы и стулья.

Ивана Кругликова было трудно узнать. Глаза журналиста горели кошачьим, фосфоресцирующим огнем. Его полное и доброе лицо вдруг стало жестким и волевым. Засунув руки в карманы, он ревниво наблюдал как его горячо любимый кот, кот, подаренный удивительно красивой женщиной, переходит из рук в руки.

– Как назовешь-то? – спросил кто-то Кругликова и тут же предложил: – Можно, например, Васькой.

– Тю-ю-ю!.. Яку гарну зверину и Васькой! – удивился добродушный усач – Дывьись яки у него очи. Лучше Чингисханом. Он же вылитый монгол як прищурится.

– Лучше Мурзиком!

– Кляксой!

Предложения сыпались со всех сторон. Иван Кругликов поднял руку.

– Тихо, граждане!.. В конце концов, это мое личное дело.

– Понятно, – согласился добродушный усач. – А як все ж таки назовешь-то?

– Как это обычно и делают, – пояснил журналист. – Например, я коллекционирую анекдоты. Это мое хобби. Вот и назову его Анекдотом.

– Не серьезно как-то, – засомневался Гена. – Кот – Анекдот.

– Правильно! – поддержала журналиста молодая, полная женщина – Вы знаете, что коты всегда улыбаются? Посмот-

рите, вот и этот тоже...

Кота перевернули на спину. После тщательного осмотра его морды было установлено, что Анекдот действительно улыбается.

Не смотря на энергичные протесты Елизаветы Сергеевны, через полтора часа Иван Кругликов покинул больницу.

– А ты присмотри за котом, – попросил журналист Гену. – Пока меня нет, можешь полечить им свои пятки.

Но полечить пятки Гене не удалось. После отъезда хозяйки кота утащили в другую, большую по размеру палату. Гена громко протестовал, но на него никто не обращал внимания. Анекдота тщательно осматривали, взвешивали на руках и неохотно передавали друг другу.

– Граждане, вы что не видите, что животное устало? – страдал Гена. – Черти полосатые, отдайте кота!

– Убери руки, хлопец. Дай-ка дядьке сеанс кототерапии принять.

Кота Анекдота, как грелку, прикладывали к больным местам.

– Ха-ха!.. Дядь Миша, ты Анекдота еще под майку себе засунь. Полезнее будет!

– А что? Сейчас и засуну!

Витька сидел в палате в полном одиночестве и, обхватив голову руками, счастливо улыбался.

«Заработало!.. – думал он – И как заработало!.. Теперь только одна телепередача – и все. Ажиотажный спрос гаран-

тирован!»

Иван Кругликов вернулся только вечером.

– Все к телевизору! – зычно скомандовал он. – Прямой репортаж с места событий. Только не падайте в обморок, но все, о чем говорила мне Лена, чистая правда. И как минимум сотня свидетелей готова подтвердить это!

Когда журналист вышел из палаты Витька жадно сглотнул слюну и посмотрел на Гену.

– Ген, у тебя водки нет? – спросил он.

– Есть.

– Может, долбанем?

– А по какому поводу?

– Как по какому? Суббота, вечер... Можно и расслабиться немного. Тем более, что все костоправы уже ушли.

Бутылка водки была распита довольно быстро – в два приема.

– Теперь пошли, посмотрим, что там Гена наснимал, – пережевывая кусок колбасы, предложил Гена. – Кажется, он счастлив. Нам остается только полюбоваться на чужое счастье в виду полного отсутствия своего.

Телепередача о необычных кошках началась в 21.20. В просторном коридоре, возле огромного телевизора, собрались больные сразу с нескольких этажей. Зрители часто поглядывали на Анекдота, которого держал на руках Гена.

Телепередачу трижды прерывала глупая реклама, но это не помешало понять Витьке, что Иван Кругликов не только

способный журналист, но еще и талантливый режиссер. Подчеркнутая недосказанность свидетельских показаний соседей Петровича только разогрела зрительский интерес.

– Скажите, у вас есть дома черная кошка, которую вы взяли у Петровича? – спрашивал журналист очередного, явно растерявшегося от неожиданного визита соседа.

– Ну, это самое... Есть, в общем.

– Что это за кошка?

– Кошка она и есть кошка, – отмахивался человек, боясь признаться в своем суеверии.

– У вас что-нибудь изменилось в жизни с ее появлением в вашем доме?

– Да как сказать... Хуже не стало.

– Хуже? Скажите, а вы можете продать свою кошку? Скажем, за сто рублей?

– Зачем? – простодушно удивлялся сосед.

– Хорошо, а за триста?

– Не-а.

– А за двадцать тысяч?

– Не-е-е! – сосед начинал хитро щуриться. – Да зачем она вам? И, кстати, ерунда все это.

– Что, ерунда?

– А то, что люди болтают.

– Простите, а что они болтают?

Вопрос оставался без ответа.

Но следующий респондент оказался более словоохотли-

ВЫМ.

– У Петровича, за его черными котами и кошками, всегда очередь стоит, – улыбаясь, пояснял он. – Люди говорят, что не простые они, кошки эти. Счастье в дом несут и от зла охраняют.

– А правда, что однажды такая кошка спасла целую семью?

– Правда. У меня вот тоже кот от Петровича есть. Ох, и умная животинка! Все понимает. Только странный он немножко.

– Чем же странный?

– А пока он весь дом не обойдет, ни за что спать не ляжет. Прямо как сторож какой! Если в доме неприятность какая-нибудь, ну скандал там или еще беда какая, мой Васька ни за что из дома не уйдет. Сядет где-нибудь в сторонке, глазами сверкает и слушает. Гнать его бесполезно, все равно не уйдет.

– А еще ничего необычного вы не замечали?

– Еще?.. Да как вам сказать... – сосед почесал затылок. – Все кошки от Петровича очень хорошо людские болячки чувствуют. Например, когда у меня ноги болят, ревматизм у меня, Васька всегда вместе со мной спит. В ногах, конечно.

– Помогает?

– А смеяться не будете?

– Ну что вы!..

– Лучше всякий таблеток и мазей действует мой Васька!

Так что вы не просите, никто вам тут своего кота и кошку не продаст. Ни за какие деньги.

И действительно, на стандартное предложение продать зеленоглазое чудо все опрашиваемые отвечали дружным отказом. Даже те, кто ни во что не верил и даже за цену превысившую сорок тысяч рублей.

– Я и восемьдесят давал, – пояснил застывшим в изумлении пациентам больницы Иван Кругликов. – Только потом этот эпизод вырезал.

– Почему? – глухо спросил Витька.

– Потому что в это почти невозможно поверить!

Сам Петрович появился на экране к концу телепередачи. Старик немного смущенно улыбался и, отвечая на многочисленные вопросы, продолжал спокойно заниматься хозяйственными делами.

– На доброго колдуна дед похож, – громко сказал Гена. – Прямо лесовик какой-то.

Зрители одобрительно рассмеялись.

– Да ничего я не знаю! – отбивался от Ивана Кругликова старик. – Кошки и кошки, что я за ними наблюдаю, что ли? Откуда они приходят, один Бог знает.

– Как приходят? – удивлялся на экране Иван Кругликов – Так они что, еще и ПРИХОДЯТ?!

– Ну да, – просто соглашался старик. – Котят-то у меня без остатка разбирают.

– И часто они приходят?

– Каждую весну. Но бывает и осенью.

– Подождите, подождите! – журналист задумчиво взъерошил свою и без того взлохмаченную прическу. – Значит, к вам откуда-то приходят черные, исключительно зеленоглазые кошки? Именно к вам? А вам не кажется это странным?

Старик пожал плечами в ответ. Он никогда не искал ответы на такие, казалось бы, простые, вопросы.

– Они мне не мешают. Пусть себе живут.

– Ну, еще бы! – прокомментировал ответ Петровича Гена. – Интересно, какой дурак таких кошек гнать станет?!

Дальше снова шли интервью соседей.

Витька не стал смотреть передачу до конца. В пустом туалете он выкурил одну за другой две сигареты, потом пришел в палату и упал лицом в подушку. Страшная усталость сковывала все тело.

«Наконец-то!.. – подумал он. – Главное сделано. А теперь – спать!..»

Утром Витька проснулся от однообразного механического жужжания. Он нехотя открыл глаза. Иван Кругликов тер лицо бритвой и чему-то улыбался.

– Сегодня я чуть было не разбогател, – журналист подмигнул Витьке. – На страшную сумму.

– Какую? – насторожился Витька.

– Одна дама из соседнего корпуса вдруг захотела купить у меня Анекдота. Судя по всему, женщина совсем не из бед-

ных. Одна пижама от Кардена чего стоит.

– Много предлагала?

– Сначала тысячу баксов.

– А потом?

– Потом дошло до трех тысяч. Дала бы и больше, но я ее выгнал.

Витька осмотрел палату.

– А Анекдот где?

– Он в детском отделении ночевал. Сейчас Гена его принесет.

– Смотри, что бы не свистнули, – посоветовал Витька.

– У детей, что ли? – усмехнулся журналист. – Ну, брат, для этого нужно быть последней обезьяной.

В палату вошел пожилой врач и молча сел на пустовавшую кровать Гены. Витька посмотрел на него с нескрываемым интересом.

– Кто хозяин черного кота? – после довольно долгой паузы, наконец, строго спросил врач.

– Я, – честно признался Иван Кругликов.

– Сегодня ночью ваш знаменитый кот спал с тяжелобольной девочкой, – глухо пояснил врач. – Утром ей стало лучше. У девочки появился хороший шанс выжить.

Иван Кругликов уронил бритву на пол.

– Что-что?!.. – шепотом спросил он.

– То, что вы слышали! – сердито сказал врач – Только что девочке сняли кардиограмму. Она будет жить.

Пауза получилась довольно длинной и выразительной.

– Такого не бывает, – убеждено сказал врач. – Это невозможно.

Иван Кругликов радостно рассмеялся:

– Вы правы, – потом он посмотрел на потолок и спросил: – Господи, неужели чудеса еще случаются, а?!..

«Домой пора, – размышлял Витька, направляясь в туалетную комнату. – Кажется, Петровичу уже сегодня придется отбиваться от покупателей палкой и двустволкой. Правда, у него есть Ленка. Но до сегодняшнего дня она торговала только на цивилизованном колхозном рынке. Не тот опыт!»

Витька открыл кран, поставил под струю воды руки и вдруг с удивлением увидел, что его пальцы сильно дрожат.

Покинуть больницу в выходной день оказалось не так просто. Витьке отказались выдавать одежду. Дежурный врач требовал разрешения врача лечащего.

– Я здоров как бык! – рычал Витька.

– Я тоже, – безразлично соглашался с ним дежурный врач. – И, тем не менее, сижу здесь.

– Мне домой срочно нужно.

– Мне тоже. Завтра придет Елизавета Сергеевна, вот она нас с вами и отпустит.

– Это тюрьма или больница?!

– Для вас, возможно, тюрьма, – улыбнулся врач.

– Почему?!

– Потому что Елизавета Сергеевна попросила не спускать

с вас глаз. Почему так, я не знаю... А теперь идите в свою камеру... То есть палату.

Скрипя сердце Витька согласился.

В коридоре, окруженный тесной толпой поклонников, прогуливался Анекдот. За последние сутки он растолстел чуть ли не вдвое. Никогда не терявший и раньше своего кошачьего достоинства Анекдот, заважничал еще больше. Ему уступала дорогу даже острая на язык уборщица. А эту ехидную старушку побаивались все, начиная от заведующего отделением и кончая больными.

– Ишь, какой гордый! – не без уважения шептала уборщица, отходя к стене. – Прямо директор!

Продолжая переживать за своих домашних, Витька немного понаблюдал за Анекдотом и вернулся в палату.

Иван Кругликов объяснял Гене, как можно получить рекламу на их телеканале за минимальную плату. Гена торопливо записывал в записную книжку номера телефонов и быстро кивал головой.

– Ты что такой сосредоточенный? – спросил Витьку журналист.

– Домой надо! – вздохнул Витька. – Дела кое-какие появились.

День тянулся долго и казался Витьке до удивления тусклым...

Ночью он плохо спал, а увиденный им под утро сон можно было смело назвать кошмаром. Витьке приснились чер-

ные кошки. Их огромные зеленые глаза превращались в золотые монеты и со звоном падали на асфальт. Витька расталкивал ногами слепых котов и кошек и собирал монеты в карманы. Но ощущения счастья почему-то не было. Витька очень хорошо запомнил то странное чувство напряжения, которое овладело им, когда он рассовывал по карманам последние монеты. Он часто оглядывался назад, словно ждал неожиданного удара в спину...

Утром Витька на прощание поцеловал руку Елизавете Петровне.

Врач улыбнулась.

– Вы уже сделали кардиограмму? – спросила она.

– Был самым первым в очереди, – по-солдатски четко доложил Витька.

– Результат?

– Результат превзошел все ожидания. С воплем: «Второе волшебное исцеление за сутки!» врач пулей вылетел из кабинета.

Лиза кивнула и вдруг, совсем не к месту, сказала:

– Вчера я долго беседовала с вашей женой. Оказывается, вы поэт и философ?

Витька поморщился.

– Могу представить, что Ленка вам наболтала.

– Само собой разумеется, – Лиза неожиданно и звонко рассмеялась. – Нет, вы просто замечательный человек! И,

честное слово, у вас есть чему поучиться.

Витька с интересом посмотрел на лицо Лизы. За последние сутки оно довольно сильно изменилось. Витька невольно поймал себя на мысли, что легкая жизнь Игоря Николаевича закончилась и уже в ближайшем будущем его ждут суровые испытания.

Витька попрощался с Геной и Иваном Кругликовым, быстро сбежал по лестнице вниз и вышел на улицу. Он шел к автобусной остановке, не обращая внимания на лужи, и чему-то улыбался...

Глава семнадцатая

Возле дома Петровича стояли две незнакомые, шикарные «иномарки». Витька скрипнул калиткой и вошел во двор. У кроличьих клеток курили трое: шикарно одетая девушка и двое молодых людей. Они о чем-то лениво переговаривались и сразу замолчали, увидев Витьку.

Один из парней тут же загородил ему дорогу к дому.

– Здесь живая очередь, – строго предупредил он.

У парня было узкое, длинное лицо и такой же длинный нос. Его глубоко посаженные глаза холодно блестели.

«На мафиози похож», – подумал Витька.

– Вообще-то я здесь живу, – спокойно пояснил он, отстраня парня в сторону.

– Родственник, что ли?

– Племянник.

Глаза у парня подобрели. Он проводил Витьку до самой двери, безуспешно пытаясь заговорить с ним о погоде.

– Меня Жорой зовут! – крикнул он напоследок, в спину Витьке.

– А меня Виктором Григорьевичем, – не оборачиваясь, представился Витька и закрыл за собой дверь.

На кухне, за столом, сидел Петрович и пересчитывал деньги. О том, что он занят именно этим можно было дога-

даться только по движению рук старика – самих бумажек в широких, натруженных ладонях старика почти не было видно.

Рядом с ним, на табуретке сидела не молодая женщина в легком и очень дорогом пальто. Она внимательно рассматривала черного, старого кота. Лена стояла у окна и строгим, учительским голосом диктовала инструкции.

– Первую неделю не выпускайте кота из дома, – монотонно вычитывала Лена. – Кот должен привыкнуть к новому месту. Перекормить не бойтесь. Что касается чистоты, то вполне хватит коробки с песком.

– Я уже купила специальный песок, – похвасталась покупательница. – Ароматизированный.

Петрович чуть заметно улыбнулся, но потом посмотрел на деньги, снова нахмурился и принялся пересчитывать их заново.

– Очень хорошо, – продолжала Лена. – Если кот начнет гадить, ткните его носом в этот ароматизированный песок.

Витька поздоровался.

Не прерывая счета, Петрович кивнул племяннику. Лена подошла к мужу и поцеловала его в щеку теплыми, мягкими губами. Витька немного удивился. Раньше таких излишних нежностей на людях Лена никогда не проявляла.

Когда покупательница, наконец, вышла, Витька спросил:

– За сколько отдали кота?

– За тысячу двести, – коротко бросил Петрович.

– Рублей?! – испугался Витька.

– Баксов, племянничек, баксов! – усмехнулся Петрович.

Поцелуй Лены оказался для Витьки совсем не единственной неожиданностью. Словечко «баксы» встречалось в лексиконе Петровича впервые и, надо признаться, звучало в устах старика настолько непривычно и удивительно, что Витька чуть было не сел мимо стула.

– А вчера доходило до полутора тысяч, – Лена обняла Витьку за плечи и лукаво прищурилась. – Муж – ты гений!

– Я всегда тебе об этом говорил, – немного растерянно заметил Витька.

Он был очень удивлен ценой.

– А я-то, дура, не верила, – Лена прильнула к мужу. – Витечка, ты золотко мое ненагляное!

– Сколько наторговали-то?

– Двадцать восемь тысяч триста долларов. Продали двадцать штук. Кстати, рубли мы пока не считали, времени не было...

Витька присвистнул.

Дверь приоткрылась и в щель просунулась физиономия очередного покупателя.

– Можно? – вежливо спросила физиономия.

– Заходи, Жора!

Вошла сразу вся, уже знакомая Витьке, троица. Девушка чарующе и несколько профессионально улыбалась. Боясь показаться нескромной, она часто одергивала чересчур ко-

роткую юбочку.

Петрович взглянул на покупателей поверх очков и кивнул на старенькие стулья.

После небольшого торга Витька установил окончательную цену на очередного кота – тысячу триста долларов.

– Виктор Григорьевич, это же грабеж! – возмутился Жора. Тем не менее, в голосе покупателя звучали плохо скрытые нотки восхищения. – Это же только кот!

Витька только развел руками, давая понять, что торг неуместен.

– Еще вопрос, что это за кот! – вмешалась Лена. – Например, те, что по улице бегают, вообще ничего не стоят. А вот наши, – женщина подняла с пола толстеного кота и прижала его к груди, – наши – особенные. Им, может быть, вообще цены нет!

– Все равно это грабеж! – продолжал возмущаться Жора. Девушка стряхнула с туго обтянутой лайкрой колени невидимую пылинку и многообещающе улыбнулась Петровичу.

– Дедушка, продайте нам всех своих котов, – неожиданно спросила она.

– Как это всех? – удивился старик.

– Всех значит оптом. А еще напишите нам бумажку, что это ваши коты.

– И сколько дадите? – насторожился Петрович.

– По семьсот за штуку.

«Семьдесят два минус двадцать равняется пятьдесят два кота, – быстро подсчитала в уме Лена. – Если по семьсот за штуку, получается тридцать шесть тысяч четыреста долларов. И всего-то?! Ну и жулье!»

– Еще не известно кто кого ограбить хочет, – уже вслух сказала Лена. – Мы вас или вы нас.

– Хорошо. По восемьсот за штуку.

«Сорок одна тысяча шестьсот, – мгновенно подсчитала Лена. – Какая наглость!»

– У нас три кота осталось, – соврал Витька. – Так что, сами понимаете, граждане, ни о какой оптовой продаже речи быть не может.

– К вам же еще придут, – не унималась девица.

«Вот тебе и конкуренты, черт бы их побрал! – подумал Витька. – Люди пытаются честно прожить своим умом за чужой счет».

– Кошки, как вы знаете, приходят к Петровичу только весной, – уже вслух сказал он. – И, кроме того, у нас нет фермы для их разведения.

– А зря, – довольно прозрачно намекнула девушка. – С таким человеком как Николай Петрович, об этом стоило бы подумать.

«Ох, и умная ты девка! – с неприязнью подумал Витька. – Только ты должна знать, что подражать легко, а вот рожать идею трудно. Так что вали отсюда и рожай!»

– Торг окончен, – сухо объявил он.

Витька незаметно подмигнул Лене. Жена неохотно сбавила цену на кота на пятьдесят долларов. Девушка выложила на стол деньги и, по-прежнему часто и жадно посматривая на Петровича, сказала:

– Вы все-таки подумайте над нашим предложением. Мы вам телефончик оставим.

На этом визит закончился.

До вечера компаньоны смогли продать еще восемь котов и трех кошек. Удивительно, но цены на котов росли и росли. Последнего кота с «фермы» Лена продала за тысячу восемьсот при начальной цене больше двух.

– Своих котов продавать не буду! – вдруг заявил Петрович.

Старик имел в виду Багиру и ее крохотное племя. Лена кусала губы и так жадно смотрела на Петровича, что Витька улыбнулся. Молодую женщину так и подмывало уговорить Петровича продолжить торговлю.

– Ладно, шабаш на сегодня, – согласился с Петровичем Витька.

– Больше двадцати тысяч за день! – Лена хлопала в ладоши и танцевала. – Муж я тебя снова люблю!

– Деньги ты любишь, а не меня, – возразил Витька. – И вообще, деньги могут испортить любую женщину.

– Конечно, могут, – засмеялась Лена. – Но если бы ты только знал какое блаженство женщина в это время испытывает!

Витька и Петрович сидели на диване и сортировали купюры по их номинальной стоимости. Родные, российские рубли компаньоны откладывали в сторону. Впрочем, их было совсем немного. Глава фирмы Петрович предпочитал брать валюту.

– И я тоже пересчитывать хочу, – Лена стала возле дивана на колени, и озорно сверкая глазами, посмотрела на Петровича. – Дядь Коль, дай и мне кучку.

Петрович улыбнулся и пододвинул к женщине целый ворох зеленых банкнот.

– Ты лучше рубли пересчитывай, – сказал Витька.

– Сам их считай! – Лена прильнула щекой к куче банкнот и обняла ее руками. – Ух, ты сколько же тут!

– А ты говорил, хватит, мол, ловить, – ворчал на Петровича Витька. – Между прочим, осталось только штук сорок, что ли? Что делать-то будем?

– Пробьемся! – ответила за Петровича Лена.

– И с кормом туговато, – вздохнул старик.

– Корм – ладно! – Витька показал Петровичу стодолларовую банкноту. – Между прочим, это три тысячи пятьсот рублей по курсу. Килограмм мясных отходов стоит пятьдесят рублей. А зерно? Имея такие деньги, мы тысячу котов прокормим!

– Витечка, поехали еще половим? – Лена села рядом с мужем и обняла его за шею – Поедем, да?

– Опасно! – вздохнул Витька. – Ты представляешь, что

будет, если все всплывет наружу? Кроме того, ты женщина приметная. Так что, в случае чего, я один поеду.

– Одного я тебя не пущу!

– Почему?

– Мало ли что! Я тебя... Как это? Я тебя на всякий случай прикрывать буду.

– Своим телом, что ли?

На котоферму за следующей партией котов и кошек и для кормежки оставшихся, компаньоны решили отправиться только затемно. Лишний раз мелькать на глазах у соседей Витька не хотел. Чем дальше заходило дело, тем строже следовало хранить тайну существования котофермы.

Лена стала собираться в дорогу вместе с мужчинами.

– А ты куда? – удивился Витька.

– Как куда? С вами, конечно.

– Еще чего!

Но окрыленную успехом Лену было невозможно переубедить. Молодая женщина хотела знать все о вдруг оказавшемся таким прибыльным деле.

Петрович предложил Лене кирзовые сапоги.

– Сыро на улице, – пояснил он и тут же пожаловался. – А вот у меня вот ноги мерзнут. И почему-то не ступня, а икры и колени. Старею, что ли?

Лена протянула Петровичу колготки. Старик замахал руками:

– Ты что, Лен?! Да не одену я их!

– Дядь Коль, ты пойми, они же греют лучше шерстяных штанов, – уверяла Петровича Лена. – Одевай и нечего тут кокетничать.

– Срамота! – отбивался Петрович. – Старый дед и вдруг в колготках!

– Под штанами все равно ничего не видно.

В конце концов, Петрович нехотя взял колготки и направился в соседнюю комнату. Когда он вернулся, его поджидал еще один подарок. Лена конфисковала у Витьки кожаную куртку.

– Оденем тебя с ног до головы, дядь Коль, – молодая женщина жадно улыбалась. – Одно дело делаем, так что друг к другу поближе нужно быть. Такая теснота делу только поможет.

– Будем жить как в автобусной давке, – пояснил Витька.

– А хотя бы! – с вызовом ответила мужу Лена.

На улице было темно и сыро. Мелкие, похожие на пыль, дождевые капли лезли в глаза и уши. В черных лужах плавали случайные блики света от далеких фонарей. Они были похожи на тусклые, разноцветные бензиновые пятна.

Витька тащил в правой руке тяжелую сумку с кошачьей едой, за левую его цепко держала Лена. Женщина несла на плече узел со старыми тряпками. Лена настояла на том, что кошкам с котятами нужны более уютные места, чем те, которые смогли соорудить для них мужчины.

Петрович шел впереди, подсвечивая под ноги фонариком.

– Витьк, смотри, тут лужа, – предупреждал он.

– Вижу.

– А здесь лучше по обочине пройти.

– Хорошо.

– А-а, черт! – старик взмахнул руками и завалился на бок.

Лена засмеялась.

– Да не спеши ты, дядь Коль! Успеем.

Старику помогли встать.

Дорога вышла в поле, идти стало немного легче. Казалось огромное окружающее пространство еще сохранило остатки тепла и света. Полная луна отмечала свое место на небе едва заметным, светлым пятном.

Под ногой женщины громко вскрикнула кошка. От неожиданности Лена выронила узел с тряпками.

– Боже мой, что это?!

– Кошка, – пояснил Петрович. – Багира. Последнее время она со мной всегда на котоферму бегает.

Луч фонарика осветил кошку. Она была мокрой и жалкой. Сильно прихрамывая на левую переднюю лапу, Багира выбралась на высокую обочину. Она села и осуждающе посмотрела на людей.

– Ты зачем с нами пошла, глупая? – спросил Витька Багиру. – Иди домой!

Кошка слабо мяукнула.

– Пошли! – Лена потянула мужа за руку. – Не чего время терять.

– Вы потише-то ногами, – предупредил Петрович. – Кошку замнете.

– Дядь Коль, так ведь ее в темноте не видно!

Через два десятка шагов Петрович оглянулся и осветил фонариком. Багира тащилась следом, сильно припадая на переднюю лапу. Судя по всему, кошка устала, ночной переход давался ей с трудом.

Старик дождал Багиру, взял ее на руки и втиснул за отворот куртки.

– Тебя мне еще не хватало! – ворчал старик. – Сидела бы дома возле батареи.

Кошка почувствовала тепло человеческого тела и благодарно замурчала.

– Петрович, не отставай! Светлое будущее – не социализм, ждать не будет.

– Да иду я... Иду!

Кормить кошачье стадо при свете фонарика оказалось не таким уж простым занятием. Витька вляпался ногой в ящик с кошачьим туалетом. Лена чуть не опрокинула на себя кастрюлю с кашей. Супруги то переругивались, то весело смеялись. Петрович подманивал животных куском копченой рыбы, осматривал их, как осматривал своих кроликов – не заболели ли? – и отбирал нужных.

– Жутковато тут без света, – жаловалась Лена. – И эхо какое-то странное. Вот послушайте: а-а-а!

– А-а! Ао-ао! Ао-ао!.. – ответило эхо. Последние звуки чем-то напоминали голосок мультфильмовского злого гнома.

Закончив раскладывать по мискам еду, Витька осмотрел темные углы. Мертвых животных нигде не было. Племянник подошел к Петровичу.

– Что, дядь Коль? Не болеют коты?

Старик кивнул.

– Нет, все нормально.

Витька потянулся к ближайшему коту.

– Пасть не забудь посмотреть, – предупредил Петрович. – И шерсть повороши... Вы котов с улицы брали, так что какую-нибудь заразу запросто принести сюда могли.

Лена снова громко крикнула. Эхо охотно отозвалось.

– Не занимайся ерундой – посоветовал Витька жене, внимательно осматривая очередного кота. – А это что? Ничего не понимаю... Ленка!!

– Ну?

– Гну! Откуда у нас кот с желтыми глазами?!

– Не знаю.

– Ты мне зубы не заговаривай! Ты его в машину подкинула? – Витька стал надвигаться на жену, держа перед собой за шиворот толстенного кота. – Лучше по-хорошему признайся!

– Отстань, дурак!.. – отбивалась Лена. – И убери кота. Он мне сейчас глаза выцарапает! Ма-а-а-ма-а-а!

«Ну, чисто грачи галдят», – улыбаясь, думал Петрович.

Работа была закончена только через долгих два часа. На обратном пути, едва выйдя из диспетчерской, Лена поймала Витьку за локоть и жарко зашептала ему в ухо.

– Вить, а Вить, там, на котоферме, на меня кто-то смотрел... Честное слово, смотрел!

– Кто?

– Откуда я знаю?!

– Тогда я ничего не понял.

– Ну, как тебе объяснить... Знаешь, вот иногда кажется, что тебе в спину кто-то смотрит. Оглянешься, а там действительно кто-нибудь стоит. Вот и на котоферме у меня такое же ощущение было.

– Глупости, – отмахнулся Витька.

– Ой, Вить, честное слово, я не выдумываю! Мы когда по коридору шли, я оглянулась, а там сзади чьи-то глаза красные... У Петровича за спиной. Может быть, это домовый был?

– Ага. От военных остался. Домовой в погонах!

– И все-таки там что-то есть. Что-то не хорошее, – настаивала Лена. – Я ведь почему в коридоре оглянулась? Потому что на руках у Петровича кошка зарычала. А еще там...

Договорить Лена не успела, Витька поскользнулся и сел в лужу.

– Уй, черт! – громко выругался он. – Да отстань же ты от меня своей ерундой! Итак, проблем полно, так ты еще новые

выдумываешь!

Но Лена не отпустила руку мужа до самого дома.

После ужина Петрович, пряча улыбку, посмотрел на Лену.

– Слышь, Лен, это самое... Спасибо тебе.

– За что, дядь Коль?

– Да ведь и в самом деле хорошо греют колготки.

Ночью, в кровати, Витька подвергся со стороны жены долгому сексуальному насилию. Лена была как никогда страстной. В конце концов, порядком вспотевший Витька уткнулся головой в подушку и прошептал:

– Все! Не могу больше.

Лена рассмеялась. Она приподняла ногу и толкнула мужа в бок.

– Вить!

– Ну?

– Посмотри какая у меня ножка красивая.

Витька посмотрел. Ножка у Лены действительно была очень красивая.

– Что скажешь, а?

– Скажу, что завтра вставать рано...

Лена прильнула к мужу.

– Будем деньги зарабатывать, а?

– Вообще-то, если честно, с помощью кошек мы не зарабатываем...

– А что же мы делаем?! – удивилась Лена.

Муж лег лицом в подушку и ничего не ответил.

Утром Петрович потерял три тысячи долларов. Всю ночь старику снился уютный деревенский дом и, едва встав с постели, он еще раз решил пересчитать деньги. Петровичу нравилось не спеша перекладывать бумажки из одной кучки в другую, рассматривать деньги на свет или смотреть на них просто так, удивляясь их количеству. Но денег оказалось ровно на три тысячи меньше, чем было вчера. Старик пересчитал еще раз. Денег не прибавилось.

Забыв надеть штаны, Петрович направился в комнату племянника. Супруги спали. Витька улыбался даже во сне. Лена тихо посапывала, уткнувшись носом в плечо мужа. Ее белая, полная нога лежала поверх одеяла, крепко обнимая Витькины колени.

– Витьк... – тихим, подрагивающим голосом позвал старик.

– Ну-у-у? – не открывая глаз, отозвался племянник.

– Витьк, деньги пропали...

Супруги одновременно, как по команде, открыли глаза.

– Все?!

– Нет...

Старик смотрел на голую женскую ногу и чуть не плакал от горя. Лена спрятала ногу под одеяло и посмотрела на мужа. Тот потер заспанное лицо ладонями:

– Ну, если не все, то сейчас найдем. Никуда они не денутся.

Пропавшие деньги искали втроем. Лена забыла надеть халат и ползала по полу на коленях в ночной рубашке.

– Тут нет, – бормотала она, заглядывая под шкаф. – И тут тоже нет...

Деньги нашли быстро. Скатанные в упругий рулончик доллары лежали за ножкой дивана.

– Вчера уронил, наверное, – виновато улыбнулся Петрович.

Лена вернулась в спальню. Она упала на кровать и прижалась лицом к подушке. Ее душил смех.

– Ты чего? – удивился Витька.

– Дядя Коля... Ой, не могу! – смеялась в подушку Лена – В моих колготках... Ха-ха-ха!

Витька улыбнулся.

– Одевайся. Работы много.

Работы было действительно много и ее хватало всем.

За два последующих дня компаньоны продали еще тридцать семь котов и кошек. Лена скучала по детям, но визит в деревню, ввиду крайней занятости, пришлось отложить. Петрович пустил под нож половину кроликов – старик явно берег деньги и не хотел тратиться на корм. Растянутые на скорняжных рамках кроличьи шкурки до предела заполнили сарай. Запах от них был совсем не райский.

– Между прочим, это тоже деньги, – пояснял Петрович Витьке. – Пусть маленькие, конечно, но нам и они сгодятся.

– Я понимаю, дядь Коля, – ворчал Витька, вытаскивая оче-

редной мешок зерна из кладовой Петровича. – Только я твоими «шкурными» химикатами уже насквозь пропитался. От меня даже Багира шарахается. Наверное, боится, что я с нее шубку сниму.

Во вторник и среду Витька и Лена, уже ночью, съездили на охоту. На этот раз Витька не решился на похищение одомашненных животных и предпочитал действовать возле рынков и новостроек. Обе вылазки оказались довольно удачными и больше двух десятков диких котов, кошек и котят (правда, уже не такого стерильно-черного цвета как предыдущие) отравились на котоферму.

После вылазки старик снова взялся за кроликов. А покупатели шли и шли... В четверг, в одной из областных газет, появилась статья о не совсем обычных случаях исцеления детей в областной больнице. Автор статьи довольно прозрачно намекал на то, что возможной первопричиной этих чудес является черный и зеленоглазый кот, недавно поселившийся в больнице. Той же ночью кота украли. Его разыскивала вся городская милиция. Дело не обошлось без введения в действие пресловутого плана «Перехват» и даже погони. Возвращение кота Анекдота в больницу происходило довольно торжественно. Заместитель мэра города прежде, чем отдать кота детям долго позировал с Анекдотом перед фото- и видеокамерами.

Цены на живой товар «от Петровича» резко взлетели вверх. А покупатели словно сошли с ума. Их было так много

и они так охотно соглашались с растущими ценами, что все происходящее вдруг стало похоже на финансовую сказку...

Петрович метался по двору то встречая гостей, то снова направляясь к кроличьим клеткам. Доходило до смешного: одну покупательницу, даму с бледным, нервным лицом, старик встретил у калитки с окровавленным ножом в руках. Дама посинела от ужаса и попятилась к машине. Если бы не торопливые объяснения Витьки сделка наверняка бы не состоялась.

У Лены то и дело подгорала на плите кошачья каша с тушенкой. Молодая женщина страдала. Ей искренне казалось, что без ее участия в торгах цены на волшебных котов начнут падать.

– С такой поварихой как ты выгоднее «Кити Кэт» покупать, – ругал жену Витька. – Попробуй сама что ты наварила!

– Сожрут и такую, – отмахивалась Лена.

– Я тебя сейчас саму эту кашу есть заставлю! – бушевал Витька. – Валютный товар мне испортить хочешь?!

Азартно поблескивая глазами, Лена смело вступала в очередную перепалку с мужем. Чем яростнее и веселее была ссора, тем более страстно Лена вела себя ночью в постели. Ее ласки были настолько жаркими и жадными, что порядком измученный Витька сделал неутешительный вывод:

– В тебя, Ленка, и в самом деле словно черт вселился.

Лена тихо смеялась и нежно шептала:

– Весело же, Витечка, ой, как весело! И заткнись, пожа-

луйста. А то я тебе ухо откушу!

Суета большого бизнеса затянула Витьку, как в трясины — с головой. Впрочем, как бы это странно не звучало, он все еще умел находить время для поэтической грусти. По ночам, когда жена усypала, он выползал из кровати и брел на веранду. Раскрыв там тетрадку Витька долго смотрел на чистый лист бумаги. Мысли шли по кругу и вновь возвращались к текущим проблемам кошачьего бизнеса. Витька тряс головой, грыз ручку, курил сигарету за сигаретой, но ничего не помогало. Ручка тянулась к бумаге и выводила неуверенные строчки:

Идиотское сердце. Идиотская грусть.
Идиотские кошки. Идиотская суть.
Идиотские деньги. Идиотский компот.
Идиоты соседи и я сам идиот.

Витька перечеркивал написанное, писал и снова перечеркивал. Иногда он вздыхал и долго смотрел в темное окно...

Один раз, уже порядком разозлившись на самого себя, Витька быстро, почти без исправлений, написал следующие строчки:

Моя рука стареет понемногу,
Морщины полосуют кожу,
Толстеют пальцы —

В этих пальцах дрожь.
Я больше не рисую,
Вместо кисти нож
Пыль вытирает с толстого стекла,
У самого лица,
У глаз портрета.
В искринках инистого света
Рожденная ножом черта
Как просто взгляд пересекает!..
Я слышу тонкий визг стекла...
Я вытираю пыль с лица...
Я вытираю пыль с лица...
Я вытираю пыль с лица...

«А нож-то тут откуда? – растерянно подумал Витька, перечитывая стихи еще раз. – Прямо как Петрович я у кроличьих клеток...»

Он уже в который раз вспомнил жутковатые строчки, об «истине в пыли у ног» написанные им однажды зимним вечером. Как и раньше эти строчки казались ему чужими, пришедшими извне, но они были искренними... И они не давали покоя.

«И откуда такая бесовщина в голову лезет? – Витька морщился, как от боли. – Словно иудой себя чувствуешь...»

Спал Витька без сновидений, чего с ним никогда раньше не было.

Глава восемнадцатая

Лена развешивала во дворе белье.

– Привет, Елена Прекрасная! – окликнул женщину чей-то голос.

Лена оглянулась. Сзади стоял давнишний друг Витьки Михаил. Мужчина широко улыбался. Лена поздоровалась и улыбнулась в ответ.

– А Витька где? – спросил Михаил. – Тут с ним один человек поговорить хочет.

За спиной Михаила прохаживался коренастый, хорошо одетый мужчина лет сорока пяти. Он с любопытством осматривал двор, потом подошел к кроличьим клеткам и постучал по сетке пальцем. За сеткой мелькнуло длинное, кроличье ухо. Мужчина хитро прищурился и посмотрел на Лену. У него было волевое лицо и внимательные глаза.

– А я, грешным делом, подумал уж не кошки ли? – с улыбкой сказал он.

– Витька-а-а! – громко позвала Лена.

– Ну? – донеслось из дома.

– Иди, тут к тебе пришли.

Что-то пережевывая на ходу, Витька сбегал вниз с высоких порожек веранды. Друзья шутливо хлопнули друг друга по плечам. Михаил повернулся к коренастому.

– Павел Николаевич, – представил он незнакомца. – Вот, хочет с тобой познакомиться.

Витька пожал руку гостю.

– Виктор Григорьевич. Как говорится, чем могу?

– Да, собственно говоря, пока ничем, – снова улыбнулся

Павел Николаевич. – Просто я хотел с вами немного поговорить, так сказать, на общие темы... Если вы не против, конечно.

Витька мельком взглянул на Михаила. Тот едва заметно кивнул и хотел было отойти в сторону.

– Не стоит, – остановил его коренастый. – Я не собираюсь вести о секретные переговоры. Кстати, Виктор Григорьевич, нам не помешает и ваша супруга.

Павел Николаевич снял шляпу и представился молодой женщине. Лена ответила. Коренастый поцеловал ей руку. Лена немного смутилась – ее рука пахла стиральным порошком. Она быстро сообразила, что, не смотря, на благодушие гостя, разговор получится очень серьезным. Женщина предложила гостям пройти в дом.

– К чему лишние хлопоты? – возразил Павел Николаевич. – Присядем прямо здесь – он кивнул на горку бревен. – Помню, в детстве, перед нашим домом лежали точно такие же. Давно это было... Песни «Битлов», первая влюбленность, первые огорчения и радости... Впрочем, о детстве почему-то всегда помнишь только хорошее.

Витька молча сел рядом. Михаил остался стоять. Он ку-

рил, изредка посматривая по сторонам, и деликатно делал вид, что хотя его и пригласили остаться, разговор его мало интересует.

Павел Николаевич выдержал небольшую паузу.

– Мне нравятся умные люди, Виктор Григорьевич, – наконец снова заговорил он. – Они умеют выслушивать даже чужие воспоминания. Теперь поговорим о более конкретных вещах?

Витька кивнул.

– Отлично! – коренастый закурил. – Итак, вы имеете свой бизнес. Я не спрашиваю вас, что это за бизнес, потому что не привык лезть в чужие дела. Но я думаю, что мы с вами можем договориться.

– О чем?

«О котках Петровича, – подумала Лена. У нее кольнуло под сердцем. – Вот что, Павел Николаевич, пошел-ка ты к черту!»

– Понимаете, в чем, собственно говоря, дело, – продолжил гость. – То чем вы сейчас занимаетесь, Виктор Григорьевич – только кустарщина. Я совсем не хочу вас обидеть. Ваше дело очень умная, можно даже сказать талантливая, но все-таки кустарщина. И оно останется таким, если вам не помочь. Вам не хватает разворота. Простора! А для этого нужны деньги. Очень большие деньги. Но я не ростовщик и не банкир. Как говаривали раньше в рекламе, я не халявщик, я – партнер. И поверьте, а Михаил вам подтвердит, что со мной можно

иметь дело. Кстати, не вините его ни в чем. Я разузнал обо всем сам и попросил вашего друга представить нас...

Витька покачал головой.

– Быстро же вы все разузнали.

– У меня такая работа, – улыбнулся коренастый. – Я не тороплю вас с ответом. Вы можете подумать. Если предложение о партнерстве вам не понравится, откажитесь. Я не отморозок-рэкети́р и не собираюсь давить на вас. Мне нужны люди, которые идут на сделку сознательно. Ваш бизнес можно сделать на порядок, а то и на два больше.

Лена подошла поближе. На лице женщины появилось заинтересованное выражение. Заурядного рэкета, которого она боялась, не было.

Лена посмотрела на мужа. Тот молчал и думал. Лене вдруг очень захотелось вмешаться в разговор, но она не знала с чего начать. Гость сумел выстроить свою речь так, что любой вопрос мог прозвучать как согласие на сделку.

– Знаете, чем вы мне интересны? – Павел Николаевич взглянул на молодую женщину. – Вы организовали свой бизнес практически из ничего. Вы дали ему гениальную рекламу. Вы умеете работать. Со временем мы сможем присмотреться друг к другу и как знать, может быть мы сумеем организовать с вами еще не одно дело. Мне нужны талантливые партнеры.

Витька потер щеку.

– Кажется, перед нами открывается неплохая перспекти-

ва, – чуть заметно улыбнулся он.

– Это вам не кажется. Все будет зависеть от вас, – коренастый встал. – Вот, в сущности, и все, что я хотел вам сказать. До свидания или прощайте – это уже на ваше усмотрение.

Не спеша, гость направился к стоящей на улице иномарке.

– В таких вещах трудно давать советы, – сказал Михаил, когда коренастый захлопнул за собой дверцу машины. – Думай сам. Но я хотел, чтобы ты согласился. – Михаил пожал руку друга. – Как меня найти ты знаешь. Если возникнут проблемы, пару ребят для тебя я всегда найду. Ну, бывай!

У калитки Михаил оглянулся.

– Слышь, Вить, а, может быть, с Серегой я сам поговорю, а?

Витька отрицательно покачал головой.

Машина неслышно тронулась с места и скрылась за углом.

Лена присела рядом с мужем.

– Вить, а Вить... – позвала она.

– Что?

– согласишься?

– Наверное, нет... Не по мне это, с акулами капитализма сотрудничать. Когда сам чем-то занимаешься и сам себе хозяин – еще куда не шло. А под чужую «крышу» я не пойду.

– Это понятно, – Лена говорила осторожно подбирая слова, словно боялась неловкой фразой утвердить мужа в его еще не окончательно принятом решении. – Но если... Ты же сам слышал, что он говорил? Тут дело не только в кошках.

А с этим... как его?.. ну, визитером можно будет еще чем-нибудь заняться. А я бы тебе помогала. Интересно же!

В глазах Лены вспыхнул уже хорошо знакомый Витьке азартный огонек.

– Ты хочешь сказать, что, не пора ли нам подаваться в деловые люди?

– Да. Ну не век же нам в деревне сидеть.

– На чужое богатство только со стороны хорошо смотреть, – грустно возразил Витька. – А за просто так еще никто никому ничего не давал. Кроме того, разве мы сейчас с тобой мало имеем? Петрович-то себе больше трети ни за что не возьмет. А ты посчитай, сколько еще мы заработаем.

– Так ведь уедет Петрович в деревню и кончится наш бизнес, – возразила Лена. – Скоро кончится, понимаешь?

Витька удивленно заморгал. Такая простая мысль еще не приходила ему в голову.

– Вот ведь черт, а?! – рассмеялся он. – Действительно! Хотя жалко, конечно. Я к этому делу уже чуть ли не кожей прирос.

– А если дяде Коли никуда не уезжать? – тихо спросила Лена.

– Как не уезжать?!

– Ну, так не уезжать и все. Он что хотел? Дом получше? Дом можно и в городе найти. Были бы деньги, а любую проблему, тем более такую, за пару дней решить можно.

– Да не дом ему нужен, покоя он себе и дочери ищет, –

отмахнулся Витька. – А что касается городских хором, то, как только старик в них переедет, у него сразу перестанут кошек покупать. У нас богато кто живет? Одни ворюги... Подожди-ка, подожди! – Витька посмотрел на Лену широко распахнувшимися глазами. – Ведь это что же получается?! Получается, что мне выгодно, что бы Петрович ни фигу не получил, да? И что бы он по-прежнему жил в своей халупе, так что ли? Ну, бизнес, ну и сучье занятие! – Витька вскочил и принялся расхаживать вдоль бревен. – А ведь я никогда жлобом не был. А теперь жалею! Даже не деньги я жалею, а дело наше, черт бы его побрал.

– Да не мотайся ты, Вить, – попробовала успокоить мужа Лена. – Появятся у старика деньги, Серега перед ним на задних лапках ходить станет. Вот тебе и покой старику. И даже не покой, а прямо-таки полный комфорт для Петровича получится.

– Откупиться Петровичу от зятя предлагаешь? – поморщился Витька. – Боюсь, что не выйдет... Деньги, конечно, штука хорошая, но кое в чем и они не всесильны. Просто затаитя Серега, понимаешь? А там неизвестно что еще выйдет. Хотя, ладно, время у нас на раздумье еще есть. А теперь пойдем домой, холодно что-то.

Петрович сидел за столом и, уже в который раз, задумчиво пересчитывал деньги.

– Там царь Кошей над золотом чахнет, там прусский дух, там доллар пахнет! – с порога процитировал Витька. – Что

там по телеку передают, дядь Коль? Говорят, что снова коммунисты к власти придут?

– А пошли они, эти коммунисты, куда подальше! – неожиданно грубо ответил Петрович, рассматривая на свет столдоваровую банкноту. – Хватит, навоевались за светлую жизнь за чужим забором!

Лена от удивления едва не выронила пустой таз.

– Дядь Коль, ты что это? В демократы, что ли, записался?

– А хотя бы! – с явным вызовом ответил старик.

Еще неделю тому назад, в семейных диалогах, Петрович жаловался на теперешнюю, по его словам «сволочную жизнь». Отсутствие справедливости рождало, по его мнению, непомерную жадность в людях.

Витька даже присел от смеха.

– Так их всех, дядь Коль! Ха-ха-ха!.. Да здравствует жирная, капиталистическая Родина!

– Это уж точно. Мне на всех теперь плевать, и на коммунистов и на бандитов, – согласился старик. – Мне внуков воспитывать нужно. Вот видишь, – старик сгреб широкими, почерневшими от работы ладонями деньги и показал их Витьке. – Я такого богатства ни разу в жизни еще в руках не держал. Даже штаны себе всегда покупал не те, что получше, а те, что подешевле. Ты вот про Родину говоришь, а где она, Родина эта?! Я ее что-то в магазине возле кассы не видел. Вот выйду я сейчас на улицу с протянутой рукой, даст мне хоть кто-нибудь хоть рубль?

Витька покачал головой.

– Да нет, дядь Коль, я так думаю, что как раз тебе-то этот рубль и дадут. Человек ты хороший...

– Да что им делать-то, рублем одним?! – перешел на крик старик. – Сухари мне, что ли, не него покупать? Бог, он, может быть, и есть, только вот ангелов на нашей грешной земле нету. Каждый только о себе думает. И молод ты, Витька, что бы надо мной подсмеиваться!

Последние слова Петровича прозвучали на самой высокой и обидчивой ноте.

– Правильно, – поддержала Петровича Лена и тоже обрушилась на мужа. – Вот ты, Витечка, до тридцати пяти лет дожил, а все никак свою детскую блажь из головы выбросить не можешь. То стихи какие-то дурацкие пишешь, то с мужиками водку жрешь и на межгалактические темы беседуешь, не надоело еще, а?! Не хозяин ты в доме, Витька, а одна пустая амбиция в штанах!

Витька попытался отшутиться.

– Я вам сейчас бревно со двора принесу, вот его и пилите.

– Эх, жаль, что я не мужик, – посетовала Лена. – Я бы тебя через день ремнем драла!

– А почему не каждый день? – хмыкнул Витька.

– Что бы ты умнее меня не стал.

– Вообще-то, ремень это дело полезное, – согласился Петрович.

– Вы не очень-то расходитесь! – наконец обиделся Вить-

ка. – Например, много бы вы без меня заработали?

– Без тебя?! – искренне удивилась Лена. – А ты тут при чем?!

– А кто идею про котов придумал?

– Ты свой хвост не очень-то поднимай, – наступала Лена. – Коты эти чьи? Дяди Коли! А реклама по телевизору чья? Моя!

– Все равно бы без меня эта афера не вышла!

– Какая такая афера?! – удивился Петрович.

– Да ладно тебе, дядь Коль, – отмахнулся Витька. – Как будто ты не понимаешь...

Петрович медленно встал. Его лицо заметно подрагивало.

– Никакой аферы тут нет, – твердо сказал старик. – Я за своих кошек и котов головой ручаюсь!

– И даже за тех, которых мы на улице отловили?

– А я сказал, ручаюсь и все! – старик ударил ладонь по столу.

– За всех мы ручаемся, – горячо поддержала старика хитрая Лена. – А ты, Витька, змей последний, вот ты кто!

– Опять за свое, да?!

– Не опять, а снова!

– У меня люди, прежде чем котенка взять, целый год, а то и больше его выпрашивали! – с дрожью в голосе вмешался старик. – В очередь становились! А ты, Витька, выходит, сейчас меня в том упрекаешь, что я с них раньше денег не брал?

– Да что с ним говорить, дядя Коля?! Это же Бармалей для семьи, а не кормилец.

Пытаясь избежать незаслуженной расправы, Витька метнулся к двери. На пороге он споткнулся и чуть не упал. Лена победно рассмеялась.

На улице Витька ощупал карманы куртки. Денег как всегда не было. Лена цепко держала в своих ладошках семейный кошелек.

Витька плюнул и подошел к открытой форточке.

– Сигареты дай! – крикнул он жене.

Из форточки вылетела пачка сигарет, стукнула Витьку по лбу и упала в грязь.

– Скорешились двое на одного, – проворчал под нос Витька, поднимая сигареты. – Теперь до кошачьей кормежки им лучше на глаза не попадаться...

Возбуждение рожденное спором быстро прошло. На душе монополиста вдруг стало грустно и даже одиноко.

«Ну вас всех!.. – с горечью подумал Витька. – Пойти, что ли, пивка попить?»

В субботу утром Витька окончательно загрустил. Покупателей стало чуть меньше и компаньоны смогли немного перевести дух. После обеда Витка долго слонялся по дому, словно искал что-то, а потом тихо попросил у Лены денег.

– Это зачем тебе? – насторожилась Лена.

– Пойду сигарет куплю, – соврал Витька.

– На столе пятьдесят рублей. Возьми и отстань.

– Дай сразу на блок, а? – канючил Витька. – Что я как пацан каждый день за парой пачек бегаю?

– Отвяжись. И вообще иди отсюда!

– Куда?

– Дяде Коле помощи. А потом на котоферму идти нужно...

Котов кто кормить будет?!

Витька потоптался, не зная что говорить дальше.

– Лен, ну будь человеком, а? – тоскливо и жалобно попросил он – Ну, дай...

– Скажи честно, на выпивку просишь?

– Ага. Но на чуть-чуть... Честное слово, хандра меня что-то заела. Оглянусь вокруг, всюду ваши с Петровичем озабоченные физиономии, – Витька виновато улыбнулся. – Живем как в тесной бане. От такого существования и офанареть недолго...

– Перетерпишь.

– Лен...

– Что?

– Знаешь, что я тебе скажу? Колхозный коллективизм по сравнению с нашим капиталистическим это просто тьфу и все. Семечки!.. Как в клубке мы живем, понимаешь?.. Коты – деньги – снова коты... Хреново мне, Лен...

– Тонкая душа философа захотела водочки и одиночества?

– Ага. Хоть чуть-чуть бы мне от вас отдохнуть, ей-богу.

– Нельзя. Общее дело делаем, так что вместе и отдыхать будем, – глубокомысленно заключила Лена, помешивая на плите кошачью кашу. – Терпи!

Витька смиренно вздохнул и вышел.

Через пару минут Лена вытерла руки и направилась в комнату за какой-то мелочью. Там, в центре стола, лежал ее расстегнутый кошелек. Женщина быстро пересчитала деньги: не хватало пятьсот рублей. Лена подбежала к окну.

– Дядь Коль! – громко позвала она в форточку. – Витька с вами?

– Нет, – глухо откликнулся из сарая старик.

– Ушел, что ли, куда?

– За сигаретами.

«Ну, я тебе покажу, жулик!» – подумала о муже Лена.

Но позже снова пошли покупатели и Лена забыла обо всем на свете.

Витька вернулся только к четырем часам. Он был весел и пьян почти до невменяемого состояния. Поймав во дворе Петровича, он трижды поцеловал его в щеки влажными губами.

– Дядь Коль, я тебя люблю! – от души признался племянник.

– Отстань, черт! – отбивался Петрович. – Если напился, то иди, спать ложись.

– Щ-щас пойду... – Витька выразительно ударил себя в грудь, открыл рот, но вдруг забыл то, что хотел сказать. – Я

это... Вас всех люблю, – улыбнулся он. – Даже свою иезуитскую женушку...

– И давно любишь? – не выдержал и улыбнулся в ответ старик.

– Черт его знает, дядь Коль, наверное, с самого рождения...

Вдвоем с Леной Петрович втащил Витьку в дом. Его усадили на диван и стали раздевать.

– Любить – это вам не щи лаптем хлебать... Что такое любовь, Петрович? – продолжал разглагольствовать Витька. – Поймите, милые мои идиоты, что любовь это каторжный, всепожирающий труд души. А еще любовь страшнее самого худшего наказания, потому что без нее нельзя жить... Как нельзя жить без воздуха. Любовь жажда, черт бы ее побрал. Именно жажда! Она похожа на тоску, на зов тихой трели и на безумие... Потому что человек не сумма каких-то качеств и слов... Арифметическое действие не может тосковать и сходиться с ума, потому что у него нет сердца. Наверное, когда Бог создавал человека, он улыбался. Этот всевышний мудрец сначала взял истину и только потом, обмазав ее глиной, вылепил человека. Петрович!.. Ленка все равно меня не поймет, а вот тебе я скажу: человек – не кукла. В нем нет места для управляющей пятерни, потому что там, внутри человека, истина и только потеряв эту истину можно превратиться в чью-то злую куклу. Мы вечны, Петрович, мы вечны, потому что истина внутри нас бессмертна!..

– Сиди тихо, – одернула мужа Лена, стягивая с него рубашку. – Разговорился тут!

– А что, уже надоел, да? – пьяно улыбнулся Витька.

– Завтра поговорим.

– Завтра ты будешь меня грызть... Как кость.

– Нет, еще сильнее.

– Ты ничего не понимаешь, женщина... – Витька вздохнул. – Ты ничего не понимаешь, потому что ты самодостаточный субъект... Ты – тысячелетний инстинкт гнездования... И мне тебя жаль.

– Хочешь, по лбу дам? – обиделась Лена.

Витька засмеялся. Он пьяно качнулся и уткнулся носом в грудь стоящей перед ним Лены. Грудь была упругой и мягкой.

Витька поднял голову и посмотрел на строгое лицо жены.

– Мне скучно, Фауст! – громко сказал он.

– Ленк, он что, заговаривается, что ли? – испугался Петрович.

– Витька, иди ты к черту, – Лена ударила мужа по рукам. – Да вы не беспокойтесь, дядя Коля, это он Фауста вспомнил, значит скоро уснет.

– Я не усну, – Витька отрицательно покачал головой. – Я не усну, потому что мне скучно... И вообще, кто мне скажет, почему внутри меня пусто и пыльно как в старой бочке? Ленка!..

– Что?

– Ничего. Я не могу больше писать стихи... Бизнесмен убил во мне поэта. Он потихоньку придушил его в темном уголке, и теперь этот торжествующий бизнесмен стоит на огромной сцене, в лучах прожекторов, и выслушивает аплодисменты.

– Так и надо твоему поэту.

Витька горько покачал головой и продолжил:

– Мне больно, Фауст... Кстати, вы никогда не задумывались над тем, почему хорошие люди вдруг начинают совершать отвратительные поступки? Хорошо, я вам скажу. Однажды я написал четыре страшные строчки... Я не понял, откуда они пришли ко мне, но я испугался... Я испугался того, что было внутри меня! Наверное, талант – высшее проявление искренности. Я был искренним до конца, но увидел не свет, а тьму. И тогда я подумал о том, что человек может предавать, сам не зная об этом... В любую секунду. Он может устало есть борщ после трудной работы – и предавать. Он может болтать о пустяках в веселой компании – и предавать. Он может разводить в своей голове прекрасные мысли, как Петрович кроликов, – и предавать, предавать, предавать!.. Боже, какое безумие! – Витька закрыл лицо руками. – Ленка, я не могу больше писать свои дурацкие стихи и мне очень больно... Это как ожог! Талант может вылепить чудесную статую и из навоза... Но для того, чтобы она снова не превратилась в навозную жижу, нужно заморозить собственную душу. Кто сказал, что человек прекрасен всегда?..

Совершенство не умеет болеть гриппом. Если живое человеческое сердце втиснуть внутрь статуи, оно либо умрет, либо разобьет эту статую на куски. Жизнь – невыразима!.. Секунду спустя, она уже не та, что была раньше. Ленка, ты видела чистую воду под солнцем?.. Она так похожа на истину!..

Лена уложила мужа. Склонившись над ним, она строго сказала:

– А теперь спи!

– Не буду!..

Через полчаса Витька уже крепко спал. Лена повернула мужа на бок и поправила подушку.

– Ну что, дядя Коля, – женщина посмотрела на Петровича. – Наш пьяный российский мужичок почивать изволят. А мы с тобой пошли пахать, что ли?

– Пошли, – улыбнулся старик. – Нам с тобой, Ленк, философствовать некогда. Нам работать нужно.

Дел было много, но ни одно из них не могло устоять перед человеческим терпением.

За день Лена и Петрович заработали больше двадцати тысяч долларов. Дела шли совсем не плохо. Правда возникла одна проблема: без Витьки Лена не решилась идти на котоперму и отговорила от этого Петровича.

– Поздно уже, дядя Коля, и темно. Я лучше завтра утром туда Витьку пошлю. Пусть отрабатывает свое.

– Лен, кошки должны быть сытыми, – забеспокоился старик. – Иначе уйдут.

– Никуда они не денутся. В прошлый раз мы с Витькой там все так заперли – мышь не проберется. Да и корма достаточно оставили. Хватит его на сегодня.

В конце концов, старик согласился.

Прежде чем спрятать заработанные за день деньги Петрович внимательно осмотрел тугой рулончик и спросил:

– Лен, и откуда только у людей такие деньжищи? Честное слово, не понимаю!

– А у тебя откуда, дядя Коля? – улыбнулась Лена.

Старик пожал плечами:

– Ну, дали...

– Кто?

– Люди, кто ж еще...

– Ну, так им тоже дали, понимаешь?

Старик немного подумал:

– Вообще-то, верно, конечно, – согласился он. – Лен, а вот, к примеру, тысяча долларов это сколько в рублях будет?

– Примерно тридцать тысяч.

– А много сейчас на эти деньги штанов купить можно?

– Смотря каких.

– Хороших.

– Ну, если недорогие джинсы покупать, то штук пятнадцать, а может и больше.

Старик покачал головой.

– Вот ведь, а?! Вот тебе и кошки, на которых я никогда внимания не обращал. Надо же?!..

– Надо, дядя Коля, надо! – улыбнулась Лена. – Всем нам надо. И тебе, и Светке, и нам с Витькой.

Витька проснулся около полуночи, когда уже все крепко спали. Сильно болела голова... Он проглотил две таблетки аспирина предусмотрительно оставленные Леной на видном месте, немного полежал, рассматривая темноту за окном, а потом вышел покурить на веранду. Похмелья почти не ощущалось. Разве что немного ломило в затылке и чуть громче обычного постукивало сердце.

Витька курил и от нечего делать бездумно листал оставленную на прежнем месте поэтическую тетрадку. Неожиданно его привлекла какая-то новая, немного странная мысль. Витька отложил сигарету и склонился над тетрадкой. Рука нащупала шариковую авторучку и что было силы сжала ее.

– Боже мой, – с ужасом прошептал Витька. – Что это?!..

Петрович проснулся от звука загремевшего на веранде ведра.

«Опять Витька колобродит, – подумал старик. – Как бы он мою самогонную заначку не отыскал...»

Петрович встал и направился на веранду. Витька сидел за столом, низко склонившись над открытой тетрадкой. Скрипнула дверь. Витька поднял голову и посмотрел на Петровича глазами полными ужаса. Челюсть племянника мелко подрагивала.

– Я нашел, дядь Коль... – тихо сказал он.

– Что нашел? – так же тихо спросил старик. Петрович вдруг почувствовал, что у него похолодело под сердцем. Он еще никогда не видел племянника таким испуганным.

– Я нашел разгадку числа 666, – сказал Витька. – Это формула самоуничтожения... Число предателя.

Витьку начало трясти. На его белом как мел лице появилась гримаса боли. Не отрывая взгляда от лица племянника, Петрович нашарил руками табуретку, пододвинул ее и сел.

– Витьк, что с тобой? – растерянно спросил старик. – Тебе плохо?

– Я нашел, дядь Коль, я нашел... – механически повторил Витька – Это формула самоуничтожения...

– Витьк, да ты что несешь-то?! – не зная, что предпринять, старик оглянулся на дверь. – Может, тебе воды дать?

– Дай... – безразлично согласился Витька.

– Холодно тебе, наверное. Куртку вынести?

– Вынеси...

– Да что с тобой?! – повысил голос Петрович. Он схватил племянника за плечи и, что было силы, потрянул его. – Ты что?! Приди в себя!

– Куртку вынеси... – пробормотал Витька. – Холодно мне...

«Может быть, он разыгрывает меня? – мысли старика метались от одной страшной догадки к другой. – Хотя не должен... Весь белый, как мертвец».

Петрович бросился в дом и растолкал Лену.

– Витьке плохо! – крикнул он.

Лена оторвала голову от подушки.

– Тошнит, что ли?

– Нет! Другое что-то... Не пойму я!

Лена быстро встала.

Витьку бил страшный озноб. Он сидел, обхватив голову руками и тихо стонал.

– Вить... – позвала мужа Лена. – Вить, что с тобой?

– Мне плохо, – не поднимая головы, глухо ответил Витька.

– Как плохо? С чем?..

– Мне страшно...

– Что-что?!

Лена села рядом с мужем и обняла его за подрагивающие плечи.

– Ну что ты!.. – женщина попыталась улыбнуться. – Ну что ты!.. Сейчас все пройдет. Это просто нервы. Пошли в комнату.

– Да... – вяло согласился Витька.

Он попытался встать, но тут же задрожал еще сильнее и бессильно опустился на стул.

Увидев глаза Витьки полные тоски, боли и ужаса Лена едва не закричала от страха сама. Там, в глазах мужа, отражалась черная бездна.

«Умирает... – мелькнуло в голове у Лены. – Он сейчас умрет!»

– Витечка, родной мой! – Лена обняла мужа. – Ты успокойся... Только успокойся, пожалуйста! Сейчас все пройдет, это не может не пройти, понимаешь?!.. Смотри на меня. Ну, смотри же! Видишь? Я здесь, с тобой, а значит все будет хорошо. Ничего нет! Нет никакого страха, и ты только постарайся понять, что все будет хорошо! – Лена оглянулась и посмотрела на Петровича. – Дядь Коль, воду, валерьянку и таблетки... Те самые таблетки, которые тебе врач прописал... Сюда, быстро!

Старик метнулся в комнаты.

Лена безостановочно целовала мужа в лоб и щеки теплыми губами и ласково гладила по спине. Потом она осторожно приподняла ему голову и заглянула в глаза.

– Тебе лучше? Ну, Витя?..

Витька спрятал лицо в плечо жены.

– Боже мой!.. – простонал он. – Если бы кто только знал, как мне плохо!..

Петрович дрожащими руками высыпал на ладонь Лены три маленькие таблетки.

– Больше нельзя, – пояснил он. – Опасно.

Лена слегка отстранилась от мужа и поднесла ладошку к его губам.

– Витя, давай, ну?.. – попросила она. – А теперь запей... Вот так.

Витька жадно выпил полную кружку воды.

– Холодно здесь на веранде. Пошли в комнату, – Лена по-

могла мужу встать. – А дома тепло... Ты согреешься. Все будет хорошо. Вот увидишь... – Лена говорила быстро, тем преувеличенно-ласковым тоном, с помощью которого успокаивают больных детей. – Вот так... Обопрись на меня... И нечего не бойся... Все будет хорошо.

Витька шел с трудом, прикрывая ладонью лицо. Лена уложила мужа и легла рядом. Она обняла его за шею и придвинулась поближе. Уже совсем скоро Витьке стало лучше.

А Лена говорила и говорила. Она рассказывала о своем детстве: о том, как воровала в колхозном саду яблоки, о том, как однажды зимой чуть не замерзла по дороге из школы, и о том, как к ней, тогда еще семнадцатилетней девчонке, решил посвататься председательский сын. Постепенно в голосе женщины стали появляться веселые нотки.

– Вить, ну ты посуди сам, какой спрос с семнадцатилетней девчонки? – говорила Лена. – Смешно! А я тогда чуть было не согласилась. Правда, смешно? А знаешь почему? Из интереса. Все думала, а как же, мол, это все будет дальше? Дом, дети... И все мое! Ведь не игрушечное же все это, а уже самое настоящее...

Витька вздохнул и вытер с лица испарину.

– Что ж не вышла замуж? – чуть улыбнувшись, спросил он.

– Да зачем же мне такой муж был нужен?! Честное слово, как не живой он какой-то, – слова из него не вытащишь. Тоже мне, мужик! Только и знал, что руками хватать.

– Что хватать-то?

Лена рассмеялась.

– Ох, и змей ты, Витька! Кстати, и правильно я сделала, что за того сынка председателя не пошла. Сейчас он пьет сильно.

– Ну, ничего... Вот со мной разведешься и займешься его перевоспитанием.

Лена всплеснула руками.

– Да разве с таким как ты разведешься?! Горе ты мое!

Лена говорила еще долго, до тех пор, пока Витька не уснул. Когда дыхание мужа стало ровным и спокойным, женщина встала и вышла на кухню. Она долго перелистывала поэтическую тетрадку мужа и даже прочла одно стихотворение:

1.

Кто – я ?

Я – все... И ничего.

Я разделен на «все» и «ничего» спервоначала,

Я тот, кто уплывал

И тот, кто на причале

Встречал себя же самого.

2.

Что я могу?..

У слова «доброта» нет дна,

Ведь мама не уйдет, ребенка накормив словами

И сколько б я не отдал – будет мало...

Да, Слово – Истина, не истина – слова.

3.

Кто – я?..

Я – зеркало себя,

Я – рай разорванный до преисподней ада,

Я – «да» и «нет»,

Я – «надо» и «не надо»

И я люблю ни капли не любя!

4.

Что я могу?..

Мои слова пусты...

Мои два ада переполнены словами,

Не я их произнес – они возникли сами,

«Я» – промолчало,

Говорило «ты»...

5.

Кто – я?..

Я – бог,

И я – не Бог.

Я создаю, но предаю начала

Я – не беру, но мне и мира мало,

Я – неумел, но только я и смог!

6.

Что я могу?..

И все... И ничего.

Я разделен на «все» и «ничего» спервоначала...

Я тот, кто уплывал

И тот, кто на причале

Встречал себя же самого.

«Вот и попробуй понять Витьку, – слабо улыбнулась женщина. – Да тут же ни что ни слово – загадка! Эх, ты, философ мой доморощенный...»

Вокруг стояла полная тишина... Лена отложила тетрадку и целых пять минут, словно раздумывая над чем-то еще непривычным, смотрела на иконы.

«Мука одна, а не жизнь у нас, Господи... – подумала она. – Только что-то получаться стало, только деньги пошли – Витька споткнулся... Почему все так?! Почему и за что нас держишь и не отпускаешь, Господи?»

Лена встала, подошла ближе к иконам и опустилась на колени. Женщина молилась впервые в жизни. Она не знала ни одной молитвы и, когда-то крещеная по православному обряду, осеняла себя католическим крестом. Кроме того, Лена стеснялась кланяться и стояла на коленях, гордо распрямив плечи. Ее придуманная тут же, у иконы, молитва была искренна и проста – женщина просила невозможного. Она просила счастья...

Глава девятнадцатая

Утром Витька разбудил Петровича раньше обычного. Племянник был хмур и бледен. Он явно нервничал.

Петрович ополоснул лицо водой и стал одеваться.

– На котоферму пойдём? – спросил старик. – А Ленка где?

– Домой уехала, – коротко ответил Витька.

– Как это? – удивился старик.

– По делам.

– Сегодня вернется?

– Нет.

Витька отвечал неохотно и пытался избежать объяснений.

Петрович насторожился.

– Витька, может, случилось что?

– А что может случиться? – поморщился Витька. – Все нормально, дядь Коль.

– Ты как себя чувствуешь?

– Отлично, – Витька закурил и отошел к окну. – Дядь Коль, мне сегодня в центр съездить надо.

– А на котоферму когда мы пойдём?

– Вечером. Ты подежурь пока здесь, – Витька попытался улыбнуться. – А я скоро вернусь. Справишься?

– Почему нет? Завтракать-то будешь?

– Спешу я, дядь Коль.

Почти сразу же после ухода Витьки к старику заглянула дочь Светлана. Поздоровавшись, еще с порога, дочь спросила:

– Пап, что у вас произошло?!

Старик уже не столько удивился, сколько насторожился.

– Да вроде ничего... А в чем дело-то?

– Как это ничего?! – закричала Света. – Я Ленку только что к свекрови отвела. Не в себе она! В одну точку, как помешанная, смотрит и только твердит: таких, мол, подлецов как Витька без суда расстреливать нужно.

– Ты толком-то объясни! – тоже повысил голос старик.

– Пап, выгнал Витька Ленку. Понимаешь? Выгнал! – Света потянулась к кружке с водой. – Ленка к автобусной остановке шла и, уж я не знаю как, ногу подвернула. Там, на лавочке, я ее и подобрала. Господи, да еще хорошо, что мы с ней встретились! Ленка сейчас в таком состоянии, что каких угодно дел натворить может. У тебя, спрашивает, Светка, ружье дома есть? Я говорю, есть, а что? Ленка говорит, Витьку, мол, мне срочно расстрелять надо. А глаза у нее как у безумной, четное слово! Так что сейчас за Ленкой моя свекровь присматривает.

– Ну, сука Витька! – Петрович сжал кулак и грохнул им по столу. – Ну, сука, поговорю я с тобой сегодня! Ты у меня вспомнишь, что человеком когда-то был, а не последним выродком. А ты что стоишь?! – закричал старик на дочь. – Иди к Ленке, успокой ее, если сможешь, а я тут без тебя раз-

берусь!

Света попыталась было рассказать ничего не значащие подробности случившегося, но старик только отмахнулся. Ему был важен сам факт, а не бабьи домыслы.

После того, как дочь ушла настроение Петровича испортилось окончательно. Старик сильно переживал... Но вскоре злость ушла и Петрович почувствовал болезненную слабость во всем теле. Это состояние было хорошо знакомого ему. Когда-то он даже дал ему свое название – «безразличка». Еще Петрович очень хорошо знал, что в такие минуты нельзя расслабляться – любая остановка в движении или работе грозила обернуться еще большей сонливостью и какой-то страшной, душевной пустотой.

Старик встал из-за стола и вышел во двор.

До полудня Петрович не присел ни разу. Он чистил кроличьи клетки, убирал в сарае и поправлял еще крепкий забор. Старик гнал от себя ненужные, дурные мысли и старался думать только о работе. К полудню ему стало легче. Усталость, но уже совсем другая, физическая, приятно ломала тело и освежала мысли, делая их простыми и ясными. Несколько покупателей кошек отвлекли его от прежнего болезненного настроения еще больше...

В час дня Петрович приготовил обед. Он ждал Витьку, но племянника не было и старику пришлось есть в одиночестве. После обеда Петрович собрался было зайти к свекрови Светы, но тут снова пошли покупатели. Их было пятеро и все

они появлялись один за другим. Старик не торговался и покупатели остались довольны. Вырученные от продажи котом деньги не принесли Петровичу прежней радости. Старик подумал о Витьке. Он так и не мог понять, что толкнуло Витьку поссориться с женой.

Петрович снова было направился к калитке, но там его встретил очередной покупатель – шестой по счету. Это был толстяк с добродушным лицом выпивохи и компанейского парня. Последний покупатель оказался настолько словоохотливым, что сосредоточенный на своих мыслях старик уже не знал, как от него отделаться. Толстяк долго рассматривал предложенного ему кота и без умолку ботал. Он то вспоминал какие-то странные истории о колдунах и ведьмах, то, как бы между делом, расспрашивал старика о его прошлой жизни, то принимался рассказывать что-то из своей, правда, делая это крайне путано и бессвязно.

«Да пошел ты к черту! – в конце концов, выругался про себя Петрович – И принесла тебя нелегкая...»

Такие надоедливые покупатели Петровичу еще не встречались. Через полчаса старик потерял терпение и чуть ли не взашей вытолкнул толстяка на улицу. К Лене старик так и не пошел – его насторожило поведение толстяка и он остался дома. А странный покупатель еще долго слонялся по улице, поглядывая на окна дома.

Витька вернулся только в шесть часов вечера. Он был по-прежнему хмур и сосредоточен. Разговора с племянником у

старика не получилось, Петрович уже остыл и не знал с чего начать этот разговор.

«Ладно, пока отложим, – размышлял про себя Петрович. – Ты, Витька, тихой сапой все на свое воротишь, ну и я так же буду! Подожди, я тебя так проучу, век помнить меня будешь!..»

Как конкретно он будет наказывать племянника, старик пока не знал. Но в том, что рано или поздно он это сделает, Петрович ни капли не сомневался.

Тишина за ужином, казалось, совсем не удивила Витьку. Компаньоны ели молча, думая каждый о своем. Мелкий, ничего не значащий разговор в конце ужина, разумеется, в счет не шел.

– Я сегодня ночью, дядь Коль, сон видел, – сказал Витька, глядя в темное окно. – Дурной какой-то сон...

Петрович промолчал.

– Ты в предчувствия веришь? – спросил племянник.

– От настроения зависит, – нехотя буркнул старик.

– А вот я нет, – Витька натянуто улыбнулся.

– А что за сон-то был?

– Будто я умер...

– Да? Ну, тогда, значит, долго жить будешь.

– Как это? – удивился Витька.

– А так. Примета такая есть.

К удивлению старика племянник расстроился...

Сборы на котоферму заняли немного времени. Витька вдруг потребовал, что бы Багира осталась дома. Петрович не стал возражать, ему и самому надоела привязчивая кошка. Багиру заперли в крохотном чуланчике. Кошка громко мяукала и царапала дверь.

– Ну, что, дядь Коль, тронулись? – улыбнулся Витька.

– Пошли, племянничек.

На улице шел дождь.

– У них там что, график, что ли, на небе? – возмущался Витька. – Как стемнеет, так обязательно дождь...

Луч фонарика метался по темным лужам и, натываясь на относительно свободное от воды место, замирал на несколько секунд.

Витька часто перекидывал тяжелую сумку из руки в руку и продолжал ругаться.

– Всемирный потоп!

– Витьк, у тебя ботинки текут? – поинтересовался Петрович.

– Есть немного, а что?

– Ничего, – проворчал старик. – Вот сам их и починишь...

А я не буду!

– Проще новые купить...

Такое простое решение заметно расстроило старика.

– Распустились вы все совсем, – громко заявил он. – Чуть что – новое им подавай. А самим уже и чинить лень.

– Ох, и вредный же ты! – улыбнулся Витька.

Петрович вытер с лица дождевые капли и отвернулся от племянника.

«Это еще что, Витька, – подумал он. – Ты, небось, думаешь, я тебе денег дам? Вот фигу тебе, а не доллары, племянничек. Я все наши деньги на две части поделю: одну половину Ленке отдам, вторую Светке, а тебе бутылку водки куплю. Обмывай, философ, нашу удачу!»

Старик представил себе злое и обиженное лицо Витьки. На душе стало легче...

Когда компаньоны миновали последние плохо освещенные дома, Петрович все-таки рассказал Витьке о сегодняшнем последнем покупателе.

– Странный очень этот мужик, – заключил он.

– Значит, ты говоришь, кота он так и не купил?

– Нет.

– Так-так... – Витька задумался и после небольшой паузы спросил. – Дядь Коль, у тебя двухстволочка-то в порядке?

– Надо полагать.

– Хорошо. Вытащи-ка ты ее из сундука и на всякий случай под рукой держи. Особенно, когда меня дома не будет.

– Считаешь, что из жуликов тот мужик был? – забеспокоился старик.

– Не знаю. Может быть просто дурак, а может кто и похуже. Так что, в случае чего, сам понимаешь, что нужно будет сделать. У тебя со здоровьем-то как?

– В каком смысле?

– Сердце не шалит?

– До последнего времени не жаловался. Сейчас иногда по-
ноет, правда, но немного... Но это скорее от нервов и пере-
живаний всяких.

– Значит, сдюжишь в случае чего, – завершил тему Вить-
ка. – Да и вообще, ты, дядь Коль, за последнее время замет-
но крепче стал. Так всегда бывает, потому что цель в жизни
человеку силы дает.

Дождь усилился и стал проливным. Петрович глухо вор-
чал. Идти становилось все труднее, раскисшая дорога сколь-
зила под ногами как молодой лед. До диспетчерской компа-
ньоны добрались промокшими до нитки. Витька немного по-
веселел. В его глазах появился прежний, задорный блеск.

– С детства люблю трудности, – улыбнулся он. – Ну, что,
Петрович, приступим к их ликвидации?

Громко мяукающее кошачье стадо быстро успокоилось и
приступило к всеобщей трапезе. То тут, то там облизываю-
щиеся коты и кошки поднимали головы и с недоверием по-
сматривали на людей.

– Подумаешь, задержались немного, – шутливо оправды-
вался перед питомцами Витька. – Больше такого не будет.

– А они уже привыкли друг другу, – заметил старик,
поглаживая крупного, лохматого кота. – По крайней мере,
драться перестали.

– Кошки это тебе не люди, – быстро ответил Витька. – К
тому же я им целую бутылку валерьянки скормил, что бы

спокойнее на жизнь смотрели.

Петрович усмехнулся.

– То-то я думаю почему здесь лекарством пахнет?

Витька покурил и, отобрав с десятков котов и кошек для продажи, засобиравшись в обратную дорогу. Петрович предложил переждать дождь. Но племянник только отмахнулся.

– А если он всю ночь лить будет, нам тут что, ночевать, что ли? Пошли, дядь Коль!

Под ногами поскрипывал песок и мелкий мусор.

«Подмести бы надо, – подумал Петрович. – Да и вообще порядок тут навести не мешает...»

Витька запер дверь на втором этаже и протянул Петровичу ключ.

– Зачем он мне? – удивился старик.

– У меня предчувствие, дядь Коль, – простодушно улыбаясь, пояснил Витька.

– Какое такое предчувствие?

– А такое, что я этот ключ потеряю...

Спускаясь по лестнице вниз, на первый этаж, Витька откровенно дурачился.

– А нам все равно, а нам все равно! – громко распевал он – Не боимся мы волка и лису!

Неживое, едва слышимое эхо повторяло слова незамысловатой песенки глухим, утробным голосом.

– Все к черту! – рявкнул Витька.

Эхо ответило так же резко и, как показалось Петровичу,

даже зло.

На площадке первого этажа Витька неожиданно остановился и замолчал. Потом поднял вверх руку.

– Ты что, Витьк?.. – удивился Петрович.

– Слышишь, дядь Коль? – шепотом спросил Витька.

– Что?

– Ребенок, вроде бы, опять плачет.

На этот раз старик услышал. Со стороны подвала доносились отчетливые крики младенца. Эхо множило их и нельзя было с уверенностью сказать, плачет один ребенок или два. Первый, отчетливо звучащий, голос мог действительно принадлежать маленькому ребенку, а второй, более низкий и тихий, словно подражал ему и вместе с тем пытался спрятаться за ним. Старика неприятно удивило то, что именно во втором голосе явно угадывались недобрые и одновременно жалобные нотки.

Петрович поежился.

– Может быть это котенок, Витьк? – спросил он – Ну, тот самый... Старухин.

– Может быть, хотя голос и не похож на кошачий.

Витька открыл скрипучие двери подвала. Плач стал громче.

– Это не кот, – уверено сказал Витька. – Это точно ребенок.

Племянник посветил фонариком в уходящую вниз пустоту. Снова мелькнули белые порожки, кирпичная стена и об-

резки алюминиевых труб.

– Ничего не видно, но придется спускаться, – Витька протянул Петровичу фонарик. – Внизу я и спичками обойдусь, а ты мне сверху посветишь.

– Не надо, Вить... – попросил старик.

– Ты что, боишься, что ли?!

Только после того, как племянник напомнил о страхе, Петрович вдруг понял, что действительно боится. Витька ободряюще улыбнулся.

– Держи фонарь, дядь Коль! И хватит трястись. А если это действительно чей-то малец?

– Да откуда он тут?!

– Мало ли... Может, его здесь какая-нибудь мамаша-стерва бросила.

Плач неожиданно стих. Старик неохотно взял фонарик из руки племянника. Витька присел и посмотрел вниз.

– Тут не высоко, метра полтора, наверное, – голос племянника звучал как из колодца. – Короче говоря, ноги не сломаешь...

Петрович тоже спустился пониже. Между тем Витька крепко ухватившись за обрезок алюминиевой трубы и прыгнул вниз.

– Влево посвети, дядь Коль, – попросил он. – Так... Теперь направо. Тебе там сверху виднее, ты ничего не замечаешь?

– Нет.

– Перегородки тут какие-то... – Витька тихо выругался. – Сплошной бардак... Ты пока свети, дядь Коль, а я сейчас спички достану.

Петрович нагнулся еще ниже. Луч фонаря метался по уходящим в глубину помещения стенам. Чуть ближе, справа, мешала обзору фанерная стена. Внизу чиркнула спичка.

– Дядь Коль, да это же ящики в штабелях стоят, – крикнул Витька. Зашуршала бумага и племянник громко чертыхнулся. – А в ящиках противогазы. Здорово, да? У нас в деревне мужики самогон противогазными фильтрами очищают. После них он лучше всякой водки становится...

Внизу заметались неясные тени. Петрович вдруг почувствовал как сильно бьется его сердце.

– Витьк, ты там ерундой не занимайся, – крикнул он. – Ищи то, за чем полез.

– Да знаю я...

Снова послышался все тот же странный детский плач. Он стал еще громче и как показалось Петровичу, ближе. У старика задрожали руки. Луч фонарика дернулся вниз и пополз в сторону. Петрович успел рассмотреть в темноте тусклое пламя спички.

– Ты лучше свети, – откликнулся Витька. – Сейчас я...

Договорить племянник не успел. Неожиданно плач взвыл на неестественно высокой ноте. Почти сразу же, следом за ним, послышался страшный Витькин крик. В лицо старика, словно от крыла гигантской птицы, ударила волна холодного

воздуха.

Петрович вскрикнул и бросился наверх. Из подвала отчетливо слышались крики и шум борьбы. У выхода из подвала старика остановила яркая, как вспышка мысль: «А как же Витька?!...»

Петрович оглянулся. В подвале с тупым звуком обрушились на пол несколько ящиков. Потом все стихло...

У Петровича пересохло в горле. Он хотел крикнуть, но не смог. Луч фонарика судорожно метался по стенам и не мог остановиться. Из глубины подвала показалась окровавленная Витькина рука. Рука оперлась на край порожка, следом за ней показалась вторая. Из темноты, выплыло бледное как мел лицо Витьки.

– Дядь Коль, руку дай... – тихо позвал он.

Петровичу показалось что у него отнялись ноги. Старик стоял и смотрел, не в силах тронуться с места.

– Руку дай! – крикнул Витька, протягивая к Петровичу свою.

Сзади племянника поднялась огромная тень. Она была похожа на растянутую черную простыню. Тень поднималась все выше и выше.

– Что ты стоишь...

Договорить Витька не успел. Страшная сила рванула его вниз и он исчез.

У Петровича потемнело в глазах. Уже не отдавая себя отчета в том, что он делает, старик бросился бежать. Во вне-

запно опустевшем мозгу билась только одна мысль: быстрее, быстрее, быстрее! Перед глазами Петровича промелькнул дверной проем, несколько чахлах деревьев на улице, колючая проволока, потом пошла размытая дождем дорога. Спускаясь в овраг, Петрович поскользнулся и упал. Фонарик отлетел в сторону, но старик даже не подумал поднять его. Он судорожно цеплялся руками за скользкую траву и полз вверх, не разбирая дороги. По лицу хлестал дождь. Сверкнула молния и почти сразу же за ней ударил гром. Петрович закричал от ужаса. Взобравшись наверх, он долго стоял на коленях не в силах подняться...

Что произошло потом, старик почти не запомнил. Страх, страх непреодолимый и черный гнал его все дальше и дальше от диспетчерской. Петрович пришел в себя только после того, как захлопнул дверь дома и навалился на нее всем телом. Через минуту стало чуть легче дышать. Старик с трудом добрал до стула и сел.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, была огромной и ужасной. Петрович закрыл лицо руками и застонал.

«Господи, что это было?! Что?!»

Время шло... Старик по-прежнему сидел на стуле и смотрел в одну точку.

«Тише, старый, ну тише! – уговаривал он сам себя. – Нужно что-то делать... Куда-то идти... А куда?!.. В милицию? Ведь засмеют же! Скажут, с ума сошел дедок на старости лет – кошек волшебных продавал...»

«К Лешке пойти можно, – решил Петрович – Он не бросит... Выручит».

Мысль, что снова придется идти к диспетчерской и может быть даже лезть в подвал испугала старика до холодного пота. Он с трудом встал и направился к двери.

«Нужно же идти... Нужно!»

Возле вешалки старик снова сел. Сил почти не было. Он вытер с лица холодный пот и посмотрел на дверь. Она казалась странно далекой.

«Вставай, гадина старая! – выругал себя Петрович. – Вставай!»

Он шагнул к двери и распахнул ее. На пороге стоял недавний толстяк покупатель. В его руке тускло блеснуло лезвие ножа.

– Тихо, дед! – прошипел толстяк. – Ты один?

Петрович попятился. Толстяк уже было собирался шагнуть следом, но вдруг как-то странно вздрогнул всем телом и привалился к дверному косяку. Его голова упала на грудь.

Петрович только стоял и смотрел... Разум отказывался понимать происходящее. Толстяк захрипел. На его плечо, вынырнув откуда-то сзади из темноты, легла огромная лапа чем-то напоминающая кошачью. Толстяк дернулся еще раз и рухнул спиной на квадрат падающего из дверного проема света. Он удивленно смотрел вверх и шевелил побледневшими губами, словно что-то силился сказать.

Неожиданно тело толстяка сдвинулось с места и стало ис-

чезать в темноте: сначала голова, потом туловище и ноги. Петровичу показалось, что он сходит с ума. Там, в темноте за порогом, над толстяком склонилось что-то бесформенное и большое.

Петрович вскрикнул и бросился к двери. Но закрыть ее до конца и задвинуть засов он не успел. Оттуда, снаружи, на дверь навалилась чудовищная тяжесть. В щель просунулась огромная кошачья лапа и когти царапнули старика по плечу.

«И по мою душу, значит, тоже... – мелькнула у него безумная мысль. – Теперь и за мной пришли...»

Петрович подпер медленно открывающуюся дверь ступней, отпрянул и ударил по ней всем телом. Щель между косяком и дверью уменьшилась, лапа едва успела выскользнуть из нее. Петрович ударил еще раз. Дверь захлопнулась. Петрович быстро задвинул ее на засов.

Силы почти окончательно оставили его... Он с трудом добрал до кровати и упал лицом в подушку. Что было дальше, то ли он уснул, то ли просто потерял сознание, Петрович уже так никогда и не узнал.

За окном бушевала непогода. Тонкие ветви молодой рябины то царапали стекло, приныкая к окну, то исчезали в темноте. Огромная кошачья лапа отодвинула ветви в сторону и окно закрыла черная тень. Вскоре тень исчезла. Она исчезла так тихо, как будто растворилась в темноте...

Глава двадцатая

Петровича разбудил луч света. Луч был теплым и приятно грел кожу лица. Темнота от закрытых век стала красной.

«День уже на дворе, – спокойно подумал Петрович. – Долго же я спал. Совсем разленился на старости лет...»

Он открыл глаза и тот час зажмурился. Солнце светило прямо в лицо. Петрович сел и посмотрел на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого.

«Старуха... Это был ее котенок».

Мысль всплыла откуда-то из глубины подсознания и была настолько неожиданной, что Петрович сначала не понял ее. Он потер лоб. Какая старуха? Какой котенок? Старик осмотрел себя. И почему он спал одетым? Вчерашний день был закрыт черной непроницаемой шторой. Но вдруг эта штора рухнула. Петрович вспомнил окровавленное лицо Витьки и содрогнулся от ужаса. Значит это был не ночной кошмар?!

«Старуха... Это был ее котенок».

Мысль казалась почти материальной. Она звучала как голос, чужой и незнакомый. Петрович закрыл лицо руками и тихо застонал.

– Боже ж ты мой!

Душевная боль стала физической. Она рвала грудь. Она делала вновь нахлынувшие переживания настолько пронзи-

тельными и болезненно-острыми, что старик вдруг понял, что сходит с ума. В голове, один за другим, начали вспыхивать непонятные, ослепительные как свет горящего металла, хаотичные образы: лица незнакомых людей, улица и там, дальше, огромная, заасфальтированная площадь, ведущая в никуда. За площадью чернела бездна...

Руки старика свела судорога, ногти вонзились в кожу лица и медленно поползли вниз. Сознание гасло. Оно растворялось как корка тонкого льда в темной воде.

«Подожди, – ударила последняя мысль, – а Витька-то как же?!»

На какое-то мгновение Петровичу показалось, что на него обрушился вал холодной воды.

«Может жив он еще?»

Петрович убрал руки от лица и осмотрелся. Вокруг стояла почти абсолютная тишина. Боль и черный ужас исчезли без следа. Прошла минута... Петрович смотрел в окно и чего-то ждал. Солнце слепило глаза. Казалось, его лучи проникают все дальше и дальше в мозг, разгоняя страшные, ночные тени. Старик ждал... Он не понимал, что именно он ждет, но то чувство, которое внезапно овладело им, можно было назвать именно ожиданием. Оно едва не погибло придавленное черным ужасом, но теперь вдруг окрепло и победило страх.

Старик ждал... Его удивляло, что за окном светит солнце, что у него на руке греется солнечный зайчик и даже то, что вокруг стоит полная тишина. Нет, нет! Что-что происходило

с ним именно сейчас, именно в эту минуту. Что-то должно было происходить! Что-то рушилось – огромное и высокое, как гора, как черный дом заселенный злыми гномами похожими на крыс.

Прошло еще несколько минут... Петрович встал. Сильно болели ноги, ломило поясницу, но вместе с тем во всем теле чувствовалась удивительная, молодая легкость. Мысли стали четкими и ясными.

Старик шагнул в центр комнаты и остановился. Прежнее и здоровое понимание происходящего вокруг, возвращалось к нему так же быстро, как это происходит у пловца вынырнувшего из воды.

В чуланчике едва слышно мякнула Багира. Петрович вышел в коридор и открыл узкую дверцу. Кошка обнюхала ноги человека и подошла к пустой миске. Обследовав ее, она вопросительно посмотрела на хозяина.

– Я сейчас... – немного охрипшим голосом сказал старик.

Он сходил на кухню и вернулся с кастрюлей. Кошка ела не спеша, часто останавливаясь и посматривая на старика. Закончив завтракать, Багира подошла к Петровичу. Она потерлась о его ногу и принялась умываться.

Старик невольно припомнил давно забытый, пустячный эпизод: нечесаный и зевающий спросонья Витька разгуливал по комнате с сигаретой в ожидании закипающего чайника. Петрович ярче, чем обычно представил лицо улыбочное племянника.

– Слышь, дядь Коль, – болтал Витька, заглядывая в чайник. – Наверное, твоя Багира по утрам больше на человека похожа, чем я. Ей бы еще зубы научиться чистить...

Что сказал племянник дальше, старик не помнил.

Петрович вышел на веранду. На земле у порога лежал окровавленный плащ толстяка. Выбежавшая следом Багира обнюхала плащ и быстро отошла в сторону.

– Вот такие, значит, дела, – тихо сказал старик. – Что ж, посмотрим, что дальше будет...

Он вернулся в дом, быстро привел себя в порядок и набросил куртку, недавно подаренную ему Леной. Механически совершая привычные действия Петрович думал. Он напряженно вспоминал все то, что было связано с появлением в диспетчерской чудовищно уродливого, и, словно в сказке, быстро подрастающего котенка. Теперь, после всего случившегося многое уже казалось ему странным. Например, почему умирающая старуха беспокоилась о кошке и почему именно ему она решила ее отдать? А почему котенок так быстро исчез с людских глаз? А, главное, почему старуха смеялась, когда Петрович уходил от нее? Странностей было слишком много, и все они укладывались в какой-то еще не понятный старику замысел. Петрович припомнил, что когда он рассматривал фотографии в гостях у старухи, ему показалось немного знакомым высокомерное лицо молодой, косоглазой женщины. Когда-то давно он уже его видел. Давно, очень давно...

Петрович закрыл дверь и вышел на улицу. На скамейке, возле своего дома, сидел Лешка. Он зевал и с показным безразличием посматривал по сторонам.

– Ты куда это, дядь Коль? – окликнул Лешка старика.

– Далеко, – коротко бросил Петрович.

– У меня к тебе дело есть, Петрович, – попробовал было заговорить Лешка.

Петрович только молча отмахнулся.

«Сам кашу заварил, сам и расхлебаю, – решил он. – И нечего в нее, как в болото, других людей тащить».

Автобуса Петрович ждать не стал и сел в полупустое маршрутное такси. Водитель дремал, откинувшись на сиденье. Старик потерял терпение уже через полминуты.

– Водитель, почему стоим? – громко спросил он. – Начальство, что ли, какое прибудет?

Петрович удивился собственному голосу: он звучал резко и уверенно. Раньше старик предпочел бы не вступать в конфликт. Водитель зевнул и открыл глаза. Взглянув на Петровича, он снисходительно улыбнулся.

– Не спешите, дедушка. Жизнь и так короткая штука.

– Ты мне зубы не заговаривай, внучок, – быстро ответил Петрович. – Поехали и нечего тут спать в хомуте!

Пассажиры рассмеялись.

– Правильно, – согласилась женщина на переднем сиденье. – Ишь, моду взяли спать на работе.

Водитель что-то проворчал в ответ и со скрежетом врубил

скорость.

Дом старухи Петрович нашел сразу. Он стал еще мрачнее и ниже словно врос в землю. Возле подъезда играли в войну разгоряченные бегомней ребяташки. Петрович поймал за руку одного из них, веселого и конопатого.

– Подожди-ка, внучок. Старуха одинокая в этом доме живет, – сказал он. – Знаешь такую?

– Фамилия как? – спросил мальчишка «отстреливаясь» из-за спины старика. – Паф-паф! Паф! Витька убит!

– Ченцова, кажется.

– Знаю. Умерла она.

– Когда?

– На той неделе. Так и не успела переехать.

Мальчика дал длинную «очередь» и бросился за угол.

– Витька убит! – радостно кричал он – Витька убит!

Петрович поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и открыл знакомую дверь.

Комната старухи была пуста... Из всей обстановки остался только старый, продавленный диван. Петрович вошел в комнату и, не зная, что делать дальше, осмотрелся вокруг. На простеньких обоях темнели не выгоревшие пятна от мебели и ковра. На полу лежал толстый слой мусора. Петрович нагнулся и разгреб его руками. Там были пустые катушки из-под ниток, обрывки газет, дощечки от сломанной шка-тулки, прозрачная, шариковая ручка без стержня... Ском-

канная фотография лежала на том месте, где когда-то стояла кровать старухи. Она уже покрылась толстым слоем пыли и едва виднелась из-за придавившей ее пустой пластмассовой бутылки. Петрович развернул лист. Фотография была сильно измята и надорвана, но не до конца, а так, словно у того, кто пытался сделать это, не хватило сил.

На фотографии была изображена уже хорошо знакомая Петровичу женщина с дерзкими, слегка раскосыми глазами. Одной рукой она придерживала сидящего у нее на коленях крупного черного кота, другой протягивала в сторону объектива бокал с вином. Сзади стоял молодой парень. Он ревниво обнимал женщину за плечи, но не улыбался, а скорее с плохо скрытой неприязнью рассматривал фотографа.

– Это же Лом, – вырвалось у Петровича. – Федька Лом!

Не в силах справиться с охватившим его волнением Петрович сел на диван. Нет, он не ошибался, на фотографии был действительно изображен убийца его жены.

Фотография упала на пол. Сквозняк подхватил ее и потащил к открытой двери. Измятый лист судорожно дергался и цеплялся за мусор. Очередной порыв приподнял его и отшвырнул в угол. В конце концов лист замер... С измятой фотографии на Петровича внимательно смотрели глаза женщины.

– С улицы мы котов таскали, – глухо сказал старик. – Вот и нашли то, что нам эта ведьма подложила... Выходит, самих себя мы с Витькой и продали.

Петрович вспомнил, где он видел старуху. Это было на похоронах Федьки Лома. Впереди процессии шла женщина в темном платке с низко опущенной головой. Возле дома Петровича женщина резко выпрямилась и бросила быстрый, ненавидящий взгляд на окна... Уже позже Петрович узнал, что это была мать Федьки.

Дорога домой не заняла у Петровича много времени. Выйдя из автобуса на своей остановке, старик едва не столкнулся с плачущей девушкой. Одной рукой она вытирала слезы, другой качала коляску с громко орущим младенцем.

«Тоже, видно, горе у человека, – подумал Петрович. – Только чем же ей поможешь?..»

У девушки было совсем юное лицо. Оно покраснело от слез и казалось некрасивым и трогательным одновременно. Взглянув на остановившегося рядом старика, девушка отвернулась и пошла прочь. Коляска подпрыгивала на ухабах и рытвинах, резко наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Молодая мама налегала на ее ручку всем телом, и было видно, что каждый шаг вперед дается ей с большим трудом.

Дома Петровича встретила Багира. Кошка терлась о ноги хозяина, явно пытаясь привлечь к себе внимание хозяина.

– Отстань, ну?! – старик отпихнул кошку.

Багира села и принялась внимательно следить за хозяином.

Витькину тетрадку Петрович нашел на веранде. Она ле-

жала на столе рядом с тонкой книжкой «Нового Завета». Старик сел и раскрыл тетрадь. Он быстро перелистал ее и остановился на последней записи, той, которую Витька сделал позавчера ночью.

Петрович прочитал следующее:

«... Или я идиот, или наконец-то нашел то, что искал! 666 – это не арифметика. Библия говорит о том, что Бог создал человека на шестой день. Шестой!! Цифра «6» – это символ рождения.

Тогда получается следующее: Первая шестерка – означает физическое рождение человека. Вторая шестерка – рождение человека духовное. Он приходит к Богу. Третья шестерка – третье рождение. Человек отрекается от Бога и в его душе рождается Дьявол. Это как раковая опухоль! А 666 – это формула самоуничтожения. Число восставшего против Бога...»

Чуть ниже стояла короткая приписка сделанная резким, угловатым почерком: «Да, но тогда получается, что я...» На этом запись обрывалась.

Петрович отложил тетрадку в сторону и взял в руки «Новый Завет». Книга легко открылась в слегка продавленном тетрадкой месте. Судя по всему, Витька читал ее той же ночью – три стиха Евангелия от Матфея были обведены красным карандашом:

43. Когда нечистый дух выйдет

из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит;

44. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И пришед находит его незанятым, выметенным и убранным;

45. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого...

«Это про меня, что ли? – не без удивлением подумал Петрович. – Когда мы с Витькой котами торговали, мне вроде как легче на душе стало. Но на самом деле выходит, не лучше мне стало, а хуже?.. Выходит страх-то мой и боль другая, гораздо худшая болезнь, заглушила. Даже не заглушила, а только спрятала на время... Потому там, в подвале, я и бросил Витьку, – старик закрыл лицо руками. – Ах, Витька, Витька!.. Что же ты наделал, сукин ты сын!.. Бизнес этот кошачий придумал... Но каким бы ты не был, там, в подвале, продал я тебя... Родную и теплую душу предал и нет мне прощения, старой гадине!»

Старик заплакал. Последний раз Петрович плакал на похоронах своей жены. Старик тихо, по-детски, всхлипывал и

растирал по щекам влагу дрожащими ладонями.

– Господи, помоги мне! – шептал он. – Господи, только бы он был жив! Ведь не Витька был нужен старухе, а я... Господи, помоги мне!

Минутная слабость прошла быстро и без следа. Петрович умылся, тщательно вытер лицо и направился на улицу.

У калитки он снова столкнулся с Лешкой. Сосед добродушно и вместе с тем немного виновато, улыбался.

– Я к тебе в гости, дядя Коля, – пояснил он.

– Отстань, говорю! – отмахнулся старик.

Он отвернулся и быстро пошел прочь.

– Может помочь чем? – крикнул вслед Лешка.

– Сам справлюсь.

– А ты куда пошел-то?

– К Сергею.

– Так вы же, это самое... В соре с ним. Мириться, что ли, идешь?

– Да! – коротко бросил старик.

Дверь в дом Сергея Петрович открыл ногой. Хозяин сидел на кухне и ел борщ. Рядом с ним стояла Света и что-то тихо говорила мужу. Увидев отца, она на секунду замерла с открытым ртом.

– Пап, я совершенно случайно зашла, – спохватившись, быстро заговорила дочь. – В магазин мне нужно было... Мимо шла и вот...

Старик хмуро взглянул на дочь и, не сказав ни слова, прошел в зал. Сергей удивленно посмотрел на жену. Потом встал и направился следом за Петровичем.

Старик выдвинул из-под семейной кровати чемодан. Крышка не поддавалась. Петрович сердито засопел и, ломая картон, отогнул вверх угол. Хрустнул замок. Петрович открыл чемодан и на пол полетели тряпки, коробки и прочая мелочь.

– Ты что ищешь-то, Николай Петрович? – тихо и очень вежливо спросил зять.

Старик задвинул пустой чемодан под кровать, встал и подошел к Сергею. Смерив его хмурым, спокойным взглядом, Петрович молча отодвинул зятя от шкафа, возле которого тот стоял и раскрыл дверцы.

Сергей вытер испачканные борщом губы и посмотрел на жену. Та молчала, со страхом, наблюдала за отцом.

– Николай Петрович, ты это... Не обижайся на меня, ладно? – снова заговорил Сергей. – Светка мне про твоих черных кошек все рассказала. Ну, что, в общем, продаете вы их... Может быть, я помочь чем смогу, а?

– Давно Ленка растрепалась? – глухо спросил старик, роясь в шкафу.

– Нет! – быстро ответила за мужа Света. – Сегодня только.

– Ну, так что, Николай Петрович? – явно заискивающе спросил Сергей. – Помочь вам, а?

– Денег моих захотел, стервец?

Петрович выпрямился. Старик держал в руках только что найденное в шкафу новенькое, помповое ружье. Лязгнул затвор и на пол со звоном упал патрон.

Сергей попятился и наткнулся спиной на Светку. Та стояла как вкопанная с расширившимися от ужаса глазами.

Петрович взял зятя за майку и грубо толкнул в угол. Сергей не сопротивлялся. У него мелко задрожала челюсть... Не зная что делать, он скрестил вдруг ослабевшие руки на груди.

Перед лицом Сергея медленно всплыл черный ствол.

– Я над тобой издеваться не буду, – твердо произнося каждое слово, заговорил старик. – И уму-разуму учить тоже не буду. Живи как хочешь, со Светкой или без нее, это уже твое дело. Но ты только одно запомни: тронешь мою дочь хоть пальцем и тогда я тебя кончу. Понял?

Сергей взглянул в глаза старика. Они были такими же темными, как ствол. Зять быстро кивнул.

Старик посмотрел на дочь.

– Знаю, у вас серебряные ложки были, – спросил он. – Где они?

Не в силах произнести ни слова Света показала глазами на сервант. Старик сгреб позвякивающее серебро в карманы куртки, потом вернулся к шкафу и взял оттуда патронташ.

– Ты уж извини, зятек, что ружьем у тебя одолжился, – на прощание сказал старик Сергею. – Твоя артиллерия посильнее и поновее моей будет. Верну. А ты, – старик взглянул на

дочь. – Пока здесь будь, к Ленке не ходи. Поняла?

– Да, папа...

Петрович обмотал ружье подвернувшимся под руку полотенцем и быстро вышел.

Когда дверь захлопнулась, Сергей, с трудом переставляя ноги, подошел к дивану и сел.

– Что это с ним? – спросил он жену.

– Не знаю...

– Вот елки-палки, а?! – Сергей вытер лицо и с удивлением посмотрел на мокрые от холодного пота руки. – И куда же это наш дед воевать направился?!

Дома Петрович высыпал серебро на стол и сходил в сарай за зубилом.

«Может быть жив еще Витька? – размышлял старик, разрубая ложки на крупные куски. – Может быть, еще не поздно? Ах, я старый дурень! Стыдно-то как, Господи! Что я Ленке скажу? Ушел, мол, твой муж за котами и не вернулся?»

Петрович перезарядил патроны серебряной картечью. Дроби он не жалел и заново снаряженных патронов получилось только девять штук. Магазин ружья вмещал шесть. Три оставшихся патрона старик сунул в карман.

Потом он долго искал фонарик, пока не вспомнил, что обронил его вчера в овраге. Пришлось мастерить факел. Петрович нашел крепкую палку, обмотал ее тряпкой и сунул в

канистру с бензином.

«Что еще нужно? – думал он, осматривая двор – Ах, да!.. Спички».

Старик вернулся в дом и захватил на кухне пару коробков спичек.

Потом его взгляд замер на иконах в углу. Петрович вспомнил свою Любашу. Иконы, еще сорок лет назад поставила жена. За это время лики святых потемнели и стали строже и старше.

Петрович переложил ружье в левую руку и неумело перекрестился.

– Ты уж прости, ежели что... – тихо сказал старик. – Но без Витьки мне все равно не жить.

Только по дороге на котоферму Петрович заметил, что следом за ним снова увязалась Багира. Кошка была явно встревожена и часто оглядывалась по сторонам.

«Запереть ее забыл, – подумал Петрович. – А впрочем, ладно... Вдвоем оно и лучше. Все ж таки живая душа рядом».

Старик подождал кошку, взял ее на руки и сунул за борт куртки.

– Помнишь свое место? – чуть заметно улыбнувшись, спросил он.

Багира благодарно мурлыкнула и потерлась головой о шею старика.

– Ну-ну!.. Без нежностей.

Прежде чем войти в диспетчерскую Петрович внимательно ее осмотрел. Солнце закрыли плотные облака и окна здания казались темнее обычного.

Неожиданно за одним из них что-то мелькнуло. Старик подошел поближе. Все дальнейшее произошло быстро как удар: на стекло окна, оттуда, из темноты, упало лицо Витьки. Оно было бледным как мел. Губы племянника дрогнули и с трудом произнесли какое-то слово. Потом Витька оперся ладонью на переплет рамы. Он попытался оттолкнуться от него, но не смог, словно кто-то невидимый за спиной удерживал его. Лицо медленно сползло вниз и исчезло.

– Витька!! – не помня себя от горя и боли крикнул старик.

Широко распахнутая входная дверь протяжно закрипела.

«Значит, действительно не Витька был нужен старухе, а я, – решил Петрович. Он мельком осмотрел ружье. – Ну что ж, если так, то давай с тобой встретимся, ведьма...»

Он смело шагнул к двери.

Глава двадцать первая

Лена вязала... Всегда, когда у нее случались неприятности, она брала в руки спицы и старалась ни о чем не думать. За редким исключением ей это удавалось, но только если ей никто не мешал.

А Светка явно нервничала... Она сидела за столом напротив и рассматривала свою ладошку. Света то сжимала ее в кулак, то распрямляла его. Иногда она громко вздыхала и искоса посматривала на Лену.

В конце концов, Лена не выдержала и спросила:

– Еще что-нибудь случилось, Свет?

Светка немного подумала.

– Отец сказал, чтобы я к тебе не приходила... А Витька твой куда-то пропал.

– С этим чертом ничего не лучится, – усмехнулась Лена. – Что еще?

– Отец взял ружье и ушел, – сказала Светка.

– Куда?

– Откуда я знаю? Лен, а вчера, когда я тебя на автобусной остановке встретила, у вас с Витькой что произошло?

Лена подняла глаза.

– Свет, у тебя муж дурак?

– Еще какой! А что?

– И у меня, представь, тоже... Витька нашу кошачью фирму прикрыть решил. А заодно Петровичу какую-то шоковую терапию устроить.

– Зачем?! – простодушно удивилась Света.

– Чтобы Петровича от депрессии вылечить.

– Какой депрессии?

– А отец разве тебе ничего не говорил?

– Нет. Он мне никогда ни на что и не жаловался...

Лена отложила в сторону вязание и посмотрела в окно.

– Короче говоря, я и сама толком ничего не знаю. Витька сказал, что хочет устроить охоту на страх. Только ты не волнуйся, Витька все патроны у Петровича разрядил. Я сама видела. Этот черт-муженек все заранее просчитал. Правда, я не знаю точно, что он там напридумывал. Я сейчас только на одно надеюсь, что Петрович хотя бы прикладом по его хамской роже треснет.

– Лен, а отец не свое ружье взял...

– А чье?

– Сережкино. Вместе с патронами. И даже ложки серебряные зачем-то.

– Серебряные ложки, говоришь? – взгляд Лены замер на растерянном лице свояченицы. – А когда он от вас ушел?

– Час назад...

– Кажется, теперь я понимаю, – Лена потерла лоб. – Мой Витька решил «в ведьму» сыграть. Там, на котоферме... Он мне как-то раз рассказывал, что еще в детстве, он однажды

пьянчужку – ночного сторожа – так пугал.

– Боже же мой, что же теперь будет?! – охнула Света.

– Беда будет, вот что! – повысила голос Лена. – Беги домой к отцу и объясни все ему!

Света бросилась к двери. На пороге она оглянулась.

– А если отца уже дома нет?

Лена взглянула на свою перебинтованную ногу и кивнула на телефон.

– Дай-ка мне его.

Взяв телефон из рук Светы, Лена быстро набрала номер.

– Алло... Это Михаил? Здравствуй, очень хорошо, что я тебя застала, – Лена прикрыла трубку ладонью и посмотрела на Свету. – А ты что стоишь?! Беги быстрее!

Света выбежала из комнаты едва не опрокинув табуретку.

– Да это я... – продолжала Лена в телефонную трубку. – Вот именно случилось... Да, беда... – она попыталась объяснить Михаилу суть происходящего, но собеседник ее плохо понимал. – Ладно, я тебе потом... Потом все расскажу. Мишка, если возможно, приезжай быстрее... Нет, полчаса это много... – Лена назвала адрес. – Ради Бога, не задерживайся, пожалуйста!

Света вернулась через пять минут. Она тяжело дышала.

– Отца дома нет, – прямо с порога выпалила она. – Лен, а ты уверена, что они оба на вашей котоферме?

– Да. Витьке больше негде разыгрывать свой идиотский спектакль. Сейчас за нами заедет один человек и мы с ним

поедем туда на машине. А так, – Лена кивнула на свою забинтованную ногу. – Мы с тобой туда и за два часа не доберемся.

– Боже мой, что же теперь будет?! – тихо застонала Света. За окном снова пошел дождь. Женщинам оставалось только одно – ждать...

А Петрович спешил. Он быстро поднялся на второй этаж, по пути отыскивая в кармане ключ. Но дверь в коридор оказалась открытой. Старик остановился и перевел дыхание.

Тучи чуть рассеялись и косые солнечные лучи, падающие из дверных проемов на стены коридора, стали ярче. Петрович довольно четко увидел дверь в конце коридора. Вокруг стояла полная тишина...

Старик переступил порог. Стараясь идти как можно тише, он заглянул в комнату справа. Это была та самая комната, в которой Лена устраивала «гнезда» кошкам с котятами. Все кошки были на месте. Услышав движение в коридоре кошки, грозно зашипели, стараясь прикрыть телами крошечных котят. Поведение животных сильно изменилось. Раньше все обитатели котофермы безбоязненно подходили к людям.

Старик вернулся в коридор. Следующая комната была пуста. Те животные, которым ничто не мешало покинуть котоферму просто ушли через открытую дверь.

Вторая дверь справа была заперта. Петрович припомнил, что Витька так и не нашел времени для того, что бы открыть

ее. Места для кошек хватало и так...

Старая кошка за отворотом куртки Петровича глухо зарычала. Старик опустил Багиру на пол. Коротко размахнувшись, он ударил прикладом в дверь. Та неохотно поддалась... По коридору пробежало гулкое эхо. После четвертого удара, нанесенного уже телом, дверь распахнулась. Почувствовав сладковатый запах гнили, Багира попятилась и снова глухо зарычала.

Петрович вошел в комнату. Она была примерно такой же по размеру, как и все остальные. Справа громоздились старые книжные шкафы со стеклянными дверцами до предела заполненные папками и рулонами карт. В углу слева чернело отверстие хорошо знакомой старику трубы. Пол покрывал толстый слой пыли, разрисованный странными следами.

Старик присел на корточки. Следы были похожи на кошачьи с той лишь разницей, что были в три раза крупнее. Петрович встал и заглянул за дверь. Там лежали останки кошки и нескольких котят. Почувствовав приступ тошноты, старик быстро отвернулся.

«Значит, здесь и жил уродец старухи, – решил он. – Чем питался тоже понятно. Не понятно другое, что там, в подвале случилось? Неужели сама старуха из гроба встала и в гости пришла?»

Петрович подошел к окну. По стеклу ползли первые дождевые капли. Ветер морщил лужи и раскачивал из стороны в сторону чахлые деревца. Просветы между свинцово-серыми

тучами стали похожи на густой молочно белый туман. Дальше, к западу, просветов уже не было видно и облака сливались в единую серую, неподвижную массу.

Старик еще раз осмотрел комнату. Следы оставленные гигантским котенком были действительно очень большими, но, как решил Петрович, все-таки не настолько, что бы животное оставившее их, представляло опасность для человека.

Багира стояла на пороге и, не отрываясь, смотрела на темный лаз в углу. Хвост кошки нервно дергивался.

Старик подошел к кошке и погладил ее по спине.

– Что, Багира, не нравится тебе здесь?

Кошка взглянула в лицо хозяина. Выскользнув из-под его руки, она прыгнула ему на плечо.

– Ну-у?.. – удивился старик – Не то боишься?

Из коридора донесся странный звук чем-то похожий на сдавленный стон. Петрович шагнул вперед.

В конце коридора, у последней двери, стояло *ничто*. Сумерки уже не давали рассмотреть смутно виднеющуюся фигуру во всех деталях. *Это* было похоже на медведя только шире и ниже ростом. Головы почти не было видно, она словно выросла в плечи.

– Витька?!.. – хрипло окликнул Петрович.

Фигура молчала. Старик прищурился и только тогда заметил, что то, что стоит в конце коридора, стоит к нему спиной. Фигура начала поворачиваться. Она поворачивалась

медленно, словно осознала свою неуязвимость.

Старик стряхнул с плеча кошку и поднял ружье.

– Витька?!.. – снова позвал Петрович.

Фигура завершила начатое движение и старик увидел морду чудовища. Она была похоже на оскаленный конский череп с темными впадинами вместо глаз.

Увидев старика, *это* шагнуло в сторону и скрылось в комнате. Грохнул выстрел и дробь вспорола пластиковый навесной потолок. Петрович стрелял вверх головы словно все еще надеясь на что-то... Потом он передернул затвор и пошел вперед. Но мысли старика были холодными и злыми: «Не уйдешь, гадина, все равно не уйдешь!»

У закрытой двери комнаты, за которой скрылось чудовище, Петрович остановился. Он не сомневался, что *это* ждало его. Не раздумывая, старик нажал на курок. Заряд оказался настолько мощным, что легкую, фанерную дверь сорвало с петель и отбросило вовнутрь.

Старик вошел в комнату. Там никого не было. Слева была еще одна дверь. Она тихо скрипнула, закрываясь до упора... Щелкнул замок.

Петрович передернул затвор, но тот вдруг как-то странно лязгнул, не дойдя до половины. Старик рванул затвор еще и еще раз и только потом, осмотрев ружье, заметил не до конца выброшенную гильзу. Он выругался и достал нож. Гильза успела расплющиться и, пытаясь избавиться от нее, старик потерял с десятков драгоценных секунд. Наконец затвор до-

шел до упора и, сухо щелкнув, вогнал в ствол патрон.

Петрович толкнул дверь. Она была заперта. Старик представил дуло к врезанному под ручкой замку.

«Как бы рикошетом собственной дробью не посекло...» – подумал он и нажал курок.

Дверь отбросило в сторону. Петровича сильно и остро укололо в лодыжку левой ноги. Не обращая внимания на боль, он пошел вперед.

По полу стелился сизый дым... Ветер выдавил во внутрь пробитое в нескольких местах отрикошетившей дробью стекло. Оно со звоном обрушилось на пол.

«Коридор!.. – мелькнуло в голове Петровича – По коридору уйдет, гадина!»

Это действительно бежало по коридору к выходу. Оно было уже далеко. Петрович вскинул ружье.

Если бы не заминка с заклинившим затвором, он ни за что не промахнулся. За мгновение до того, как раздался выстрел там впереди, в дверном проеме, мелькнула и скрылась черная тень. Картечь с визгом ударила вдоль стены.

Сильно прихрамывая, старик пошел по коридору. Из комнаты, где Петрович нашел следы чудовищного котенка выглянула Багира. Она подождала пока хозяин не пройдет мимо и побежала следом за ним.

На лестничной площадке Петрович осмотрелся. Спустившись на пару ступенек вниз, он сел и подняв вверх штанину на левой ноге, осмотрел рану. Она была не большой, но бо-

лезненной: кусок серебра пробил навывлет мышцу. Петрович снял куртку и оторвал от рубашки рукав.

«Никуда оно от меня не денется, – размышлял он про себя, перевязывая рану. – Некуда ему бежать кроме подвала. Одного я понять не могу, Витька где?!»

Повязка заметно уменьшила боль в ноге. Петрович осмотрел ружье и достал запасные патроны.

Багира потерлась о спину хозяина, потом вернулась к двери ведущей в коридор и понюхала воздух. Уловив какой-то странный, неприятный запах кошка глухо зарычала.

Закончив перезаряжать ружье, Петрович ухватился за перила и с заметным усилием встал. Сзади снова зарычала Багира. Старик оглянулся. Кошка выгнула спину дугой и прижала уши. Черная шерсть на спине встала дыбом.

Быстро, насколько это позволяла боль в ноге, Петрович шагнул вверх и заглянул в коридор.

Там, у пола, он увидел огромные, красные глаза. Дальнейшее произошло настолько быстро, что неизвестное животное показалось старику похожим на тень. Тень была неестественно длинной и черной. Она метнулась назад и исчезла в комнате.

– Значит двое их тут... – сказал старик. – Ну, да ничего, мы и до этой мелкой доберемся. Выкурим ее из трубы!

Багира не хотела уходить. Старик взял кошку на руки. Изогнувшись, Багира легко освободилась и взобралась старику на плечо.

Петрович спустился на первый этаж. Двери подвала были полуоткрыты и железные створки со скрипом покачивались на ветру.

Петрович подобрал оставленный в подъезде факел и достал спички. Багира переходила с одного плеча старика на другое и казалось совсем не обращала внимания на близкое пламя.

– Видок у меня, наверное, хорош, а?.. – усмехнулся Петрович, обращаясь к кошке. – С ружьем, факелом и кошкой на плечах – ну, не иначе как ведьмак какой-то... Багира, тебе там как наверху?

Кошка коротко мяукнула.

– Ну, тогда пошли... А ты мне за спину поглядывай.

Петрович спустился вниз по порожкам. Факел чадил, но его яркий свет был сильным и почти ровным.

Дойдя до того места, где обрывались порожки, старик нагнулся и осветил место внизу. Там лежала куча желтого песка. Петрович ухватился за обрезок трубы и спрыгнул. Багира едва не сорвалась, но, зацепившись когтями за рукав куртки, быстро взобралась на прежнее место.

Старик осмотрелся. Почти весь подвал занимали фанерные ящики.

– Витька! – громко позвал Петрович. – Ты где? Витька!

За фанерными ящиками раздался шорох. Петрович прикрыл глаза ладонью от слепящего света факела. Небольшое, свободное от ящиков пространство, заканчивалось пример-

но в пяти шагах от выхода. Дальше начинался лабиринт...

Петрович подошел поближе. Внутри гигантской фанерной тары громоздились горы стружки, смятые листы полиэтиленовой пленки и тонкие жестяные ленты для наружной обшивки. Разные по высоте и объему ящики стояли неправильными рядами. Проходы между ними были довольно узкими и извилистыми.

За первым рядом ящичков «коридорчик» разделился надвое. Петрович повернул налево и уже через несколько шагов наткнулся на кирпичную стену. Наверху виднелось окно закрытое массивной, металлической ставней. Старик повернул назад... Вскоре ему удалось добраться до центра лабиринта. Там было небольшое свободное пространство. Петрович остановился и осмотрелся. Из шести возможных путей он выбрал тот, который вел к противоположенной выходу стене подвала.

Путь оказался совсем не из легких. Дважды Петрович попадал в тупик и ему приходилось возвращаться обратно. Несколько раз Багира начинала рычать, давая понять старику, что опасность находится у него за спиной. Петрович резко оборачивался и кошка тут же успокаивалась.

«Наверняка старухин котенок, – решил Петрович. – Ишь ты, все сзади зайти норовит... А где же этот здоровый и лохматый?»

Уже пытаясь пробраться к выходу из лабиринта, старик вдруг услышал... Это было дыхание... Там, за фанерной пе-

регородкой.

Петрович тихо развернулся и направил ствол ружья так, что бы картечь от выстрела прошла на уроне колен.

– Витька, – тихо позвал он. – Ты здесь?

За фанерной перегородкой кто-то молча метнулся в сторону. Один за другим грохнуло два выстрела. Где-то обрушилась пирамида ящиков и снова все стихло.

Петрович взглянул на большое отверстие, пробитое картечью в фанерной стенке. Выстрел был сделан в упор и края отверстия горели.

«Пусть, – решил старик. – Пусть сгорит это гадючье гнездо к чертовой матери!»

Петрович бросил факел в гору стружки и быстро направился к выходу. На стенах и потолке подвала зашевелились розовые тени. Запахло дымом.

Выбравшись из лабиринта старик, наконец, увидел *это*. Оно возвышалось над ящиками, очевидно стоя на одном из них, и пыталось открыть окно. Железная ставня не поддавалась...

Лязгнул затвор и на мушку легло смутное, бесформенное пятно.

Это оглянулось.

– Дядь Коль, не стреляй! – раздался испуганный Витькин голос.

Но Петрович уже нажал спуск. В самое последнее мгновение старик рванул ствол вниз. Раздался выстрел и почти

сразу же следом за ним громкое восклицание Витьки.

У Петровича похолодело под сердцем. С плеча старика, сильно оттолкнувшись задними лапами, прыгнула назад Багира. Старик оглянулся. Его кошка сцепилась с каким-то длинным, похожим на гигантскую ласку, зверем. По не загроможденной ящиками и освещенной светом разгорающегося пожара стене подвала метались четные тени. Шерсть неизвестного животного переливалась зеленым, фосфоризирующим цветом.

Кошка явно уступала в силе своему противнику. Дважды, перекатившись через спину, зверь стаскивал оседлавшую его Багиру и пытался подмять ее под себя. Его красные, огромные глаза светились бешенством. Багира отпрыгнула в сторону и упала на бок. Этот хитрый, чисто кошачий прием, когда для боя освобождаются все четыре лапы, оказался для зверя роковым. Он прыгнул на кошку сверху и получил жестокий отпор: задние лапы Багиры коснулись живота зверя. Клубок сцепившихся животных распался. Жестоко израненная кошка пыталась встать, но не могла. В шаге от нее извивался на земле зверь: из его распоротого брюха, как гадюки, вываливались черные кишки.

Петрович подбежал к племяннику. Витька лежал, привалившись спиной к стене. Его правое бедро было мокрым от крови. Больше всего старика удивила одежда племянника: на нем был вывороченный наизнанку тулуп.

– Ах, ты ж сука! – застонал Петрович. – Ты что же, щенок

поганый, меня как пацана разыгрывал?!

Витька виновато скривился, изображая улыбку.

– Извини, дядь Коль, – тихо ответил племянник. – Это я тебе охоту на страх устроил...

– Что-что?!

– Прости, дядь Коль... – Витька был готов кричать от боли в ноге. – Прости меня, пожалуйста...

– Пожалуйста, говоришь? – Петрович перехватил ружье обоими руками за ствол как палку. – Сейчас тебе будет, стержец, пожалуйста!..

– Дядь Коль, ты что?! – Витька поднял руки, защищая голову. – Не надо!

Старик плюнул и опустил ружье.

– Ну, твое счастье, проходимец...

Он вытер пот и посмотрел в сторону разгорающегося пожара. Там, в центре подвала, уже поднимались к потолку высокие языки пламени.

– Куда я тебе попал? – спросил старик.

Витька поморщился.

– В задницу, дядь Коль...

– Пошути у меня еще, сукин сын!

– Да не шучу я! В правую половинку. Еще хорошо, что не весь заряд вlepил, – Витька кивнул на пожар. – Дядь Коль, уходить надо.

Петрович нагнулся к племяннику.

– Хватайся за шею.

Старик помог Витьке встать. Опираясь на плечо Петровича, Витька прыгнул в сторону выхода.

– Уй, ё!.. – тут же взвыл он

– Чего орешь?

– Больно.

Шли медленно и тяжело.

– Извини, дядь Коль, – быстро говорил Витька. – Помнишь, ты мне про войну рассказывал? Ну, про ту атаку, когда вам больше терять нечего было? Вот я и подумал, что клин клином вышибают... – Витька остановился. – Стой, дядь Коль, магнитофон забыли.

– Какой еще магнитофон? – проворчал старик.

– Звуковое оформление, – Витька смутился. – С его помощью я тебя и пугал.

– Сейчас вот как дам по роже прикладом! – закричал Петрович. – Магнитофон ему! Ты меня, сучий хвост, чуть до инфаркта не довел своими дурацким «оформлением»!

Старик потянул племянника в сторону выхода.

– Дядь Коль, да я же ведь все учел, – продолжал оправдываться Витька – Все кроме Серегиного ружья и бандюги этого с ножом...

– Жирного, что ли?

– Его. Морда уголовная, – Витька презрительно сплюнул. – Леха, кстати, об его башку палец сломал.

– Значит, вместе с Лешкой меня разыгрывали?

– Ага... Правда, я думал, что ты вместе с ним, еще тем

же вечером, меня разыскивать пойдешь. Леха к тебе домой сунулся, а там этот бандюга с ножом... Так что финал мне перенести пришлось.

– Где ты ночевал-то? Тут, что ли?

– Не-е-е... – Витька попытался улыбнуться – Ей-богу, жутко тут как-то... К тому же я дверь твоего дома, дядь Коль, и без ключа могу открыть.

– Так ты дома у меня был?! – удивился старик.

– Ну, а как же! – простодушно ответил Витька – За тобой же глаз да глаз нужен. Вот я и присматривал, что бы, не дай Бог, случилось чего... Спал ты долго, правда.

До выхода оставалось совсем немного.

Петрович искоса взглянул на Витьку и спросил:

– Ты про старуху знал?

– Какую старуху? – удивился Витька.

– Ну, про ту, у которой я кошку взял?

– Нет...

Сзади раздалось утробное рычание. Компаньоны оглянулись.

Оставляя за собой темный след, следом за ними полз зверь.

– А это что за чудо-юдо? – тихо спросил Витька.

Петрович поднял ружье. Целиться с одной руки было неудобно. Старик нажал на курок. Возле самых лап зверя поднялся столб пыли. Перезаряжать ружье было неудобно: мешало близкое соседство Витьки.

«Не успею!..» – мелькнуло в голове у старика.

Петрович увидел морду зверя. Она была похожа на жабыю. Из скошенной на бок, не по размеру огромной пасти падали ключья темной пены. Потускневшие красные глаза светились ненавистью.

Зверь прыгнул. Он распластался в воздухе, вытянув вперед толстые, уродливые лапы.

Снизу, от земли, метнулась вверх еще одна тень. Багира ударила зверя в бок и оба рухнули вниз возле самых ног старика. Изогнутый коготь царапнул носок сапога Петровича. Багира оказалась сверху. Она рвала когтями тело врага, одновременно пытаясь добраться до его горла.

Щелкнул затвор. Старик ногой отпихнул кошку в сторону и приставив ствол к голове чудовища. Выстрел получился глухим, словно стреляли в воду. Голова зверя разлетелась на куски.

– Ну, ни фиги себе!.. – растягивая слова, тихо прошептал Витька – Дядь Коль, а это что за чудище такое?

– Пошли, – грубо оборвал племянника старик. – С тобой тут, за разговорами, сгоришь к чертовой матери.

– А я все думал, кто же моему магнитофону подпевает? – продолжал размышлять вслух Витька. – Может, этот зверь свой голос подавал?

У выхода Петрович отбросил уже ненужное ружье и подтолкнул Витьку куче песка.

– Лезь. Я тебя подсажу.

– За мою простреленную задницу, да?– скривился Витька. – Лезь ты, а потом и меня вытащишь.

– Такого бугая вытащишь! – закричал старик. – Мне тебя снизу удобнее будет поддержать. Не бойся, раненую ногу не задену.

– Да?!.. А ты подумал, как я там наверху, со своим простреленным задом разворачиваться буду, чтобы тебе руку подать? – тоже закричал Витька.

– Я без тебя выберусь.

– Как же!.. Хромаешь чуть меньше меня.

– Лезь, дурак!

Витька посмотрел на ящики. Они были слишком большими, громоздкими и тяжелыми, что бы оказаться полезными в такой ситуации.

Витька презрительно плюнул.

– К чертовой матери все! Не хочешь идти первым, значит вместе гореть будем.

Глава двадцать вторая

Михаил и Света помогли Лене добраться до машины. На ходу Лена поясняла другу мужа суть происходящих событий. Тот невольно улыбнулся...

– Действительно, похоже на Витьку, – в конце концов, заключил Михаил. – Не стать ему бизнесменом.

– Убивать надо таких ночных философов! – продолжала жаловаться Лена. – Как на пороховой бочке с ним живу. Альтруист-самоучка, черт бы его побрал!

Женщины разместились на переднем сиденье вместительного «Вольво». Сзади сидели двое коротко подстриженных парня с твердыми, безразличными лицами.

Машина легко проходила даже крутые повороты. Света показывала дорогу.

– Ходячая шизофрения в штанах! – продолжала бушевать Лена. – Если жив останется, я сама его пристрелю.

– В такого как Витька довольно трудно попасть, – заметил Михаил. – Он хитрый, как змей.

– Не знаю как там насчет хитрости, а вот в его змеиной подколодности я не сомневаюсь! – По разгневанному лицу Лены прокатилась первая слезинка. – Ведь какое дело развалил, подлец! Сколько денег потеряли! Сегодня он у меня точно в глаз получит!

Михаил притормозил только возле спуска в овраг. Машина взяла крутой подъем и снова набрала скорость.

Света с завистью осмотрела обтянутый кремовой кожей просторный салон. В машине пахло чем-то очень дорогим и приятным.

– Хорошая машина, – сказала она. – Дорого стоит?

– Триста тысяч.

– Рублей?

Парни на заднем сиденье рассмеялись.

Возле диспетчерской Михаил резко затормозил. Из машины вышли все кроме Лены. Она попросила у Михаила сигарету. Тот протянул пачку и щелкнул зажигалкой. Рука женщины сильно дрожала. Прикурив сигарету, Лена закашлялась. Она откинулась на спинку сиденья и вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Иди, Миш! Спешить надо.

Михаил с парнями направился к подъезду. Из подвала донесся отчетливый звук выстрела. Спустя совсем немного времени еще один...

Парни посмотрели на Михаила.

– Разборка, что ли? – спросил тот, что повыше.

Михаил перестал улыбаться и кивнул на двери подвала.

– Придется идти без оружия. Там свои.

Парни переглянулись. Тот, что пониже почесал кончик носа и глупо усмехнулся.

– Извини, Михаил Алексеевич, но в такие игры я без «ка-

лашников» с подствольником не играю, – сказал он и посмотрел на высокого.

– И я тоже, – подтвердил тот. – Такого уговора не было. Кстати, мы пленных брать не умеем.

Михаил пожал плечами и вошел в подъезд. Спустившись вниз по лестнице ведущей в подвал, он остановился и прислушался. Внизу кто-то спорил. Пахло древесным дымом и сгоревшим порохом.

Михаил нагнулся.

– Есть кто живой или нет? – громко крикнул он.

– Заходи, гостем будешь! – ответил веселый Витькин голос. – Мы тут как раз с Петровичем шашлык друг из друга собираемся готовить.

Михаил спрыгнул... В глубине подвала бушевал пожар. Сухая фанера горела ярко и почти без дыма. Витька лежал на куче песка и пытался прикурить измятую сигарету. Рядом стоял Петрович. Он опирался на ружье и сердито сверкал глазами.

Михаил кивнул на оружие.

– В прятки играли?

– Немножко, – согласился Витька.

Михаил улыбнулся.

– У американцев есть такая игра, пейнтбол называется. Собираются люди где-нибудь в лесу и начинают перестреливаться краской из пулилизаторов. А вы, как я посмотрю, решили в эту игру по-русски сыграть?

Петрович что-то проворчал и поднял с земли Багиру.

– Это у дяди Коли что-то типа охотничьей собачки, – пояснил Витька. – Мишка, посмотри какого она зверя завалила!

Прикрывая лицо ладонью от наступающего жара, Михаил осмотрел уродливое тело зверя и присвистнул.

– Ничего себе! Я такого никогда не видел.

– Дарю, – великодушно сказал Витька. – Жаль, что от башки почти ничего не осталось. Когда будешь делать из него чучело изобрази голову в виде жабьей морды. Очень даже похоже получится.

– Такой и человека запросто убьет, если сзади прыгнет, – определил Михаил. – На клыки его посмотрите... Сантиметра три, не меньше.

– Хватит зубы скалить, – строго сказал Петрович. – Шутки кончились. Выбираться нужно.

– Это точно, – согласился Михаил.

Он поднял голову и громко свистнул. Витьку вытаскивали вчетвером. Михаил и Петрович поддерживали раненого Витьку снизу, парни тащили сверху.

– Пожар, это ерунда, дядь Коль, – успокаивал старика Михаил. – Сейчас двери закроем и без воздуха он задохнется. Вокруг бетон и наверх огонь не пойдет.

Михаил помог старику и следом выбрался сам.

Витьку аккуратно, боком, втиснули на заднее сиденье машины. Он внимательно посмотрел на ожидающую его там

Лену и только после того, как прикрыл голову обоими руками, положил ее на женские колени. Лена безразлично смотрела в окно и молчала.

Михаил и парни суетились возле дверей подвала.

Светлана ткнула головой в грудь отца, обняла его за плечи и заплакала.

– Ну, будет тебе! – сказал старик. – Все уже кончилось. А с таким человеком как Витька, сама понимаешь, без пожара и стрельбы обойтись никак не могло.

Витька громко вскрикнул. Петрович взглянул на машину. Сморщившись, племянник держался за глаз. Лена рассматривала свой кулачок и хищно улыбалась.

– Дядь Коль, убери от меня эту дуру! – заорал Витька.

Продолжая улыбаться, Лена взглянула на Петровича.

– Первый раз в жизни мужу в глаз дала, – пояснила женщина. – Незабываемый кайф, дядь Коль.

Михаил вытер закопченные руки и сел за руль.

– Мы в больницу сейчас поедem, – пояснил он Петровичу. – А ребята тебя до дома проводят. Ну, бывайте!

– Ленку из машины уберите! – потребовал Витька.

– Ага, жди, – возразила женщина. – Заткнись лучше, а то еще получишь.

Михаил рассмеялся и машина тронулась с места.

Старик перевязал Багиру. Кошка безразлично озиралась вокруг и только иногда, когда боль становилась нестерпимой, вздрагивала всем телом.

Всю дорогу парни шли сзади старика и его дочери. Один из них нес ружье.

Светлана часто вздыхала.

– Да не рви ты мне душу! – ворчал Петрович. – Сказано тебе, кончилось все!

– Беда ведь могла случиться, – тихо жаловалась Света.

– Ну, не случилась же!

Вошли в поселок. Дождь стих. Быстро стемнело и в окнах зажглись уютные, желтые огоньки.

Дома Петрович поставил ружье у порога и еще раз осмотрел Багиру. Старик решил сменить повязку и заботливо смазал раны кошки зеленкой. Бинта Петрович не жалел и в результате из черной кошки Багира превратилась в белую.

Света по привычке направилась на кухню.

– Я есть не хочу, – предупредил старик дочь. – Чаю, разве что приготовь.

Закончив с Багирой, Петрович долго умывался, с удовольствием подставляя пышущее жаром лицо под прохладную струю воды. Сам не зная почему, старик вдруг улыбнулся...

Потом он долго тер лицо полотенцем и, только окончательно избавившись от навязчивой улыбки, направился к столу.

– Пап, можно я у тебя останусь? – спросила Света.

– Зачем? – удивился Петрович – У тебя что, детей что ли нет?

– Господи, не на улице же они! С отцом все-таки...

Старик отхлебнул горячий чай и с интересом покосился на дочь.

– С Серегой-то у тебя как?

– Нормально, – просто ответила Света.

– Жить-то вместе будете?

– Будем.

Петрович усмехнулся и кашлянул в кулак.

– Если Серега на мои деньги рассчитывает, то зря, – твердо сказал старик. – Не дам!

Света улыбнулась.

– Ну и не давай.

– Думаешь, шучу? Сказал не дам, значит не дам.

– Да не нужны нам твои деньги.

– Тебе-то может и не нужны, а вот Сереге твоему...

– С ним я как-нибудь сама разберусь, – оборвала отца Света.

После ужина Петрович снова засобирався в дорогу.

– Ты куда, на ночь глядя? – удивилась Света.

– Тебя провожу. А потом к Витьке в больницу заеду. Проведаю, как он там. Ведь как ни крути, а я его все-таки подстрелил...

Уже выйдя за дверь дома следом за отцом, Света вдруг громко рассмеялась.

– Ты чего это? – спросил Петрович.

На секунду он отвлекся и вместо того, чтобы закрыть дверь, механически сунул ключ в карман куртки.

– Сережку вспомнила, – пояснила Света. – Господи, ну что за испуганная физиономия у него была, когда ты, пап, на него ружье наставил.

Петрович проводил дочь до самой калитки. Света попрощалась с отцом, но, взглянув ему в глаза, вдруг задержала его за рукав.

– Пап, а ты что улыбаешься?

Старик немного смущенно потер щеку.

– Да я и сам не знаю...

– Ну, а все-таки?

Петрович подумал. Его улыбка стала чуть шире...

– Наверное, потому улыбаюсь я, дочка, что все хорошо кончилось. От облегчения... На душе у меня сейчас легко. Но и пусто, правда, как в нежилой комнате.

– Почему пусто?

Петрович пожал плечами.

– Съехал оттуда один мой давний жилец, дочка. Добрался все-таки до него Витька. Ну иди домой!

Старик решительно направился к автобусной остановке.

Увидев в салоне знакомое лицо, водитель маршрутного такси согнал с лица сонное выражение.

– Скоро поедет, граждане, – сказал он и тут же пояснил: – Извините, но полупустую машину гонять туда-сюда не выгодно. Может быть, подождет еще человек пять?

Петрович молча кивнул...

Уже через полчаса старик вошел приемное отделение областной больницы. Лена сидела в кресле рядом с женщиной в белом халате. Они о чем-то весело переговаривались и смеялись.

– Короче говоря, муж у меня теперь каждый день вещи в чемодан укладывает, – болтала Елизавета Сергеевна. – А вечером прощенья просит...

Увидев Петровича, Лена кивнула на кресло рядом с собой. Вскоре вышел молодой врач и сказал, что операцию Витьке уже делают. Потом он улыбнулся и добавил, что, судя по всему больной должен все-таки выжить. Предмет, нанесший ему травму, в силу ряда причин, напрочь исключал заражение крови.

В это время Витька действительно лежал на операционном столе. Прежде чем найти свою цель, картечь пробила не один ящик и хирургу не составляло большого труда извлекать из толстой мышцы, расположенной несколько ниже поясницы, кусочки серебра.

– Где вас подстрелили? – поинтересовался врач у раненого. – В ювелирном магазине?

Вызывающе красивая медсестра громко хихикнула. Хирург извлек очередной кусочек и внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Если я не ошибаюсь, это часть ручки чайной ложечки, – пробормотал он. – У моей тещи есть точно такие же. Теперь,

когда она выложит их на стол, я буду расценивать это как довольно прозрачный намек.

Медсестра зажала рот ладошкой и отвернулась. Витька кусал губы и помалкивал. Он страдал...

Перед операцией Лена настаивала на том, что бы хирургическое вмешательство проводили без анестезии. Измученная превратностями семейной жизни женщина искренне хотела, что бы полученный урок муж запомнил на все оставшиеся годы их совместного проживания под одной крышей. Врачи, конечно, не согласились на столь бесчеловечный эксперимент. Но и та доза обезболивающего, которую вкололи Витьке перед операцией, в связи с финансовыми трудностями, выпавшими на долю больницы, была мягко говоря, минимальной.

– Дробь на память брать будете? – наклонившись к раненому, спросила медсестра.

– Нет! – прорычал Витька, тиская могучими ладонями край медицинского ложа. – Доктор, побыстрее там можно, а?!

– Не спешите, дорогой вы наш, – многозначительно заметил хирург. – Кстати, если вы не будет брать дробь, то на моем месте было бы глупо что-нибудь пропустить.

Медсестра снова засмеялась...

Лена решила остаться в больнице. Петрович осторожно возразил. Разумеется, в какой-то степени Витьке, конечно,

требовалась моральная поддержка, но исходя из прошлого опыта, племяннику вряд ли бы пошел на пользу тот длинный монолог, который Лена тщательно обдумывала сидя в приемной. Кое-какие мысли Лене подсказала Лиза. Так что, зная о решении жены, Витька скорее бы согласился на еще одну операцию без наркоза, чем на послеоперационное, ночное присутствие Лены возле своей постели.

Лена понимающе кивнула Петровичу.

– Я не перестараюсь, дядь Коль, – заверила она. – По крайней мере, в окошко Витька не выпрыгнет.

– Тогда ты его к койке привяжи, – улыбнулся старик.

Лена проводила Петровича на автобусную остановку.

– Ленк, а чего это люди на нас оглядываются? – спросил Петрович.

– А мы с тобой, дядь Коль, на одну и ту же ногу хромаем, – спокойно ответила женщина. – Если со стороны посмотреть, то довольно смешно получается.

– Дал же Бог племянничка! – вздохнул старик.

Лена дождалась автобуса и помахала Петровичу на прощанье рукой.

Старик сел у окна. Автобус тронулся...

Петрович смотрел на огни вечернего города и думал. Его мысли были удивительно спокойны и просты. Старик не хотел вспоминать прошлое, мечтать о будущем, он просто смотрел на ярко освещенные окна домов и думал о том, что там, за этими окнами живут люди. Еще он думал о том,

что у этих людей свои радости, проблемы, ожидания и что эта чисто житейская суета, если она не искорежена большими, злыми чувствами, может подарить человеку ощущение огромного, всепоглощающего покоя. Не мелкого, судорожного счастья рожденного сиюминутными переживаниями, а именно покоя.

Выйдя из автобуса, Петрович направился было к Лешке, но потом передумал. Он не хотел видеть, как добродушное лицо соседа вдруг становится виноватым и жалким. А возможно старик просто не хотел выслушивать сбивчивых, путанных объяснений и оправданий.

Поднимаясь по порожкам веранды, Петрович нашарил в кармане ключ и уже было протянул руку к двери, как вдруг заметил, что та открыта.

«Опять закрыть забыл, – улыбнувшись, подумал старик. – Даже деньги и те меня уму разуму не научили. Прав был Витька, когда говорил, что нараспашку я живу...»

Петрович вошел, и уже было протянул руку к выключателю, как вдруг услышал тихий плач младенца в зале. Это было похоже на удар... Старик замер. Перед его мысленным взором вдруг промелькнули двери подвала и черная бездна за ними. Петрович почти физически ощутил как там, в груди, что-то большое и теплое мгновенно сжалось в маленький и холодный комочек. На лбу выступила испарина. Старик опустил вниз застывшую было руку и его пальцы наткнулись на холодную сталь ружейного ствола.

«Не взяла, значит, Светка ружье... Забыла. – Подумал старик, ощупывая ствол. – А как там, в книге было написано? «И бывает для человека того последнее хуже первого»? Что ж, сейчас посмотрим».

Через полуоткрытую дверь в комнату Петрович увидел, что на его постели лежит что-то темное и бесформенное. Это что-то шевелилось и кричало.

Оно вернулось!

Старик поднял ружье. Мушка плавно накрыла цель...

Неожиданно возле самого пола мелькнуло большое белое пятно. Это был бинт, которым еще совсем недавно старик перевязывал жестоко израненную Багиру. Кошка подошла к кровати, прыгнула на нее и обнюхала то, что лежало на ней. Плач стих...

Петрович почувствовал, что слишком сильно давит на курок. Вот-вот должен был ударить выстрел. Старик убрал палец с курка. Сердце бешено стучало. Петрович включил свет и шагнул в комнату.

На его постели лежал младенец. Он освободил одну ножку из-под жесткого, дешевого одеяльца, в которое был завернут и задумчиво сосал пальчик.

Старик чуть не уронил ружье.

«Я что, рехнулся что ли?! – подумал он. – Малец-то откуда здесь взялся?!»

Петрович посмотрел на ружье и содрогнулся. От непоправимой, страшной беды спасло только чудо.

В коридоре хлопнула входная дверь. Петрович оглянулся. Там, на пороге, стояла та самая юная мама, которую сегодня днем старик встретил на остановке. Казалось, что с того времени она плакала не переставая. Ее лицо еще больше покраснело и распухло от слез.

Девчонка упала на колени и протянула руки к Петровичу.
– Дедушка, миленький, отдайте! – прокричала она.

Петрович вытер со лба холодную испарину и ощупал ладонью левую сторону груди. Сердце не болело, но старик сомневался в том, что оно способно выдержать столько приключений за один день.

«Подкинуть ребенка захотела, стерва... – быстро оценил создавшуюся ситуацию Петрович. – Хотя может и не стерва она? Плачет же и даже на колени бухнулась...»

Чтобы еще больше не испугать и так потерявшуюся от горя девчонку, старик подошел к шкафу и спрятал ружье.

– Дедушка, миленький, отдайте! – повторила юная мама.

Она была удивительно искренна и одновременно наивна в своем огромном горе.

– Ну, а если не отдам? – строго спросил старик.

Девчонка закрыла лицо руками и зарыдала так, что Багира прыгнула с дивана и отошла подальше в угол.

Петрович сел.

– Аг-г-гу!.. – громко сказал младенец. – Бр-р-рля!..

Старик посмотрел на ребенка.

– Понятно. Значит, есть хочешь?

– Аг-г-гу!..

Юная мама вскочила с колен и бросилась к дивану. Петрович перехватил ее руки возле самого одеяльца. Девчонка отчаянно сопротивлялась, пытаясь завладеть драгоценным свертком.

– Дедушка, я больше не буду!.. – кричала она.

– Детями, что ли, швыряться не будешь?

– Не буду!..

– И рожать больше не будешь?

– Не буду!..

– И с мужиком спать не будешь?

– Не буду!

По-прежнему удерживая девчонку за руки, старик усадил ее рядом с собой.

– Отдышись-ка маленько, а потом поговорим.

Юная мама попыталась возобновить схватку, но Петрович легко удержал ее. Гостя прерывисто дышала и часто всхлипывала.

– Чаю хочешь? – после небольшой паузы спросил старик.

– Что?!

– Чаю. Только заварки у меня нет, я с вареньем пить люблю.

Девчонка покосилась на старика.

– А ребенка отдадите?

– Отдам, – пообещал Петрович. – Но только после чая.

– Нужен мне ваш чай!

– Тогда иди отсюда и больше не приходи. А придешь – выгоню.

Гостья немного подумала и если не окончательно, то хотя бы наполовину придя в себя, согласилась остаться.

Петрович немного схитрил. Он поставил на плиту самый большой, трехлитровый чайник, доверху наполненный водой. Жиденькое пламя наполовину включенной горелки осторожно лизнуло мокрый, в капельках, бок чайника и надолго спряталось под его днищем.

Пока старик хлопотал на кухне. Девчонка покормила грудью ребенка.

Чай пили на кухне. Гостья жадно посматривала на тарелку с кусочками колбасы и сыра. Петрович улыбнулся и пододвинул тарелку поближе к молодой маме.

– Звать-то тебя как? – спросил он.

– Таня.

– А ребенка?

– Дарена, – уже с набитым ртом ответила гостья.

– Хорошее имя, – старик кивнул в сторону комнаты. –

Спит девчонка?

– Угу.

– Уже легче, – Петрович отхлебнул чай. – Муж-то есть?

– Был.

– Что значит был?

– Умер. Поехал подработать денег в Москву, а там... В общем, никто толком не объяснил, что произошло. Говорят,

авария... Я еще до того как Даренку родила, мужа похоронила.

Старик немного помолчал.

– Живешь-то с кем?

– Со свекровью и отчимом мужа. Тут недалеко от вас.

– Что, плохо живешь?

– Плохо. Пьют они сильно, а уйти мне некуда.

– Сама-то из каких будешь?

– Деревенская. Только меня тетка воспитывала, а у нее самой трое детей.

– Понятно. Ну, а по какой такой причине ты именно меня в приемные дедушки выбрала?

Гостья покраснела и опустила голову.

– Ну что молчишь? – старик подлил гостье чая. – Я, Танюшка, человек уже пожилой и стесняться меня нечего.

– Мне раньше... – гостья робко улыбнулась. – Мне раньше мультфильм один очень нравился. Этот... Про деда Кокваню, кошку Мурену и внучку Дарену. Хорошо они жили в лесу. Вот я подумала... Ну, что, в общем, хуже Дарене не будет. А еще, дедушка, все говорят, что вы очень богатый, потому что черных кошек продаете...

– Уже болтают, значит?! – удивился старик. – И кто же?

– Все... – Танюшка всхлипнула и неожиданно севшим голосом сказала. – Мне, дедушка, иногда жить не хочется... Тошно мне от такой моей жизни.

Петрович подавил вздох.

– Давай-ка, Танюшка, спать ложиться, – сказал он. – Утро вечера мудренее. Завтра мы посмотрим, что с тобой делать.

– Помочь хотите? – криво улыбнулась гостья. – Да кто я вам?

Старик вспомнил о той страшной беде, которая могла случиться час назад и коротко сказал:

– Считай что крестный.

Маленькую Дарену не стали будить и Танюшка легла вместе с дочкой. Петрович устроился на Витькином месте. Старик долго ворочался, вспоминая суматошный день.

«И чего только в жизни не бывает? – размышлял про себя Петрович. – И куда не посмотришь, беда за бедой... Покоя нет в людях, Господи!»

Перед тем, как уснуть старик вспомнил жену. Его мысли уже путались и в сонном полузабытьи образ Любаши получился особенно ярким. У жены было встревоженное лицо. Она что-то быстро говорила и показывала рукой за спину Петровича. Слов старик не слышал.

Он улыбнулся и спросил:

– Ты что говоришь-то?

Петрович хотел подойти поближе к жене, но вдруг натолкнулся на невидимую преграду. Она была похожа на толстое стекло.

«Нет, нет! – прочитал старик по губам жены. – Не надо!» Любаша снова показала рукой куда-то за его спину. «Туда смотри, туда!» Петрович поднял руку, протянул ее, но снова

наткнулся на невидимую стену.

...Он проснулся глубокой ночью от громкого стука в дверь. Старик отбросил одеяло и сел. По полу стелился едва заметный, молочно-белый туман. Петрович протер глаза. Туман не исчез.

Входная дверь гудела от безостановочных ударов.

«Кого там черт несет? – лениво подумал старик. – Витька, что ли, из больницы сбежал?»

Он прошлепал босыми ногами в коридор, щелкнул замком, и дверь со скрипом распахнулась.

На пороге стояла старуха. Она почти не изменилась, другой была только ее одежда: мокрый, грязно-белый саван подчеркивал костлявую худобу ее тела. Глубоко запавшие глаза старухи казались мертвыми и безразличными.

– Холодно мне одной в земле лежать, – глухим голосом пожаловалась старуха. – Пустил бы погреться, хозяин?

На Петровича пахнуло ледяным, могильным холодом. Это был страх. Страх морозил кожу и обжигал лицо. Страх рвал кожу, пытаясь проникнуть туда, во внутрь, где было тепло.

– Вернулась, значит? – спросил Петрович.

Старуха кивнула.

– Вернулась, – за ее бескровными губами блеснул ряд белых, молодых зубов. – И никуда ты от меня не денешься, Горелый!

Петрович попытался закрыть дверь, но страшная гостья

ее удержала.

– Ребенка мне отдай, тогда уйду, – старуха рассмеялась. – А ты поживи еще, помучайся.

Петрович рванул дверь.

– Пошла вон, ведьма!

– Не отдаш-шь?!..

На лице старухи выступили зеленые пятна.

– Ты, тварь болотная!.. – Петрович шагнул вперед. Ухватившись обеими руками за мокрый саван, он рванул его на себя.

Голова старухи качнулась и приблизилась. Петрович выдержал тусклый, угрожающий взгляд пустых глаз.

– Слышишь ты, тварь?! Пошла вон отсюда!

Что было силы старик оттолкнул от себя ведьму. Та попятилась, а потом, коротко взвизгнув, бросилась вперед. Петрович поймал длинные худые руки, тянущиеся к его горлу. Ведьма застонала и присела. Седая, включенная голова ткнулась в грудь старика. Петрович отшвырнул от себя ведьму. Та быстро выпрямилась. Взглянув на Петровича, она расхохоталась.

– Что, думаешь, справился со мной? Рано радуешься! До гробовой доски к тебе приходиться буду. Нет и не будет тебе от меня покоя!

– А я тебя, тварь, до гробовой доски давить буду, – спокойно ответил старик. – И даже за смертным порогом тебе меня не скрутить.

Ведьма попятилась. Ее лицо исказила злобная усмешка.

– Запомни мои слова, запомни!

Старик усмехнулся.

– Да кто ты и что ты, что бы я тебя помнил?

Он захлопнул дверь.

...Петровича разбудила Танюшка. Он резко оторвал голову от подушки и посмотрел на нее. Та испуганно моргала глазами.

– Ты что? – спросил старик.

– Кричали вы сильно во сне, дедушка, – Танюшка виновато улыбнулась.

Петрович взглянул в окно. Уже светало...

Старик улыбнулся девчонке.

– Небось, думала, что помру во сне?

– Что вы! Да вы еще сто лет проживете.

– Дай-то Бог... – Петрович потер лицо, прогоняя остатки сна. – Даренка как спала на новом месте?

– Ой, а она, кажется, заболела, – Танюшка снова виновато улыбнулась – Горячая вся, как чайник...

Петрович кивнул на дверь.

– Ну-ка выйди, мне одеться надо.

Через три минуты Танюшка как угорелая металась по дому.

– Какая ты к черту мать?! – кричал Петрович. – Дите в жару, а ей хоть хны! Да под кроватью твой сапог лежит, не

видишь, что ли?! Телефон тут на углу улицы. Ори в трубку так, что бы тебя без телефона на правом берегу города слышно было! Да быстрее собирайся, быстрее!

Танюшка пулей вылетела за дверь.

«Скорая» пришла очень быстро. Хмурый, заспанный врач согнал с кровати, где лежала Даренка молодую, черную кошку с едва заметным белым пятном на груди.

– Срочная госпитализация! – сказал врач, прослушав грудь девочки. – Впрочем, не волнуйтесь. Состояние девочки не критическое.

Танюшка уткнулась в ладони покрасневшимся лицом и заплакала. Молодая кошка с белым пятном на груди села рядом с ней и принялась внимательно рассматривать врача.

– Тебе в куклы играть, а не детей рожать! – одернул Танюшку Петрович и обратился уже к врачу. – Вместе с матерью ребенка брать будете?

– Разумеется.

– А что ей с собой захватить?

Врач перечислил. Петрович кивнул и пошел собирать вещи. Требовалось не так уж и мало: начиная от чистой простыни и кончая стаканом.

«Скорая» отошла от дома с включенной сиреной.

Петрович перекрестился.

«Проведать бы надо девчонку, – подумал он. – Да и Витьку заодно. Как он там?»

Старик вдруг вспомнил о не кормленных кошках с котята-

ми, все еще обитающими в диспетчерской и развел руками.

«Господи, да что мне, на три части разорваться, что ли?»

Петрович вздохнул еще раз и направился готовить кашу для кошек. Затем он выкатил из сарая тележку. Его решение перевезти оставшихся кошек домой было практически вынужденным: нога сильно болела и ходить в диспетчерскую каждый старику было бы тяжело.

В суете и хлопотах прошел день. Петровичу так и не удалось выбрать время, что бы съездить в больницу. Уже вечером старик вытащил и пересчитал заработанные с помощью Витьки деньги. Он немного подумал и разделил их на две части.

«Витька все равно себе ни гроша не возьмет, – решил он. – Так что поделю-ка я их между Ленкой и Светкой поровну. Без обиды, значит. Женщинам ведь всегда денег не хватает...»

Старик подумал еще и отложил немного денег в сторону.

«А все ж таки и Танюшке с Дареной нужно дать... – подумал Петрович. —Трудно им, а тут глянь столько... На всех хватит».

Он нашел лист бумаги и уже было собрался завернуть него деньги, как вдруг наткнулся на Витькины стихи.

Лошадиное счастье – купаться в траве...

Воду пить после скачки – досыта,

А еще чтобы гвоздь – этот крошечный враг —

Не пробил острой болью копыто.

Лошадиное счастье – смотреть на костер,

Слушать смех,

Видеть мир первобытным...

А еще чтобы звезды светились в воде

Всем-всем-всем,

В том числе и копытным...

Лошадиное счастье – огромно до слез.

Целый мир! Целый свет! И как море...

Лошадиное счастье – хомут бы не тер...

Жаль, не лошадь я в доброй неволе!

Наше счастье – хотеть,

Наше счастье – не ждать!

Человек – арлекин на веревках.

Только добрые лошади могут прощать,

Всех шальных,

Всех дурных,

Всех неловких...

Лошадиное счастье – купаться в траве,

Воду пить после скачки – досыта,

А еще чтобы гвоздь – этот крошечный враг —

Не пробил в быстрой скачке копыто...

«Вот тебе и весь Витька! – подумал Петрович. – И чего он

хочет, один только Бог знает...»

Уже ночью, перед тем как лечь в постель, Петрович долго стоял перед иконами, рассматривая суровые, спокойные лики. Старик молчал... Простые и добрые слова, те, которые говорят друг другу встречаясь после долгой разлуки, вдруг ожили внутри него и заполнили собой душевную пустоту. Петрович боялся только одного, что произнесенные вслух эти чудесные слова вдруг потеряют свой первоначальный смысл и станут мелким и незначительным... Как все остальные слова, которых так много вокруг.

Петрович поднял руку и перекрестился.

– Вот так мы и живем на этом свете, – сказал он. – Прости нас, Господи!..

Заключение

Вот так и закончилась эта не совсем обычная история. Кот Мальчик вернулся домой. К удивлению старого кота, ему обрадовались и накормили его так, что кот понял – именно теперь ему многое дозволено. Он вымыл мордочку и смело направился к своему прежнему ночному месту – кровати, где жил малыш.

Паша Мушкин снова нашел черного, зеленоглазого котенка. Тот ли это котенок, которого он нашел, а затем потерял на остановке, Паша не знает. Но ему вдруг стало не то что везти, а просто легче жить... Он действительно бросил пить и теперь сторонится любой хмельной компании. Прежние друзья Паши пару раз видели его с красивой и очень веселой женщиной, которая почему-то называла его «бывшим». Но при этом женщина так ласково улыбалась, что кое-кто из друзей подумал, а не были ли они знакомы раньше?

От оставшихся кошек и котят Петрович смог избавиться без особых затруднений. Их брали с огромной радостью и очень удивлялись, когда старик отворачивался от денег. Живой валютный товар разобрали в течение двух дней.

Через полгода в городе появилось множество фирм спекулирующих именно на этом волшебном бизнесе. Желаящим, а также сомневающимся, в офисе любой из фирм мо-

гут предъявить кучу справок и актов удостоверяющих, что именно их живой товар является законным продолжателем рода знаменитых зеленоглазых котов Петровича. Иногда, впрочем, самые отчаянные скептики обращаются и к самому старику. Тот сразу же начинает сердиться и, не стесняясь, посылает всех куда подальше.

Маленькая Дарена выздоровела и Петрович частенько заходит к своим крестницам (крестницам действительным, потому что, по настоянию старика, малышку окрестили вместе с матерью). Старик приносит девчонкам кое-какие подарки: молоко, апельсины, картошку или тушку кролика и грозиться отсудить часть квартиры у пьяницы-свекрови. На вопрос дочери, зачем, мол, тебе все это нужно, старик отмалчивается и продолжает делать по-своему.

Последнее время зятя Петровича, Сергея все чаще и чаще видят рядом со стариком. Как-то раз он даже провожал Петровича к Танюшке. Но ничего путного из этого не вышло: Сергей подрался с пьяным свекром крестницы Петровича. Что любопытно, попытку обидеть старика зять теперь воспринимает крайне болезненно, так словно хотят обидеть его самого. Например, после драки с пьяным родственником Танюшки и Дарены он громко и возмущенно кричал, что «убивать надо таких алкашей» и его долго держали за руки сбегавшиеся на шум соседи.

Витька и Лена вернулись в деревню... Витька несколько не изменился. По вечерам, когда все крестьянские дела уже

переделаны и от усталости ноют спина и руки, он с прежним фанатичным упрямством садится за стол и что-то сочиняет или пересматривает уже написанное. Мысль, что пора бы уже издать книгу, не дает ему покоя. Иногда Витька, перелистав тетрадки, удивляется тому, как мало ему удалось сделать: вряд ли наберется и сто листов для книжки небольшого формата. Как именно, точнее говоря на какие средства, он будет издавать свою книжку, Витька пока не решил. Впрочем, он, кажется, снова что-то задумал... Что именно, конечно, понять трудно. Да и возможно ли?..

Лена ждет третьего ребенка. Она меньше ругает своего непутевого мужа. Но отказываться совсем от такой привилегии она, конечно, не собирается. Впрочем, скандалов или крупных ссор в семье никогда не бывает. Так что проблема очередного развода отпала сама собой.

Петрович забыл о своей мечте переехать в деревню. После всего случившегося он стал как-то строже и в то же время, как это не парадоксально звучит, улыбчивее и веселее. У него масса дел и старику некогда скучать. Еще осенью Михаил заказал ему кроличью шубку для дочери. Работа Петровича всем понравилась и теперь старик завален ей чуть ли не на год вперед. Но Петрович не жалуется... За работой дни проходят веселее да и подрастающие внуки требуют все больших затрат.

Во время одного из визитов к Петровичу, Михаил рассказал старику о том, что ему так и не удалось изготовить чуче-

ло из зверя, убитого им в подвале диспетчерской. Не смотря на усилия опытных мастеров, шкура зверя за пару дней превратилась в труху. Петрович выслушал рассказ молча и не задал ни одного вопроса.

Больше всех пострадала в этой истории Багира. Теперь старая кошка сильно хромает, ее морда стала совсем седой и она почти не выходит из дома. Спит Багира в ногах у Петровича, а с недавних пор она стала приучать к этому месту свою подружку – молодую кошку с чуть заметным белым пятном на груди. Правда, та пока спит на полу возле дивана.

Багира никогда не ложится раньше полуночи. Вечерами она бродит по комнатам, обнюхивает давно не жилые мышинные норки, а потом долго сидит на подоконнике и рассматривает Луну. Спит Багира очень чутко. В новолуние или когда на улице царит темное дождливое ненастье, кошка часто просыпается, резко поднимает голову и долго смотрит в темноту зелеными, не поземному огромными глазами...